

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками—
по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6 руб. 30 коп.**

Подписка преимущественно принимается:

въ **ВОРОНЕЖѢ** въ Редакціи **Филологическихъ**
Записокъ; также въ извѣстныхъ столичныхъ книжныхъ
магазинахъ и въ другихъ городахъ.

Въ Редакціи также можно получить:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» и
за прежніе годы, а равно и нѣкоторыя отдѣльныя изданія,
а именно:

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр.
А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ
Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866.
Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.
—Шестъ лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лав-
ренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ
послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер.
съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна.
Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова.
Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи. III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній,
въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго состав-
ляютъ **Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи**,
изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

72006.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

Изд. А. Хованскимъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

1886.

Воронежъ.

Въ Типографіи В. П. Исаева.

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

КСР. 00
12
— 0518674 —

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.

Основные элементы языка и начала его развитія. 11. Связь жестовъ съ письмомъ, особенно символическимъ. — 12. Отношеніе жестовъ къ живой рѣчи. —

II. Интеръекціональныя звуковыя группы. (Продолженіе).

Проф. В. И. Шерцля.

Литературная эволюція на Западѣ. (Продолженіе).

Проф. Н. И. Карѣва.

Къ ученію о словянскомъ глаголѣ. 2-я и 3-я особенности словян. глаголовъ. (Продолженіе).

В. М. Добровскаго.

Къ вопросу о положеніи русской женщины по бытовымъ пѣснямъ народа.

С. Н. Брайловскаго.

Психологическая справка по поводу преподаванія словопроизводства.

И. С. Соломоновскаго.

Замѣтка о правописаніи.

Н. И. Иванова.

Замѣтка о производствѣ слова «улица».

І. Ѳ. Шарловскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ слѣдующей книжкѣ будутъ помѣщены статьи 1) «О постановкѣ русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ» (посвященная памяти И. С. Аксакова) Г. Миловидова, 2) о томъ-же предметѣ «Два слова отъ Редакціи» и 3) «Замѣтка о повторительномъ курсѣ русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» А. Степовича, въ которыхъ высказывается настоя-

(Далѣе см. на 3-й стр. обертки).

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА И НАЧАЛА ЕГО РАЗВИТИЯ.

(Продолжение).

11. Связь жестовъ съ письмомъ, особенно симво- лическимъ.

Такъ какъ жесты представляютъ родъ настоящаго письма, облеченнаго характеромъ фигуративнымъ или символическимъ, то не трудно открыть нѣкоторыя черты сходства между жестами съ одной и идеографическимъ и символическимъ письмомъ съ другой стороны. Параллелизмъ физическаго и интеллектуальнаго міра составлялъ отличительный признакъ первыхъ вѣковъ человѣческаго рода и онъ является основною причиною того идеологическаго письма, которое воплощаетъ мысль и на письменное изображеніе понятій употребляетъ тотъ же принципъ, который обнаруживается въ изображеніи ихъ посредствомъ звуковъ. Во всѣхъ способахъ примитивнаго изображенія конкретные предметы рисуются на основаніи ихъ характерныхъ признаковъ: если у глухонѣмого шляпа символизируетъ мужчину, а серга женщину, и если негры на могилахъ мужчинъ ставятъ лукъ, а на могилахъ женщинъ ступку, то въ такихъ проявленіяхъ совершенно прозрачной символики въ принципѣ нѣтъ никакой разницы, такъ какъ они сводятся къ общей идее обозначить изображаемое понятіе посредствомъ весьма типичныхъ, отличительныхъ его признаковъ. Примитивныя начертанія бушмановъ и сибирскихъ туземныхъ племенъ, надписи на скалахъ коренныхъ жителей южной Америки, разное письмо сѣверо-американскихъ туземцевъ, гіероглифики древне-египетская и мексиканская и наконецъ, китайское письмо — они всѣ съ жестами раздѣляютъ фигуративность и символизмъ, но по мѣрѣ большаго ихъ развитія они все болѣе и болѣе удаляются отъ жестовъ, характеръ ихъ все значительно усложняется и наконецъ при переходѣ въ область фонетическихъ элементовъ всякая связь съ жестами прерывается. Для лучшаго уразумѣнія отношенія жестовъ къ символическому письму приведу нѣсколько примѣровъ символическаго изображенія понятій на письмѣ разныхъ народовъ.

Къ крайне примитивнымъ способамъ изображенія при-

надлежитъ образное письмо сѣверо-американскихъ туземцевъ, которое, выражая содержаніе изображаемаго извѣстія или сообщенія въ однѣхъ только общихъ чертахъ, безъ пояснительныхъ подробностей, служило собственно мнемоническимъ пособіемъ, средствомъ для освѣженія памяти, но по ясности и удобопонятности далеко уступало языку жестовъ. Тѣмъ не менѣе, символика и этого незатѣйливаго, крайне неразвитаго письма выказываетъ, не смотря на свои особенности, нѣкоторое сходство съ символизированными жестами. Такъ, красная сѣкира, или лукъ и стрѣла изображаютъ войну, а курительная трубка — миръ, человѣкъ съ протянутою рукою символизируетъ дружбу, стрѣла — непосредственную власть надъ жизнью, палка — господство, власть, красная рука — рану, черная рука — смерть; волнистыя линіи, исходящія отъ уха, значатъ „слышать“ и изображеніе такихъ линій по обѣимъ сторонамъ головы означаетъ усиленное, напряженное вниманіе; небольшія, поперечныя черточки въ кругѣ или полукругѣ означаютъ воду (надъ головою человѣка — дождевую воду, дождь); человѣкъ, подносящій руку ко рту, изображаетъ понятіе „ѣсть“, человѣкъ съ бѣлымъ ртомъ = голодъ, эллиптическая линія около плечъ = бремя, тяжесть, кругъ около живота = обиліе сѣстныхъ припасовъ, достаточность, изображеніе растенія означаетъ лѣченіе и пр. Есть, впрочемъ, и менѣе понятныя символическія изображенія. Такъ напр., четырехугольникъ, окружающій нижнія части тѣла, означаетъ не только юбку, но символизируетъ также обиліе платья, палка и перо рисуютъ плѣнника, черепаха представляетъ землю (и въ индійской мифологіи земля изображается въ видѣ плывущей на водѣ черепахи — *kûgma*), змѣя означаетъ власть, господство, способность, двѣ перекрещивающіяся змѣи — осторожность, волкъ на синемъ лукѣ бдительность и т. д. И мексиканская гіероглифика соблюдаетъ принципъ представлять происшествія и идеи цѣликомъ, посредствомъ группъ связанныхъ изображеній, не разбивая изображаемаго содержанія на составныя части; и здѣсь символическіе знаки по своей основной идеѣ нерѣдко значительно сближаются съ соотвѣтствующими жестами: лицо съ завязаннымъ ртомъ указываетъ на нѣмоту, слѣды ноги вы-

ражаютъ понятія „итти, путешествовать“, опрокинутая на водѣ лодка=гибель, мертвая голова или черепъ=смерть, щитъ возлѣ стрѣлы=война; языкъ символизируетъ рѣчь, разговоръ или жизнь, четыре красныя поперечныя линіи означаютъ кровь, домъ рисуетъ очагъ, огонь или городъ, птичья голова, окруженная перьями, означаетъ воздухъ и пр. Знаменательный символическій элементъ усматривается также въ томъ, что знатныя особы рисовались съ тѣмъ большими носами, чѣмъ важнѣе было занимаемое ими въ обществѣ положеніе.

На чипевайскихъ сверткахъ кругъ означаетъ духъ, душу, а рогатая змѣя—жизнь; туземцы Виргиніи символизировали прибытіе бѣлыхъ людей посредствомъ огнедышащей лебеди. Крантцъ сообщаетъ также о примитивномъ способѣ гренландцевъ фиксировать что нибудь помощью образнаго письма: прошенія и документы, которые они присылали купцамъ, состояли изъ кусковъ кожи, на которыхъ въ грубыхъ контурахъ углемъ были нарисованы тѣ предметы, которые они желали брать въ долгъ и сверхъ того (въ видѣ черточекъ) число дней, по истеченіи которыхъ они обязывались уплатить долгъ.

Древнеегипетскіе гіероглифы по способу изображенія и по значенію распадаются на три разряда: 1) мимическіе, чисто-образные, фигуративные, представляющіе простые рисунки предметовъ (*μέθοδος χυριολογική κατὰ μίμησιν* Клеменса Александрина), 2) тропическіе или символическіе, изображающіе отвлеченныя понятія, 3) фонетическіе. Здѣсь, по существу дѣла, мы можемъ имѣть въ виду только тѣ изъ упомянутыхъ выше детерминативныхъ знаковъ, которые облечены характеромъ символическимъ (и принадлежатъ, слѣдовательно, ко второму разряду). Многіе изъ нихъ весьма поучительны: такъ, солнце символизируетъ свѣтъ, блескъ, ясность; изображеніе человѣка, подносящаго руку ко рту, означаетъ (въ общемъ смыслѣ) дѣйствіе рта и голоса, а въ переносномъ смыслѣ душевныя ощущенія; зло, бѣдствіе, несчастіе символизировалось изображеніемъ преступника, наказываемаго кнутомъ или палкою; вооруженная палкою рука изображала дѣйствіе, требующее напряженія силъ; бой обо-

значали черезъ двѣ руки, изъ которыхъ одна держала щитъ, а другая оружіе (копье), двѣ ноги символизировали движеніе (смотря по ихъ направленію или приближеніе, или удаленіе), теленокъ, бѣгущій къ водѣ, означалъ жажду, ножъ выражалъ дѣленіе, разлуку, папирусый свертокъ — науку или абстракцію, женщина, играющая на инструментѣ — удовольствіе, радость; ротъ означалъ отверстіе, отдѣлъ, рука — направленіе, сердце — середину, перо — истину, справедливость. Мужчина съ поднятыми руками символизировалъ поклонъ, обожаніе или радость, понятіе „нести“ было перенесено на работу вообще, сидящій, отдыхающій чело-вѣкъ изображалъ не только отдыхъ, но также бездѣйствіе, слабость; чело-вѣкъ съ связанными руками представлялъ врага, вражду и преступленіе, кормящая женщина служила символомъ воспитанія, голова означала превосходство, глазъ изображалъ понятія видѣть, замѣтить, наблюдать, просыпаться, но кромѣ того также въ противоположномъ смыслѣ спать, засыпать, сниться; слезы символизировали печаль, горе, дыханіе въ переносномъ смыслѣ обозначало „ощущать радость, удовольствіе“, горло выражало понятіе дышать и ѣсть, рогъ — нападать и сопротивляться, лапа — схватить, похитить, птичка символизировала съ одной стороны малость, съ другой злость, коварство, рыба — презрѣніе, нечистоту, препятствіе, цвѣтокъ — радость, небо — высоту, превосходство, вода — мыть, чистоту, парусъ былъ символомъ вѣтра, дуновенія и воздуха, уголь символизировалъ защиту, ножъ — отрѣзываніе, дѣленіе, отличіе, узелъ — связывать, завертывать, платье, шить. Понятіе „быть пьянымъ“ имѣетъ своимъ детерминативомъ прорѣзанную чело-вѣческую ногу (ср. съ этимъ употребляемое въ англійскомъ Slang выраженіе breaky leg „подкашивающаяся нога“, чѣмъ обозначаютъ крѣпкій напитокъ). Ястребъ символизировалъ величіе, возвышенность, соколиный глазъ — видъ, созерцаніе, коршунъ (о которомъ полагали, что онъ кормитъ своихъ дѣтеншей своей собственной кровью) — мать, левъ — превосходство, крокодилъ — злодѣйство, лукавство, муха — нахальство, муравей — мудрость, кругъ — вѣчность, открытая рука — щедрость, зажатый кулакъ — скупость; пчела символизировала царя, угорь (избѣгающій общества другихъ животныхъ) — негодни-

ка, шакаль надъ жертвенникомъ — жреца, бодрствующаго въ святилищѣ. Изображеніе яйца или гуся символизировало сына, мумія была эмблемой формы, видоизмѣненія, два рядомъ произрастающихъ отростка или стебелька изображали сходство, лотосовый листъ символизировалъ множество, сани — отрицаніе, священный узелъ — жизнь; страусовое перо выражало справедливость (такъ какъ предполагалось, что всѣ перья въ крылѣ одинаково длинны), пальмовая вѣтвь — годъ (такъ какъ предполагали, что изъ нея вырастаетъ ежегодно двѣнадцать отростковъ, каждый мѣсяцъ по одному), ибисъ представлялъ бога Тота (сходнаго съ Гермесомъ), фениксъ съ человѣческими руками (какъ бы поклоняясь) — чистыхъ духовъ въ послѣднемъ періодѣ метемпсихоза и пр.

Изъ китайскихъ знаковъ сюда относятся тѣ, которые облечены характеромъ символическимъ и обыкновенно состоятъ изъ двухъ идеографическихъ элементовъ. Несмотря на конвенціональность, условность знаковъ этой категоріи многіе по основной идеѣ совершенно прозрачны и понятны для каждаго европейца. Такъ, „учиться“ (hio) изображается черезъ „ребенка подъ ступкою“ (т. е. вбивать что въ голову; глухонѣмые выражаютъ то же понятіе черезъ „класть что въ голову“ и въ суагильскомъ языкѣ „учить“ выражается черезъ funda, что буквально значитъ „бить, толочь“); „отдыхъ“ выражается черезъ „человѣка у дерева“ (на языкѣ жестовъ черезъ „человѣка“ и „растянуться“), „бить“ (t'a) черезъ руку и гвоздь; чиновникъ съ бамбуковой палкой символизируетъ понятіе „господствовать, властвовать“, ротъ и птица = пѣть, птицы на деревѣ = собираться, мясо и подниматься = беременность, нить черезъ ротъ = середина, сердце — говорить = думать, сердце-середина = вѣрный, болѣзнь и горохъ = оспа (т. е. гороховая болѣзнь — намекъ на щербинки отъ оспы). „Бояться“ изображаютъ черезъ „бѣлое сердце“ (такую же метафору встрѣчаемъ и у туземцевъ сѣверной Америки), темноту черезъ „солнце подъ деревомъ“, рубить черезъ „топоръ и дрова“, помогать = мужчина и рука; hiung (старшій братъ) изображается знаками „человѣкъ“ и „ротъ“ (такъ какъ старшій имѣетъ право учить). „Бить корову“ означаетъ пастуха (mu), человѣкъ въ туманѣ (въ облакѣ) = пьяный, слова и гвозди =

критика, слова и вѣрь = обманывать (šen); корова и ротъ = обвинять (као — собств. „мычать“); пламя среди лампы = господинъ, повелитель (šu), сѣть слова (т. е. ловить словами) = упрекать. Слово (jen) изображается посредствомъ выходящихъ изъ рта волнъ, линий (въ азтекской пѣроглификѣ „говорить, слова“ изображаютъ черезъ паръ, выходящій изъ рта), сердце и ножъ (т. е. рѣзать сердце) = печалиться; женщина у двери (т. е. прислушивающаяся) = ревнивость; зерно и ротъ (т. е. кормить, успокоить) = миръ; грязь и голова = невѣжество; огонь надъ человѣкомъ = слава, знаменитость (такимъ же образомъ это понятіе выражается въ языкѣ глухонѣмыхъ); сердце-рабъ = гнѣвъ (сердитый есть рабъ сердца); сердце въ двери („прищемить сердце“) = печаль, горе; сердце-убѣжать = забыть; солнце и луна (т. е. усиленный свѣтъ) = ясный; ротъ въ двери = спрашивать (напротивъ: ухо въ двери = „отвѣчать“ — собств. прислушиваться къ отвѣту); слово между двумя собаками (т. е. мѣсто, гдѣ подстерегаютъ каждое слово) = тюрьма; день-остановиться = вечеръ; женщина и темнота = женихъ (въ древнія времена женихъ вечеромъ или ночью приходилъ за своей невѣстой); сынъ и нить („что тянется за сыномъ“) = внукъ; языкъ и вода (т. е. двѣ вещи, которыя постоянно въ движеніи) = веселый; толстое сердце = гордый; солнце убѣжать = вчера; вода и огонь (т. е. противоположности) = неладный, собака и человѣкъ = слушаться, повиноваться; дождь метла (т. е. дождь, который можно отмести метлою) = снѣгъ; десять и ротъ (т. е. что прошло черезъ десять лѣтъ смѣняющихся поколѣній) = старый; сердце привязать = любовь (liuen); хлѣбъ огонь (т. е. зрѣлый, поспѣвшій хлѣбъ) = осень; глазъ малый (т. е. прищуривать, жмурить глаза, чтобъ лучше рассмотреть что нибудь, какъ дѣлаютъ близорукіе) = разсматривать, разбирать, экзаменовать; изображеніе ребенка обозначаетъ также полночь, изображеніе пчелы выражаетъ также множество, большое число, рисъ служить также эмблемою согласія, гора изображаетъ также пустыню, изображеніе узла означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ. „Новый, свѣжій“ выражается черезъ „рубить дрова“ (sin), ming „темный, тусклый“ черезъ 16, день и покрывать“ (такъ какъ

въ 16 день мѣсяца луна начинаетъ затмѣваться); „беременная“ (jing) изображается черезъ мясо и лягушку (лягушка символизируетъ надуваніе, пученіе утробы). Выраженіе ſū „письмо, книга“, встрѣчающееся уже въ древнѣйшей части Su-king-a, состоитъ графически изъ руки, которая держитъ кисть и изъ открытаго рта (т. е. „говорящая рука“), cîn „подданный, министр“ изображаетъ мужчину, глубоко кланяющагося или повергающагося на землю, солнце надъ небосклономъ значитъ „рано“ (tán), солнце за деревомъ= „утро, востокъ“ (tûng), птица, опускающаяся на свое гнѣздо, означаетъ „вечеръ, западъ“ (sî), восходящій полумѣсяцъ символизируетъ вечеръ, рука и грифель означаетъ исторіографа, ученаго (ssè), двѣ женщины рядомъ означаютъ споръ, ссору (wân), три женщины рядомъ—коварство, козни, измѣнничество (kiên). Понятіе „добрый, хорошій“ (hao) символизуется черезъ изображеніе женщины (т. е. матери) и сына, заключая въ себѣ намекъ на отношеніе матери къ сыну; домъ (kia) патриархально изображается черезъ „свинью подъ крышей“; лѣкарство (jo)= „трава, радость“ („веселящее зелье“); исторія, лѣтопись (ki)= „говоритъ само“ (что само рассказываетъ, т. е. что общеизвѣстно); горькій (ku)= „трава увядшая“, перестать, спокойствіе (tûng)= „нога подъ крышей“ (что пріостановилось, болѣе не двигается), волна (po)= „вода, кожа“ (т. е. поверхность воды), глупость (tung)= „свинья подъ покрываломъ“, дѣлать, различать (phuan)= „ножъ половина“ (т. е. рѣзать что нибудь на части), вредный, опасный (cai)= „вода огонь“ (намекъ на пагубныя дѣйствія элементарныхъ силъ); грудной ребенокъ (jing)= „женщина и два жемчуга“ (символизующіе грудь), пошлина (šoei)= „мѣрить-зерно“, недостатокъ (cui)= „сѣть плохая“ что не удовлетворяетъ, не достигаетъ цѣли, негодится); спорить, бранить (tan)= „слова огонь“ (т. е. горячія слова; аналогично понятіе „сердить, беспокоить“ рисуется черезъ знаки „огонь“ и „голова“, т. е. „жечь голову“) и пр. Есть также слова, изображаемые посредствомъ трехъ знаковъ, составляющихъ одну символическую группу: такъ, два человека подъ деревомъ значитъ „приходить“ (lâi), два человека на землѣ= „сидѣть“ (tsó), женщина, рука и метла=

„хозяйка“ (fù); домъ (kiâ) въ настоящее время изображается черезъ свинью подъ крышей, но въ древнія эпохи нижняя часть этой символической группы изображала не свинью а 3 людей, которые, въ качествѣ семьи, соединены подъ одной крышей (G. v. d. Gabelentz, Chines. Grammatik 48). Слова, облеченныя грамматической или, точнѣе говоря, синтаксической функціей, которыя, по своему абстрактному содержанію, не могли быть въ точности переданы посредствомъ какихъ нибудь изображеній или символовъ, были выражаемы переноснымъ путемъ черезъ слова, имѣвшія съ ними одинаковое произношеніе. Такъ, частица родительнаго, сѣ, представляетъ изображеніе произрастающаго изъ земли корешка или ростка, предлоги jü и hū символизируютъ поднимающійся паръ или дыханіе, союзъ 'rh (и, при томъ) изображаетъ бороду и пр. Эта богатая и замѣчательная символика усложняется еще тѣмъ, что разныя изображенія совершенно утратили свое основное, идеографическое значеніе и удержали только значеніе символическое: такъ, изображеніе человѣка не обозначаетъ человека, но только „великость“, изображеніе женской груди не обозначаетъ груди, а мать и пр.

Изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ видно, что есть случаи неоспоримаго сходства жестовъ съ символическими письменными знаками, но что такая генетическая связь жестовъ съ фигуральнымъ письмомъ далеко не общая: жесты никогда не выразятъ многихъ фигуративныхъ и символическихъ группъ такъ опредѣлительно и осязательно, какъ знаки на письмѣ, но и на оборотъ: письменные знаки, если они не должны выходить изъ тѣсной рамки символизма, никогда не будутъ въ состояніи изобразить разныя представленія и понятія съ такой живостью, выразительностью и пластичной наглядностью, какъ жесты. Въ грубыхъ попыткахъ первобытнаго письма, въ примитивныхъ способахъ изображенія связь жестовъ съ письмомъ символическимъ проявляется въ большихъ размѣрахъ, нежели тамъ, гдѣ письмо доведено до значительной степени совершенства. Оттого способы изображенія американскихъ туземцевъ и даже символическіе элементы мексиканскаго письма гораздо ближе

стоять къ языку жестовъ, нежели символическіе детерминативы древнеегипетской гіероглифики или знаки китайскіе. Не оспаривая возможности вліянія жестовъ на образованіе или видоизмѣненіе разныхъ символическихъ знаковъ на письмѣ, все же происхожденіе всей системы символическаго письма отъ жестовъ мы должны считать гипотезой и въ добавокъ не особенно убѣдительною. Приписываемое Лейбницу изреченіе, что, по видимому, китайское письмо есть продуктъ находчивости глухонѣмыхъ и было ими же изобрѣтено, ничѣмъ не доказано и не обставлено никакими положительными данными, а еще съ меньшимъ правомъ можно утверждать, что жесты оказали несомнѣнное вліяніе на изобрѣтеніе и форму буквъ, т. е. чисто фонетическихъ элементовъ письма. Психологическій процессъ при образованіи символическихъ изображеній съ одной, и жестовъ съ другой стороны не тождественъ и кромѣ того группы письменныхъ знаковъ имѣютъ болѣе вещественное и болѣе осязательное содержаніе, нежели простые воздушные рисунки.

12. ОТНОШЕНІЕ ЖЕСТОВЪ КЪ ЖИВОЙ РѢЧИ.

Есть также весьма вѣскія точки соприкосновенія между языкомъ жестовъ и живой рѣчью: одна изъ важнѣйшихъ аналогій между этими двумя способами сообщенія состоитъ въ томъ, что жесты, равно какъ слова, превращаютъ основныя чисто-конкретныя значенія при болѣе продолжительномъ употребленіи въ переносныя, абстрактныя. Другая, еще болѣе важная аналогія заключается въ томъ, что въ жестахъ, точно такъ, какъ въ звуковомъ языкѣ, должно отличать интеръекціональные элементы (т. е. междометія и звукоподражательныя восклицанія разговорнаго языка) отъ такихъ словъ, которыя выражаютъ представленія и понятія. Первой группѣ соответствуютъ безсознательные, неумышленные жесты и тѣлодвиженія, происходящія отъ рефлексивныхъ движеній отдѣльных мускульныхъ группъ и членовъ; къ словамъ, изображающимъ понятія, можемъ приравнять искусственныя, умышленныя жесты. Но тутъ же обнаруживается весьма

существенная разница, отдѣляющая жесты отъ звуковаго языка: жесты всегда весьма наглядно и осязательно передаютъ то впечатлѣніе, изъ котораго они возникаютъ (такъ напр. рефлексивныя движенія отвращенія, бѣшенства, страха, жесты нѣжности, покорности и пр.), напротивъ, наши слова представляютъ, хотя не произвольные, но все же совершенно абстрактные, символическіе, отличные отъ соотвѣствующихъ впечатлѣній звуковые продукты, которые, по крайней мѣрѣ въ историческіе періоды языка, никоимъ образомъ не передаютъ непосредственнаго впечатлѣнія означаемаго ими представленія. Пока слова держатся въ тѣсной рамкѣ примитивной ономатопии, пока и они рисуютъ не звуки природы, а то приблизительное впечатлѣніе, которое такіе звуки (особенно звуки звѣринные) производятъ на человѣка, жесты (т. е. воздушная) и слова (т. е. звуковая оболочка представленій) весьма сходны другъ съ другомъ, но такое сходство съ прогрессивнымъ развитіемъ языка все болѣе и болѣе сглаживается, такъ какъ жесты неразрывно соединены съ создававшимъ ихъ впечатлѣніемъ, тогда какъ историческій процессъ языка неотступно требуетъ не только все большаго и большаго ограниченія словъ ономатопическихъ и интеръекціональных категорій, но также окончательнаго разрыва связи между примитивными впечатлѣніями и изображающей ихъ звуковою оболочкой, переходящей все болѣе и болѣе въ область символическихъ, метафорическихъ продуктовъ. Конкретность и осязательность всѣхъ жестовъ прозрачна и неизгладима; слова же представляютъ одни только звуковые символы, сгладившіе или далеко опередившіе тѣ конкретныя основы, изъ которыхъ они возникли.

Другое, не менѣе важное различіе между словомъ и жестомъ состоитъ въ томъ, что слова, посредствомъ флексій, изображаютъ также взаимныя другъ къ другу отношенія понятій, тогда какъ въ языкѣ жестовъ отношенія изображаемыхъ наглядно представленій никогда не обозначаются, потому что жестикулирующій предоставляетъ эту умственную операцію догадливости того, къ кому онъ обращается. Такъ какъ кромѣ того звуковые продукты языка не въ примѣръ многочисленнѣе жестовъ, то эти послѣдніе нерѣдко бываютъ

крайне неопредѣленны и многозначительны. Жесты въ сравненіи съ живой рѣчью стоятъ слѣдовательно на низкомъ уровнѣ и этимъ объясняется также извѣстный фактъ, что люди, какъ только могутъ объясняться другъ съ другомъ помощью живаго языка, бросаютъ языкъ жестовъ и не обращаютъ на него прежняго вниманія, безусловно отдавая предпочтеніе живой рѣчи. Австралійскіе туземцы, весьма опытные въ жестикуляціи, съ привозимыми въ Австралію полинезійскими рабочими, которые не менѣе искусные мимики, предпочитаютъ объясняться на ломаномъ англійскомъ жаргонѣ, не обращая вниманія на языкъ жестовъ. Тамъ, гдѣ образуется *lingua franca*, языкъ жестовъ лишается своего исключительнаго положенія, постепенно приходитъ въ упадокъ или совсѣмъ вымираетъ. Такъ, образованіе чинукскаго жаргона, развившагося изъ торговыхъ сношеній европейцевъ съ туземными племенами сѣверозападнаго побережья сѣверной Америки, положило конецъ употребленію жестовъ въ тѣхъ странахъ. Съ развитіемъ особаго, англо-китайскаго жаргона, такъ наз. *Pidgeon—English*, китайцы въ торговыхъ городахъ въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами стали исключительно употреблять этотъ жаргонъ и тоже самое должно сказать объ употребленіи торговаго русско-китайскаго жаргона въ Кяхтѣ, такъ наз. кяхтинскаго нарѣчія.

Которому изъ упомянутыхъ здѣсь важныхъ средствъ сообщенія мыслей должно приурочить первенство въ примитивномъ періодѣ человѣчества, жестамъ или живому языку? Мнѣнія изслѣдователей въ этомъ отношеніи окончательно расходятся: Маллери полагаетъ, что языкъ жестовъ предшествовалъ звуковому языку и опирается, между прочимъ, и на тотъ фактъ, что у ребенка мы замѣчаемъ выразительные жесты гораздо раньше языка; Тайлоръ называетъ такое мнѣніе теорією, которая заслуживаетъ серьезнаго вниманія, но все же не подтверждена никакими убѣдительными наблюденіями и фактами, не говоря уже о томъ, что она вовсе не доказана; Герландъ, въ свою очередь, не находитъ возможнымъ считать языкъ жестовъ общимъ явленіемъ и полагаетъ, что жестикуляція и въ первые періоды про-

грессивной эволюціи языка играла не первую, а второстепенную роль. Съ своей стороны, мы полагаемъ, что окончательное рѣшеніе этого чрезвычайно важнаго вопроса пока еще преждевременно въ виду того, что собранный до сихъ поръ матеріалъ еще недостаточно освѣщаетъ отношеніе жестовъ къ живому языку. На основаніи доступнаго намъ матеріала склоняемся, однако, болѣе ко мнѣнію Маллери и полагаемъ, что жесты въ развитіи человѣческаго языка составляли предварительное *stadium*, предшествовавшее образованію вокальныхъ продуктовъ человѣческой рѣчи. Если по мнѣнію Герланда употребленіе языка жестовъ составляетъ далеко не общее явленіе и онъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, можетъ указать только на англичанъ и на японцевъ, у которыхъ языкъ жестовъ вовсе не развитъ, то это такое рѣдкое и исключительное явленіе, что оно нисколько не опровергаетъ общности употребленія жестовъ.

Rudimenta жестикуляціи встрѣчаются, однако же, какъ у англичанъ, такъ и у японцевъ, слѣдовательно и это исключеніе не имѣетъ того безусловнаго значенія, которое ему Герландъ повидимому приписываетъ. Кромѣ того неизвѣстно, употребляли ли англо-саксонцы и японцы въ доисторическія эпохи жесты или нѣтъ, а изъ современной культурной степени обоихъ народовъ трудно судить о вопросѣ, касающемся ихъ доисторическаго быта. Первые выразительные жесты ребенка, говоритъ Герландъ, стоятъ на одномъ уровнѣ съ вокальными его проявленіями, представляя простыя, невольныя, рефлексивныя движенія, возникающія такимъ же образомъ, какъ смѣхъ и плачъ ребенка. Совершенно вѣрно, но развѣ не то же самое происходило съ первобытнымъ человѣкомъ? Развѣ и у примитивнаго человѣка, точно такъ, какъ у животныхъ, первоначальные жесты не были, хотя не случайными, но все же безсознательными рефлексами разнородныхъ ощущеній? Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что человѣкъ весьма рано постигъ важное значеніе такихъ рефлексивныхъ движеній, что онъ постепенно начиналъ употреблять ихъ съ умысломъ и что первоначальную фигуративность жестовъ онъ превращалъ исподоволь въ символизмъ; о такомъ естественномъ метаморфозѣ свидѣтельству-

еть логическое и послѣдовательное развитіе всѣхъ языковъ жестовъ. Совершенно аналогичное явленіе усматриваемъ въ способѣ образованія названій ближайшихъ степеней родства, особенно же отца и матери. Слова этой категоріи почти во всѣхъ языкахъ основываются на простыхъ слогахъ ра, та, та (рара, мама, tata) и восходятъ, по своему происхожденію, къ первому періоду развивающагося дѣтскаго языка. Ребенокъ въ первыхъ своихъ попыткахъ говорить произносить слоги ра-ра-ра, та-та-та: эти слоги не имѣютъ никакого смысла и не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго значенія, представляя лишь первыя гимнастическія попытки органовъ рѣчи, но окружавшіе ребенка люди, преимущественно мать и отецъ, усматривали въ этихъ первыхъ членораздѣльныхъ словахъ съ намѣреніемъ употребляемые звуковые продукты ребенка, для обозначенія ихъ самихъ, и они дѣйствительно воспользовались этими слогами для образованія словъ, означающихъ отца и мать. Здѣсь имѣемъ, слѣдовательно, несомнѣнный и чрезвычайно характерный примѣръ, какъ изъ продуктовъ простыхъ рефлексивныхъ движеній органовъ рѣчи, изъ звуковъ, не заключавшихъ въ себѣ первоначально никакого смысла, выработалась весьма важная категорія употребительнѣйшихъ словъ. И интеръекціональные элементы въ языкѣ представляютъ первоначально простые рефлексы ощущеній, но и они вошли въ составъ языка и очень часто даже въ значеніи абстрактныхъ словъ (ср. напр. интеръекціональное *ach* и возникшія изъ него слова: русск. а хать, о хать, англ. *ache* боль, нѣм. *ächzen* стонать, ежел отвращеніе, дорійск. *ἄχω* отголосокъ, аттійск. *ἄχος* бремя, ирск. *echt* преступленіе, баварск. *echig* сердитый, раздражительный и пр.).

Въ пользу мнѣнія о хронологическомъ первенствѣ жестовъ передъ живою рѣчью говорить, однако, болѣе всего то обстоятельство, что языкъ можно только изучить, а не изобрѣсти, тогда какъ и въ настоящее время жесты выдумываются и изобрѣтаются. Дѣти сами отъ себя никогда не могутъ научиться говорить, они все перенимаютъ отъ другихъ: ребенокъ не заговоритъ самъ по себѣ; нужно, чтобы онъ научился говорить. Способность рѣчи не представляетъ

собою чего либо наслѣдственно переходящаго, это есть личное приобрѣтеніе, начала котораго передаются традиціонно. Ребенокъ, лишенный слуха, не говоритъ, какъ бы богато ни былъ онъ одаренъ отъ природы умственными способностями. Даръ слова вовсе не есть врожденная способность, а результатъ воспитанія. Съ другой стороны опытомъ доказано, что глухонѣмые, совершенно независимо отъ другихъ, безъ какой нибудь посторонней помощи, самостоятельно придумываютъ и употребляютъ изобрѣтенные ими выразительные жесты. Въ добавокъ, глухонѣмой до приобрѣтенія имъ той механической системы, которую онъ изучаетъ въ школѣ, не въ примѣръ сообщительнѣе и оригинальнѣе, нежели въ послѣдствіи, по окончаніи своего воспитанія. Будучи представленъ своей собственной творческой изобрѣтательности онъ создаетъ себѣ средства для выраженія своихъ мыслей, которыя невольно поражаютъ какъ своимъ богатствомъ, такъ и своей оригинальностью и выразительностью; но по мѣрѣ того, какъ его искусственныя средства обмѣна мыслей умножаются, его изобрѣтательность слабѣетъ и теряется и никакъ не можетъ быть замѣнена тѣми искусственными приемами, приобрѣтеніе которыхъ сопряжено для него съ непріятностями и затрудненіями. Въ силу этихъ соображеній мы принимаемъ жесты за болѣе примитивный продуктъ человѣческой творческой дѣятельности, нежели даръ слова. Несомнѣнно, жестикуляція есть суррогатъ языка и съ нашей современной точки зрѣнія даже довольно жалкій суррогатъ, который уже давно отжилъ свой вѣкъ, но у примитивныхъ племенъ, въ доисторическія времена и въ эпохи недостижимой для насъ старины она служила, хотя не исключительно, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важнымъ средствомъ взаимнаго обмѣна мыслей.

II. ИНТЕРЪЕКЦИОНАЛЬНЫЯ ЗВУКОВЫЯ ГРУППЫ.

Разсмотрѣнные выше мимическіе жесты имѣютъ въ своей основѣ характеръ драстическій и составляютъ одну изъ важнѣйшихъ и основныхъ частей примитивнаго языка; тѣмъ не менѣе жесты могутъ служить только суррогатомъ языка,

уступающимъ по значенію и употребленію другимъ, болѣе важнымъ средствамъ общаго мышленія. Въ составъ первобытнаго языка входили еще другіе, болѣе существенные элементы, которые, сходясь съ жѣстами по основной идеѣ, все же какъ характеромъ, такъ и внѣшней обстановкой совершенно отличны отъ нихъ. Кромѣ собственныхъ жестовъ есть еще цѣлый разрядъ восклицательныхъ и подражательныхъ, простыхъ и сложныхъ звуковыхъ группъ, которымъ разнороднѣйшіе народы придаютъ одинаковое значеніе, которыя почти вездѣ употребительны и вездѣ понятны и очень часто для болѣе эмфатическаго изображенія извѣстнаго представленія или аффекта соединяются съ выразительными жѣстами. Такія звуковыя группы, являющіяся въ облаченіи интеръекцій или ономатопическихъ словъ, можемъ съ полнымъ правомъ называть звуковыми символами или звуковыми жѣстами: здѣсь звуки или звуковыя группы по своей общепонятной выразительности и эффектности могутъ замѣнять жѣсты и комбинація этихъ двухъ факторовъ какъ нельзя пластичнѣе воспроизводить данное представленіе или ощущеніе. Разборъ звуковыхъ жестовъ распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый заключаетъ въ себѣ субъективные звуковые жѣсты или интеръекціональныя звуковыя группы, второй же объективные звуковые жѣсты или слова, возникшія на основаніи звукоподражанія или ономатопии.

Одинъ разрядъ звуковъ, которые человѣкъ употребляетъ въ качествѣ выразительныхъ знаковъ, состоитъ изъ интеръекціональныхъ криковъ и восклицаній, изображающихъ разныя душевныя аффекты и ощущенія. Въ основу такихъ знаменательныхъ факторовъ легъ, по существу дѣла, моментъ чисто субъективный. Человѣкъ ощущаемую имъ боль можетъ обнаружить тѣмъ, что или корчитъ и искривляетъ лицо, или же вскрикиваетъ и издаетъ жалобные звуки или же дѣлаетъ и то и другое; радость онъ можетъ изобразить или криками или подпрыгиваніемъ; когда громко смѣемся, голосъ и черты лица вполнѣ гармонируютъ между собою, равно какъ гнѣвные слова сопровождаемъ соответствующимъ выраженіемъ лица и пр. Такіе звуки суть, слѣдовательно собственно жѣсты,

которыя производимъ голосомъ, звуковые жесты и помощью такихъ интеръекціональных звуковъ и криковъ можемъ выражать съ удивительною точностью даже сложные аффекты соболѣзнованія, состраданія, горя, досады и пр. Звуки говорящаго, особенно же музыкальная окраска гласныхъ, становятся знаками тѣхъ аффектовъ, которые человекъ ощущаетъ въ данный моментъ или ощущение которыхъ онъ симулируетъ. Что такой способъ выраженія дѣйствительно имѣетъ характеръ музыкальный, видно изъ того, что можно его изобразить на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ (напр. на скрипкѣ), гдѣ измѣненіемъ качества тона отъ выраженія боли переходимъ къ радости или на оборотъ. Оттого интеръекціональныя слова, особенно простые, односложныя ихъ элементы, разнороднѣйшими народами употребляются почти совершенно одинаково, вездѣ имѣютъ одинаковое значеніе и каждому племени одинаково доступны. Звуковыя группы *ash* (выражаетъ чаще всего боль, ужасъ, страхъ, иногда также удивленіе, при чемъ различіе въ интонаціи опредѣляетъ значеніе междометія въ данномъ случаѣ), *ai* (удивленіе, радость, или же боль), *au* (боль, страхъ), *fi*, *fu*, *ru* (отвращеніе), *ua* (боль, крикъ) и пр. до того выразительны, что онѣ вездѣ понятны. Такія группы могутъ и въ простомъ интеръекціональномъ видѣ входить въ составъ языка и представлять самостоятельныя слова. выражающія разные аффекты, но въ культурныхъ языкахъ, особенно же въ индоевропейской отрасли, они посредствомъ комбинацій съ суффиксами и другими образовательными элементами въ формальной обстановкѣ сближаются съ словами другихъ категорій. Такъ, въ англійскомъ языкѣ простыя интеръекціи вводятся въ качествѣ настоящихъ глагольныхъ корней въ языкъ и принимаютъ соотвѣтствующія окончанія; такъ напр. интеръекціональныя = *pish* (= русск. тѣфу, нѣм. *pfui*, франц. *rouah*, *fi*) и *psha*, *pshaw* (= тѣфу!) употребляются также въ качествѣ глаголовъ (ср. «*he pish'd and psha'd in a fury*» — Thackeray, *Vanity Fair* II, 158) и въ подобномъ смыслѣ употребляется *pooh*! («*George pooh-poohed the wine*» — приближ. „онъ отилевывался отъ вина“ — Thackeray, *ibid.* I, 228).

Основные интеръекціональныя звуковыя группы имѣютъ весьма общія значенія, что и совершенно естественно, такъ какъ между нашими ощущеніями и изображеніями ихъ посредствомъ звуковъ оказывается существенная разница. Весьма разнообразныя ощущенія могутъ вызывать за собою стонъ, вздохъ, плачъ или смѣхъ, и изъ простыхъ интеръекціональныхъ группъ нельзя еще судить о характерѣ выражаемаго ими аффекта, который въ данномъ случаѣ является въ физической оболочкѣ неопредѣленнаго звука, совмѣщающаго въ себѣ зародыши разныхъ противоположностей. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ одномъ только выраженіи извѣстнаго ощущенія, фізіологическая природа звука часто остается какъ бы вовсе незамѣченною или совершенно индифферентною. Такъ, въ Эгмонтѣ (Göthe, Egmont, 4. Aufz.) Vansen спрашиваетъ: «willst du einen Aufruhr erregen, wenn sie ihn gefangen nehmen?» на что Jetter лаконически отвѣчаетъ Ah! Тогда Vansen продолжаетъ: «wollt ihr eure Rippen für ihn wagen?» и на внушительный отвѣтъ Soesta: Eh! Vansen глумится: Th! Oh! Uh! verwundert euch durchs ganze Alphabet». Въ австралійскомъ нарѣчій (Gilbert River) aira означаетъ плачъ, а gaira смѣхъ (Palmer, Journ. of the Anthropol. Instit. XIII 331); нѣмецкое интеръекціональное hihi рисуется не только смѣхъ (особенно тихій, сдержанный смѣхъ, хихиканіе), но также плачъ.

Только разныя такія модуляціи придаютъ интеръекціямъ болѣе опредѣленное и ограниченное значеніе, такъ какъ нѣтъ сомнѣній, что модуляціи голоса имѣютъ извѣстное отношеніе къ аффектамъ. Голосъ человѣка, повѣствующаго о какомънибудь радостномъ для него событіи, имѣетъ совершенно другія модуляціи, нежели голосъ особы, сообщающей какуюнибудь печальную вѣсть; если кто нибудь скромно жалуется на неприличное съ нимъ обращеніе, на небольшую боль или на незаслуженную неудачу, то онъ всегда говоритъ съ возвышеннымъ голосомъ. Даже собаки, когда онѣ немного нетерпѣливы, часто издають черезъ ноздри высокіе, свистящіе звуки; обезьяны выражаютъ удивленіе не то пискливыми, не то ворчащими звуками, гнѣвъ и нетер-

пѣніе онѣ выражаютъ черезъ болѣе глубокіе, какъ бы хрюкающіе звуки, страхъ или боль черезъ пронзительный крикъ; человѣкъ выражаетъ большую боль глубокимъ стономъ и громкимъ, пронзительнымъ крикомъ. И смѣхъ можетъ имѣть высокую или глубокую звуковую окраску: смѣхъ взрослыхъ мужчинъ по своему звуковому эффекту болѣе примыкаетъ къ гласнымъ *a* и *o*, тогда какъ въ смѣхѣ женщинъ и дѣтей мы скорѣе подмѣчаемъ узкіе гласные *e* и *i* (Darwin, *The Expression of the Emotions* 88).

Разные интеръекціональные звуки объясняются изъ воздѣйствія соотвѣтствующихъ аффектовъ на организмъ человека. Если кто внезапно чѣмъ нибудь удивленъ или озадаченъ, то немедленно у него является стремленіе широко раскрыть ротъ для глубокаго и быстраго вдыханія, чтобы быть готовымъ къ болѣе продолжительному усилю или напряженію силъ: если за тѣмъ слѣдуетъ полная экспирація и губы, не много высовываясь впередъ и округляясь, образуютъ какъ бы продолженіе надставной трубы, то это положеніе рта при немедленномъ дѣйствіи голоса производитъ звукъ *o*, и именно этотъ гласный мы часто слышимъ у людей, удивленныхъ чѣмъ нибудь или пораженныхъ какимъ нибудь неожиданнымъ зрѣлищемъ. Напротивъ, при удивленіи, сопряженномъ съ болью проявляется стремленіе стягивать всѣ мускулы тѣла (не исключая мускуловъ лица), губы отодвигаются назадъ, возникающій при такомъ положеніи рта звукъ становится выше и съ экспиративнымъ движеніемъ принимаетъ характеръ слога *ah*, *ach* или *eh* (Darwin, *Expression of Emotions* 92). При ощущеніи презрѣнія или отвращенія является желаніе сдуть, извергнуть что нибудь изо рта или изъ носу и соотвѣтствующіе звуки сближаются съ слогами *pu*, *fu*, *fi* и др. Сѣвероамериканскіе туземцы выражаютъ удивленіе особаго рода стономъ, негры на западномъ побережьи Африки выставляютъ губы впередъ и издаютъ звуки въ родѣ *hej! hej!* (Darwin, *Expression of Emotions* 285); изумленные австралійцы протягиваютъ губы и ртомъ производятъ звукъ, какъ будто задуваютъ спичку, другіе такъ стягиваютъ ротъ, какъ будто желаютъ свистать.

Европейцы, какъ извѣстно, часто свищутъ въ знакъ удивленія и такимъ же образомъ разныя негритскія племена южной Африки выражаютъ изумленіе. Дарвинъ рассказываетъ, какъ кафрская дѣвушка, узнавъ о высокой цѣнѣ извѣстнаго предмета, подняла брови и свистнула точно такъ, какъ бы сдѣлалъ европейецъ въ подобномъ случаѣ. И названія отца и матери употребляются въ качествѣ интеръекцій: сюда относятся столь часто употребляемое у негровъ восклицательное *mamo! mam!* («the untranslatable cry of anguish of the Africans» — Du Chaillu, *Journey to Ashango-Land* 351), неапол. *mamma-mia*, означающее труса (отъ употребляемаго имъ выраженія „мать моя!“ — ср. нѣм. *mettme* трусъ, соответствующее нижненѣм. *mettme*, *mömm* — мать, мамка), греч. ὦ πόποι, которое по значенію едва ли выражало „о боги!“, но скорѣе нѣчто сходное съ русск. „о батюшки!“ Если это предположеніе вѣрно, то сюда же можно причислить восклицанія въ родѣ *παπαῖ*, *βαβαῖ*, лат. *raae* и подобное значеніе заключаютъ въ себѣ, можетъ быть, и *tatae*, *tat*, *atattatae*, *ἄτταλαττάτᾱ ἄττάτᾱ* (Wackernagel, *Voces variae animantium*² 96). Въ древнеиндійскомъ языкѣ *amba*, употребляемое въ качествѣ ободрительной или подтвердительной интеръекціональной частицы, представляетъ по формѣ собственно звательный существительнаго *ambā* „мать“. Туземцы Новой Калифорніи выражаютъ страхъ или удивленіе черезъ *anā* („матушка!“ — Peschel, *Völkerkunde* 110), равно какъ зулусы при ощущеніи печали или удивленія употребляютъ восклицательное *mame! mami! mam!* („мать моя!“ — Döhne, 206).

Хотя интеръекціональныя звуковыя группы суть рефлексы субъективныхъ ощущеній, тѣмъ не менѣе онѣ нисколько не тождественны съ тѣми звуками, которые природа какъ бы невольно вынуждаетъ у возбужденнаго организма: интеръекціи, въ отличіе отъ неопредѣленныхъ по своей звуковой оболочкѣ и неартикулированныхъ фізіологическихъ процессовъ крика, смѣха, плача и пр. имѣютъ характеръ членораздѣльный. Интеръекціи вовсе не представляютъ первоначальныхъ звуковыхъ проявленій, характеризующихъ извѣстный аффектъ, но болѣе или менѣе удачное подражаніе ихъ, имѣющее

цѣлью изобразить эти звуковыя проявленія въ воображеніи слушателя и возбудить въ немъ представленіе о психическомъ состояніи говорящаго. Ach отличается на столько же отъ изображаемаго имъ стона боли, насколько tu отличается отъ дѣйствительнаго мычанія коровы, kikeriki отъ пѣнія пѣтуха, или же ha ha отъ настоящего смѣха. Такія энунціаціи скоро теряютъ свой чисто-подражательный характеръ, переходятъ въ область конвенціональных звуковыхъ группъ и затѣмъ и входятъ въ составъ самого языка, хотя не смотря на это никогда не отрѣшаются своего интеръекціональнаго характера. Русск. бухъ, хлопъ, щелкъ употребляются какъ въ характерѣ вербальномъ, такъ и въ качествѣ интеръекцій, англ. bang можетъ быть интеръекціей или глаголомъ (въ значеніи „ударять, хлопать“), нѣм. weh есть интеръекція и существительное, plump въ качествѣ прилагательнаго („неуклюжій“) происходитъ отъ такой же интеръекціи (plump!), рисующей шумъ тяжелаго предмета, падающаго въ воду и пр.

Wüllner въ своемъ основательномъ изслѣдованіи „Über Ursprung und Urbedeutung der sprachlichen Formen“ пытался возводить корни къ первоначальнымъ междометіямъ, такъ напр. (стр. 5) слова: ἄχομαι, αἰάζω, ἀλαλάζω, ἰάχω, нѣм. ächzen, jauchzen и пр. Отъ интеръекціональнаго st!, внушительно напоминающаго о молчаніи и тишинѣ, онъ производитъ глаголы stare, στῆναι, sthā, stehen; съ интеръекціональнымъ da, употребляемымъ при передачѣ какого нибудь предмета, онъ приводитъ въ связь dare, греческое дейктическое τῆ (такъ въ Од. X, 347: χούλωψ τῆ πῆς οἶνον) и пр. Съ этимъ можно сопоставить чешское дейктическое tu (tu máš=вотъ тебѣ!). Эквивалентъ русскаго на! (на тебѣ! — ср. чешск. на=бери!) встрѣчаемъ въ китайскомъ на (братъ, бери!), въ манджурскомъ ма (бери! возьми!) и въ др.

Междометія въ сравненіи съ звукоподражательными словами неподвижныѣе и гораздо лучше удерживаютъ свою первобытную звуковую природу; тѣ измѣненія, которыя съ теченіемъ времени испытываютъ звуки и слова каждаго языка, междометій очень мало или вовсе не касаются. Ah, fi, ha,

hei, eia, vae, fu, hu, st и подобныя звуковыя группы, равно какъ изображаемые ими аффекты, всегда и вездѣ остаются неизмѣнными и съ историческимъ развитіемъ языка не подвергаются соотвѣствующимъ переменамъ. Изъ ономапоическихъ словъ можно съ ними сравнить только тѣ, которыя рисуютъ простые крики животныхъ или звуки природы безъ какихъ нибудь грамматическихъ прибавокъ (kuku, miau, hau, kvak и др.).

Звуки, которыми мы выражаемъ разныя ощущенія и аффекты, могутъ служить основою многихъ самостоятельныхъ словъ, но сами по себѣ не составляютъ еще языка; для этого нужно было дать извѣстную объективность тѣмъ субъективнымъ проявленіямъ аффектовъ, которыя наглядно воплощаются въ восклицаніяхъ. Рѣчь началась тогда, когда крикъ боли, который физическое страданіе вырвало у кого нибудь и который былъ не только понять, но и сопровождается сочувствіемъ другихъ, путемъ подражанія стали повторять, конечно не какъ чисто-инстинктивное звуковое проявленіе, а съ цѣлью намернуть другому о претерпѣнномъ или претерпѣваемомъ страданіи; когда сердитое ворчанье, служившее прежде непосредственнымъ выраженіемъ гнѣва и страсти, было воспроизведено для изображенія неодобренія, для выраженія внушительной угрозы и пр. Хотя междометія составляютъ естественный предѣлъ языка, но они тѣмъ не менѣе тѣсно примыкаютъ къ нему составляя зерно, около котораго группируются многія другія слова.

Множество звуковъ, которыми человѣкъ выражаетъ свои ощущенія, весьма значительно и не находится ни въ какой соразмѣрности съ тѣми звуками, посредствомъ которыхъ они приблизительно обозначаются на письмѣ. Должно предположить, что уцѣлѣвшіе донныѣ въ языкахъ интеръекціональные звуки представляютъ лишь жалкіе остатки прежняго богатства, такъ какъ человѣкъ тѣмъ болѣе отрѣшается отъ нихъ, чѣмъ языкъ развитѣе. Въ интеръекціяхъ гласные по своей звуковой природѣ и по своей длительности менѣе опредѣлены, чѣмъ согласные и менѣе ихъ характеризуютъ природу даннаго аффекта, но, возбуждая музыкальный смыслъ, они гармонически соединяютъ отдѣльныя

части звуковаго комплекса, тогда какъ употребленіе однихъ только согласныхъ въ интеръекціональныхъ группахъ указываетъ на эмфатическое выраженіе воли, внушительнаго приказа и пр. Такъ, болѣе или менѣе чистое *a* можетъ служить выраженіемъ неопредѣленнаго ожиданія или удивленія, *ba* въ согласіи съ соотвѣствующимъ измѣненіемъ мускуловъ въ лицѣ рисуется отвращеніе, *ha*—возбужденіе, веселость, радость, *ach*—конецъ вздоха, *st! br! pst!*—приказъ, *hr!*—порывъ гнѣва и пр. Жалоба, вопль, сѣтованіе у разныхъ народовъ выражается черезъ звуковыя группы съ основнымъ *l*: древнеегипетск. *lulululu*, греч. *alala*, *eleleu*, *ololy*, лат. *ululo*, баскійск. *lelo*, джалуйтск. *lulu* (*e-lulu* означаетъ пѣніе).

Интеръекции представляютъ, такимъ образомъ, членораздѣльные звуки, которые въ сжатомъ видѣ помощью подражательныхъ пріемовъ рисуютъ извѣстный психическій моментъ и съ внушительной звуковой мимикой сопровождаютъ или даже замѣняютъ живую рѣчь. Переходъ интеръекцій отъ характера восклицательныхъ звуковыхъ группъ къ природѣ настоящихъ словъ проявляется уже въ томъ, что они могутъ также управлять разными падежами; ср. нѣм. *wê mir dises leides* (Nibel.), *wê mich!* (Nibel. 2073; 2090) лат. *vae victis!* *Neu me misernm!* Греч. *φεῦ τοῦ ἀνδρός* (Xen.) *ὦ τῆς ὀβρεως;* *ὦ μοι;* чешск. *O té nehody!* санскр. *dhiñ mām* (горе мнѣ! Çakunt. 91, 16); *dhig astu artham* (пропади богатство! MBh. V, 4895); *dhig astu mama* (gen.—позоръ мнѣ! MBh. VII, 6323); *dhig. astu hrda-jasjâ 'sja mama* (стыдно моему сердцу! Râm. VI, 95, 40). Интеръекции, символически рисующія какойнибудь аффектъ, употребляются также нерѣдко въ литературномъ языкѣ для болѣе рельефнаго изображенія отдѣльных психическихъ моментовъ: *ὦ παῖ νέος νέω ζὼν μὲρῳ, αἰαῖ αἰαῖ ἔθανες* (Soph. Antig.) и далѣе: *φεῦ φεῦ, ὦ πόνοι βροτῶν δύσπονοι;* у Aeschyl. (Prom. 877): *ἐλελεῦ, ἐλελεῦ, ὑπό μ' αὖ σφάκελος;* Göthe (Zauberlehrling) *Ach, ich merk'es! Wehe, wehe! Hab'ich doch das Wort vergessen! Ach, das Wort etc.* Shakespeare (Hamlet, въ концѣ II. дѣйствія): *Fy upon't! Foh! About my brains! Humph! I have*

heard etc. Особенно греки не стѣснялись въ кумулятивномъ употребленіи интеръекціональныхъ группъ; такъ Филоктетъ вопить (Sophocl. 735): ἀπόλωλα, τέκνον βρύχομαι τέκνον παπαῖ; ἀπαππαπαῖ, παπαππαпπαпπαпπαпπαῖ. Латышск. vaiman (=греч. οἶμοι) представляетъ сложную форму, въ которой говорящій относитъ горе непосредственно къ самому себѣ (ср. нѣм. weh mir!, лат. vae mihi!, англ. woe is me!); въ итальянскомъ языкѣ такая форма можетъ даже подвергаться законамъ флексіи: ohimé (горе мнѣ!) ohitu (горе тебѣ!, ты страдаешь), ohisé (горе ему! онъ страдаетъ). Междометія иногда также перенимаются изъ другихъ языковъ. Такъ, римскіе комики недостаточный запасъ домашнихъ интеръекцій пополняли изъ греческаго языка: греческаго происхожденія суть bombax (гр. βόμβας, изъ котораго Aristoph. Thesm. 48 образовалъ даже βομβαλοβομβάζ), euge, evoe, io, iu, babae, rapae. И въ романскихъ языкахъ къ заимствованнымъ изъ германскихъ нарѣчій интеръекціямъ принадлежатъ тѣ, въ которыхъ, по образцу нѣмецкихъ интеръекціональныхъ группъ, чередуются въ такомъ же порядкѣ выразительные коренные гласные (ср. нѣм. piff-paff-puff): итал. pinna-nanna. tric-trac, франц. pif-paf, micmac, zigzag, испанск. rifi rafe, zis zas, провенс. drin dran, миланск. flicch flacch flucch и пр. (Diez, Gramm. d. rom. Spr. I, 71).

Въ доказательство повсемѣстнаго употребленія, наглядной выразительности и понятности интеръекціональныхъ словъ представлю нѣсколько примѣровъ изъ разныхъ языковъ по главнымъ категоріямъ основныхъ интеръекціональныхъ группъ.

1. au выражаетъ чаще всего крикъ, боль: греч. αὔ-ειν (кричать, говорить—лат. ov-âге ликовать) русск. аукать, въ нѣмецко-жидовскомъ жаргонѣ au-waih есть восклицаніе отъ сильной боли или глубокаго горя («au waih hat er geschrien»—Fritz Reuter, Läuschen un Rimels) сямск. au (дѣтскій крикъ), аравакск. айн (плакать), ванивайск. аui (болѣть), баскск. auhena (вздохъ), киргизск. aulmek

(громко и быстро говорить; глаголъ происходитъ отъ междометія восклицанія *au*—Будаговъ, Сравнит. Слов. I, 105), новозеландск. *auē* (горевать, сѣтовать), ботокудск. *auin* (плакать). Субъективное восклицаніе путемъ метафоры переносится въ область абстракцій, обозначая то ощущеніе, настроеніе или состояніе, которое дало поводъ къ нему; такъ объясняются изъ основной интеръекціи *au*: древненортумбр. *au* (страхъ—англ. *awe*—Morris, Jahrb. f. roman. u. engl. Litt. V, 203), нордск. *aumr* (несчастный), голайск. *aua* (боязнь), вогульск. *augm* (больной), канареск. *auka* (страхъ), готентотск. *au* (бояться—оттуда происходитъ *aub* змѣя, собств. „страшная“). Древнеегипетск. *au-au* „почитать“ основывается на значеніяхъ „превозносить, хвалить“ (собств. „много или сильно кричать“), тагитск. *au-eu-e* (дрожать) явно изображаетъ крикъ, вопль испуганнаго человѣка и въ языкѣ Мая *auat* „миля“ значитъ собственно „крикъ, восклицаніе“, а въ переносномъ смыслѣ то разстояніе, въ которомъ можно еще слышать громкій крикъ человѣка (Charencey, Rev. de Ling. XIII, 359), бедауиск. *to au* (погребальная пѣснь—*to* есть членъ средн. рода). Подобной знаменательной выразительностью характеризуются интеръекціональныя группы *ua*, *ue*. *ui*: греческ. *οὐά* выражаетъ удивленіе, *οὐάι*=увы!, ирландск. *uaim* (шумъ), *uagh*, *uadh* (страхъ—бретонск. *aoun*) гидатск.: *uá-ti* (осмѣивать), *uá* (завидовать), тьянгск. *ua* (печальный, больной), анамск. *ua* (*vomere*), *uy* (бояться), *ui-uat* (горе, печаль), древнеегипетск. *uâ* (проклиная, проклятіе), футунск. *ua-ua sae* (громко кричать), марейск. *ue-di* (вздыхать, болѣть), новокаледонск. *uaia* (бояться), Яо: *u-u-ula* (вздыхать) готентонтск. *ou-u-aa* (вопіять), маркезанск. *ue* (плакать), самонск. *oa-oa* (ликованіе, радость), *uiō* (кричать), литовск. *ui-ti* (прогонять), дагомейск. *uing-uing* (вздыхать), зырянск. *aukajtny* (звать, кричать), кунамск. *au da* (кричать—*da*, означая собств. „говорить, высказывать“ имѣетъ здѣсь болѣе значеніе эксплозивное—Reinisch, Sprache der Kunama 51). Къ этой же группѣ можемъ причислить нѣкоторые оноματοпоическія названія груднаго ребенка, рисующія его крикъ: баскск. *ua-ua-chuba*, навахск. *auvâ*, акомайск. *oak*.

2. *ai* (*ei*, *oi*) есть восклицаніе удивленія, радости но еще чаще страха, боли: это междометіе встрѣчаемъ въ боль шинствѣ индоевропейскихъ языковъ (скр. *āi*, греч. *αἶ*, славянск. литовск. германск. *ai*, *aj* др.), въ остяцко-самоѣдскомъ языкѣ *ei ei ei* выражаетъ страхъ, а *oi oi oi*—боль, аймарск. *ai* выражаетъ боль, ирокезск. *aiō*—горе, боль, китайск. *ai*—пренебреженіе, отвращеніе, анамск. *ai*, *aiōi*, *oi*,—боль, сіамск. *ai*. *ui*—боль, ужасъ, кореанск. *ai ai*—боль и пр.

Столь распространенное употребленіе этихъ интеръекціональныхъ группъ при одинаковой почти знаменательности объясняетъ также сходство въ значеніяхъ соотвѣствующихъ производныхъ словъ, ср. греч. *αἰᾶζειν* (вздыхать), *αἰῆλυο* (плачь), *αἰνό*—(страшный), *αἰῶζειν* (сѣтовать, горевать), гельск. *oil* (боль, горе), *oillt* (страхъ), нордск. *eu-ta* (повредить, болѣть), литовск. *aišioti* (горевать), малорусск. айкати. влад. рязанск. ая й (трусъ), ая й ка (трусиха), якутск. *ajdān* (шумъ), джагатайск. *ai-kaḡ-tak* (кричать), манск. *eiē* (кричать), анамск. *ai-ēa* (крикъ), дакотск. *aia* (злословить, клеветать), китайск. *ai* (горе, вздыхать), киргизск. *ej-ler-mek* (кричать—происходитъ отъ междометія *ej!*), анайтеумск. *ajheug* (имѣть состраданіе), аравакск. *aiijin* (плакать), перуанск. *aj-ni-ni* (бормотать), Гоахиро: *ai* (злословить, позорить, болѣть—*Celedon, Lengua Goajira* 45), Паззесь: *ajé-é* (воплъ), динкайск. *aijej* (крикъ); джагатайск. *ojat* (стыдъ—междом. *ojal* фи!), еврейск. *ōi* (означаетъ сѣтованіе или угрозу, а въ качествѣ существительнаго: вопль, боль), нубійск. *oiē* (плакать), эстонск. *oiutama* (горевать, сѣтовать), крикск. *ojé* (вдова—„сѣтующая, опечаленная“—*Morgan, Systems of Consanguinity* 382), чокоемск. *oija* (другъ—это слово представляетъ также междометіе привѣтствія—*Schoolcraft, Indian Tribes* III, 423, 429), дагомейск. *uing-uing* (вздыхать), зырянск. *ejkajny* (кричать—отъ междом. *ej!*), *ojguny*, *oizuny* (стенать, вздыхать, выть), киргизск. *aj-gaj* (крикъ), *oj-boj* (воплъ). Въ японскомъ языкѣ имѣется немало словъ, образованныхъ отъ основныхъ интеръекціональныхъ *ai*, *oi*: *ai* (горе), *aite* (непріятель, врагъ—находится въ связи съ междометіемъ *ajta*, выража-

ющимъ боль, горе), *ajau* (опасный), *ajame* (убить—интеръекціональное *aja!* выражаетъ страхъ, испугъ), *ajasi* (удивительный, странный—«*kann das als ausruf der bewunderung gebrauchte wort aja sein*—«Pfizmaier, Sitzungsber. d. phil. hist. Cl. d. Akad. d. Wiss. Wien 80, 505), *oje* (нечистый, грязный, вонючій; относится къ междометію *oja*, выражающему удивленіе, непріятный сюрпризъ) и др. Въ папуанскихъ нарѣчіяхъ Новой Гвинее (на побережьи Маклая) слово *ai*, по всей вѣроятности, происхожденія интеръекціональнаго, такъ какъ оно обозначаетъ съ одной стороны праздничныя собранія мужчинъ въ лѣсу, съ другой также всѣ музыкальные инструменты вообще (*Miklucho-Maclay, Ethnol. Bemerkungen über die Papuas d. Maclayküste* II, 28).

3. *ah* (*eh*, *oh*, *uh*) въ качествѣ интеръекціональнаго элемента изображаетъ удивленіе, страхъ, ужасъ, вздыханіе; сходство въ значеніяхъ производныхъ словъ изъ разнороднѣйшихъ языковъ и здѣсь поразительно. Ср. дорійск. *ἄχος* (звукъ, шумъ), *ἄχῳ* (—аттійск. *ἤχῳ* эхо), *ἰάχειν* (кричать, шумѣть), швейцарск. *achen*, *ochen* (горевать, вопіять), баварск. *achzen*, *achezen* (вздыхать), нѣм. *ächzen* (стонать), русск. *а х а ть*, *о х а ть*, швабск. *oscheln* (вздыхать), гельск. *oschanaich*, *uschanaich* (вздыханіе—интеръекціональное *usch* означаетъ горе, печаль), ирландск. *iach*, *iachal* (крикъ), *achlan* (жалоба), бернск. *achcha* (горевать, жаловаться), Гинди: *âha* (вздохъ), персидск. *âhî* (вздохъ), арамейск. *achlî* (шумѣть), арабск. *ahha* (вздыхать), коптск. *ahom* = демотійск. *ahem* (вздохъ), анейтеумск. *ahar* (выть), эстонск. *âhkama*, *ihkuma* (вздыхать), *ohk* (вздохъ), тур. *âh etmek* (вздыхать), джагатайск. *ahsîmak* (стонать, вздыхать), гоахирск. *ahuat* (шумѣть, бушевать), сантальск. *ehe* (всхлипывать, горевать), казикумыцк. *uhuçin* (вздохнуть), гавайск. *uhu-uhu* (вздыхать), и пр.

Весьма часто интеръекція и производныя отъ нея слова означаютъ въ переносномъ смыслѣ соответствующій аффектъ, который далъ поводъ къ восклицанію, слѣдовательно печаль, горе, ненависть, несчастье (по отношенію къ

лицу, возбуждающему аффектъ: врагъ, непріятель) и пр. греч. ἄχ-θος (бремя—ср. ἄχνομαι печалюсь, ἄχομαι горюю), ἀχρῖα (нужда), ἔχ-θος (ненависть), ирландск. echt (преступление), армянск. acht (бользнь, порокъ), ah (страхъ), англ. ache (боль), гельск. agh (страхъ, удивленіе), баварск. echig (сердитый, раздражительный), персидск. âhûi (боязнь, страхъ), албанск. oht (печаль), древнефранц. aches (боль), норманск. ohi (несчастье), арабск. ahâh („сердитый“—значить также въ качествѣ междометія ахъ! горе!), ahîhat (великій гнѣвъ), эстонск. ahhastus (страхъ), лужайск. aha (усталость), акрайск. ahu-ahu (страхъ), древнеегипетск. ah, ahî (радость—но uha бѣдствовать), анейтеумск. ehio ehio (пугать), шанхайск. ôh ôh (подозрѣвать), кюринск. ah (проклятiе), âh (срадать), манджурск. eche (скверный; uache вонь), отомитск. oh (врагъ), казикум. uch (дурной), ûch (усталый—собств. „вздыхающій“); кинайск. uch (бѣднякъ—„dürfte vielleicht eine interjektion sein“—Bull. hist. phil. de l'Acad. Pétersb. XIV, 276)—ср. также новгородск. тульск. а х а х а, о х о х а (бѣднякъ—букв. „ахающій, охающій“). На подобномъ интеръекціональномъ основаніи построены употребляемыя въ офенскомъ языкѣ слова: охноватый плохой, ухалить умереть. Въ языкѣ Голонтало (на островѣ Целебесѣ) интеръекціональное oh! образуетъ существительное ohe (страхъ), глаголь m-ohe (бояться) и прилагательное ohe-lio („святой“, т. е. „то, чего должно бояться“—Joest, Das Holontalo 39) и въ связи съ этими словами находится также hum-uhulo (дрожать). Изъ пещерейскаго восклицательнаго jei! развилось вербальное jeiieh „выть“ и адвербіальное jeiika „со слезами“. Мафурск. uf значить „болѣть“ но также, „дуть“: такъ какъ послѣднее значеніе основное, то uf не интеръекціональнаго, а ономатопоическаго происхожденія (переходъ значеній объясняется привычкой дѣтей и примитивныхъ народовъ дуть на больное мѣсто, какъ бы для того, чтобы слуть, устранить боль). Венгерск. áhé (пентюхъ, олухъ) значить собственно „ротозѣй“ и происходитъ отъ интеръекціональнаго áh; но отъ этого же корня происходитъ и áhítñi (страстно желать чего—букв. „вздыхать по чемъ“)

и сродное съ нимъ ohajtani (желать). Восклицаніе uch! ugh! uf! выражаетъ дѣйствіе холода или страха на человѣка, уныніе, внезапный испугъ и пр. и при утратѣ своего чисто-подражательнаго характера uch! переходитъ въ ug, принимая значеніе кореннаго звуковаго комплекса для глаголовъ, изображающихъ испугъ, отвращеніе, омерзѣніе; такъ объясняются слова въ родѣ слѣдующихъ: нордск. ugga „бояться“, uggr „страхъ“, англ. ugly „гадкій, некрасивый“, huge „возбуждающій ужасъ, ужасный, огромный“ и др.

Подобная знаменательность характеризуетъ интеръекціональныя группы ha, he, hi, ho, hu: чешск. hekati (охать)=волог. ханькать, норманск. haan (=ahan боль, усталость—франц. ahan означаетъ тяжелый трудъ), др. франц. haichie (смерть), hé (ненависть—въ древнемъ языкѣ это слово употреблялось въ качествѣ междометія: m'as or coilli en hé „теперь ты меня возненавидѣлъ“ Bartsch, Chrestom. 192), швейцарск. hibuchen (тяжело дышать), франц. huer (кричать, бранить), бретонск. hua (осмѣивать, издѣваться), норманск. hie (радость, смѣхъ), алеманск. hujhu (весельчакъ, бражникъ—Weinhold, Alem. Gramm. 314; это слово поразительно напоминаетъ употребляемое въ нарѣчіяхъ сѣверной Богеміи и основывающееся также на интеръекціональныхъ элементахъ слово hejhuha „дикарь“), арабск. hajhâh (дьяволъ—междом. hajhât прочь!), hohâ, huhâ (боязливый), еврейск. hâh (воплъ), эстонск. hai (боязливый), сіамск. hai (плакать), лаоск. hai (печалиться), японск. hi-han (критиковать, бранить), анамск. ham-he (грозить), hêm (сердиться; въ сечуанскомъ языкѣ héma значитъ „вздыхать“, а англ. hem=сморкаться), китайск. hiu (печальный; въ качествѣ междометія это слово означаетъ боль, горе), гирканск. hihhis (вздохнуть), аданмейск. he-hia (бѣдствовать), гавайск. i-hi-hi (сердитый), hohe (бояться; въ суагильскомъ языкѣ hohe-hahe означаетъ крайнюю нужду), ёрубск. ha (удивленіе), колхск. hajhaj (боль), сантальск. hoho (звать), hai-hai-e nai (вздыхать, вопіять), há há-ga (чудо), сонргайск. hé (плакать), оджійск. hu (страхъ), аймарск. hihuanja (вздыхать, умирать), вайкурск. huhuhu

(воплъ, горе) и пр. Особенно многочисленны слова этой категории въ языкѣ ашантійскомъ: *hāhī* означаетъ горе, печаль, *hīm* = трястись, дрожать, *hem* = сморкаться, *e-hū* = страхъ, *hūhū* = боязливый и др.; ср. также бишарск. *hamšûk* (сморкаться), *hamêl* (быть печальнымъ), и *humâg* (ненавидѣть — Н. Almkvist, Bischari Spr. I, 170).

Иногда интеръекціональное значеніе слова находится въ болѣе отдаленной связи съ его значеніемъ: такъ франц. *haha*, означающее отверстіе въ садовой оградѣ или стѣнѣ, возникло изъ восклицанія удивленія, которое издаетъ человѣкъ, пораженный неожиданной перспективой въ даль; подобнымъ образомъ Гесеніусъ объясняетъ еврейск. *hê* (окно съ рѣшеткою) изъ интеръекціональнаго значенія вотъ! смотри! (Böttcher, Zeitschr. d. d. morg. Ges. XV, 421); норманск. *houc* (ѣдкая пыль) возникло изъ интеръекціи отвращенія (Duméril, Dict. Norm. 135); финск. *huidon* (*subito ferio*) возводится къ интеръекціональному *hui* (*vox indignantis*; о междометіи *hui*, бывшемъ у мадяровъ издревле въ употребленіи, упоминаетъ Луйтирандъ — De Reb. imp. II, 9 — «*turpis et diabolica Hui! Hui!*») Японск. *hajaki*, *hajai* (скорый, быстрый) происходитъ отъ междометія *haja*, выражающаго сюрпризъ и страхъ; джагатайск. *haulukmak* (спѣшить) основывается на интеръекціональномъ *hau*, означающемъ согласіе, понуканіе, *hâjkir* (суматоха) производится отъ *hâj* (ахъ! о!), въ языкѣ племени Макахъ *há-há-datl* (бѣдный, несчастный) значитъ собств. „вздыхающій“ (Swan, Indians of Cape Flattery 101). Чешск. *hejsek* (кутило, фатъ) происходитъ отъ глаг. *hejsati* (кутить, бражничать), который въ свою очередь основывается на интеръекціональномъ *hej!* Греч. *χῆ-ρα* (вдова) состоитъ, по всей вѣроятности, въ этимологической связи съ др.-инд. *hâ*, имѣющимъ функцію междометія и глагольнаго корня (съ значеніемъ „оставлять, покидать“). Чинукск. *hum m* (вонять) выражаетъ собственно восклицаніе отвращенія.

4. *Va, ve, vi, vu, vai* и подобныя интеръекціональныя группы рисуютъ страхъ, испугъ, горе, несчастье и др.: англосакс. *vāva* (горе, боль), нордск. *vâ* (несчастье, бѣда),

vāla (горевать), латышск. vaidēt (горевать), бретонск. faea (пренебрегать — сущ. faé пренебрежение, презрѣніе — Edwards, Recherches sur les langues celtiques 266), др. франц. wai (несчастье), киргизск. vājim (забота, печаль — отъ междом. vāj ахъ!), арабск. wehel, wehlet (страхъ, ужасъ), венгерск. fáj (боль), персидск. wāj (сбившійся съ дороги, заблудившійся — междом. wāj ахъ! фи!), эстонск. waew (боль, мѹка), wāhk (побои — wāh выражаетъ отвращеніе), нубійск. weie (печалить), тонгавайск. vauva (умереть — Gatschet, Zwölf Sprachen aus d. Südwesten Nordamerikas 91), энар. лапонск. vuoittehdh (побѣждать — отъ междом. vuoi ахъ! горе!) Сюда же относятся слова, какъ англ. woe (бѣда), древненортумбр. wogh (злоба, подлость), баварск. waueln (хныкать, горевать), нѣм. wauwau (пугало, чучело — въ дѣтскомъ языкѣ) и др. Индоевр. vai (ахъ! горе! — греч. οὐαί) можетъ также являться въ качествѣ префикса: ср. готск. междом. vai (=латышск. vai) и vai-dedjan — (злѣйшій), нордск. ve-soeldh (несчастье), нѣм. weh-klagen (вопіять), лат. vae! и vē-sanus (помѣшанный, сумасбродный), vē grandis (очень великій, малый). Къ этому же разряду принадлежатъ также голл. и датск. wee (боль, горе), баварск. wē-eln (стонать, вздыхать) = англ. wail, румынск. vajet (выть, горевать) и др. Итал. baire (ужасаться, удивляться), франц. é-bah-i (удивленный, др. франц. baïf, геннег. bahi) основываются на междометіи bah, удѣлѣвшемъ донинѣ въ провансальск. нарѣчій (Diez, Etymol. Wtb.⁴ 37). Съ этимъ bah сопоставляется греч. βαβαі (выражающее удивленіе, сюрпризъ), лат. babae, rapae, русск. ба, нѣм. bah! сѣверо-франц. ba! (оттуда babae ротозѣй, зѣвака), валлонск. bawі (глазѣть, ротозѣйничать — ср. также зулуск. babaza удивлять).

5. fi, fe, fo, fu являются также въ значеніи интъръекціональныхъ и весьма распространенныхъ звуковыхъ группъ, находящихся въ связи съ ономатопеическими fi, fu, изображающими дуновеніе, дыханіе, пыхтѣнье и пр. Сдуваніе, отдуваніе символизируютъ отвращеніе и такимъ образомъ звукоподражательныя fi, fu, означавшія первоначально „дуть“,

путемъ метафоры превратились въ интеръекціональные элементы, означающіе отвращеніе, негодованіе, ненависть, гнѣвъ, страхъ и пр. Въ интеръекціональныхъ *fi!*, *fu!* переходъ значеній особенно рельефно выступаетъ наружу. Сперва эти слоги указываютъ на то, что говорящій испыталъ ощущеніе какого нибудь вонючаго вещества; по отношенію къ дѣтямъ эта интеръекція употребляется въ смыслѣ: „это грязно“, „не дотрогивайся до этого!“, затѣмъ также „не дѣлай этого!“ или же „стыдно тебѣ!“ и т. под. Слѣпая глухонѣмая Laura Bridgman имѣла обыкновеніе издавать звуки *ff!* или *fi!*, когда ей что нибудь не понравилось или когда прикосновеніе къ ней чужой ей особы произвело на нее непріятное впечатлѣніе. Какъ между зрѣніемъ и слухомъ, такъ же существуетъ явное сближеніе между чувствами вкуса и обонянія: когда нюхаемъ что нибудь благовоиное, то втягиваемъ воздухъ ноздрами, равно какъ жадно глотаемъ то, что намъ приходится по вкусу и какъ мы выплевываемъ невкусный, отвратительный кусокъ, такъ мы и удаляемъ или отталкиваемъ вонючее вещество, устраняя или отклоняя противный запахъ затыканіемъ носа, при чемъ издаемъ шумъ, который разнообразно рисуется въ интеръекціяхъ отвращенія. Шумъ дуновенія, вѣянія, пыхтѣнья, дыханія въ громадномъ большинствѣ языковъ рисуется оноματοпоечески черезъ выразительные слоги *fu*, *pu*, *bu* (т. е. черезъ группу двухъ губныхъ): скр. *phut-kar*, хорв. сербск. *puhati*, чешск. *foukati*, греч. *φουάω*, нѣм. *puffen*, *pusten*, англ. *puff*, др.-франц. *bouffer*, гасконск. *bouha*, испанск. *bufar*, литовск. *pusti*, латышск. *pūst*, нордск. *fiúka*, перс. *pufiden*. еврейск. *pûach*, венгерск. *fú*, сечуанск. *puputla*, зулуск. *futa*, турецк. *puflamak*, *pf demek*, сонргайск. *fû*, гавайск. *pu-rihi*, канурск. *fûniskin*, синдх. *phûkamu*, афганск. *pûkal*, амойск. *phuh*, малайск. *pûput*, перуанск. *puhu*, японск. *fuki*, суагильск. *fufiá*, *fúma*, австрал. *pumba*, папуанск. *pua*, корейск. *pûlta* и пр. (ср. ниже). Нѣм. *pfui* находится въ связи съ ср. нѣм. *pfûchen* (*pfauchen*, *pfuchzen*, баварск. *pfuchezen* громко и быстро переводить духъ) и вѣроятно съ нимъ также сродно *pfuschen* (крапать, пачкать), сравнительно позднее слово, появляющееся

въ памятникахъ только съ XVII. столѣтія. Сандерсъ въ своемъ нѣмецкомъ словарѣ объясняетъ *pu!* какъ интеръекцію, изображающую звукъ, шумъ, производимый человѣкомъ, дыющимъ при еле открытыхъ губахъ и выражающимъ этимъ желаніе устранить что нибудь непріятное, отвратительное («На *puh!* wie stank der alte Mist!») *Puh!* соответствуетъ средневѣк. нѣм. *pfuch* и одного происхожденія съ *pfui!* («Interj. des Widerwillens, Abscheues, Ekels»—Schmitthenner—Weigand, Deutsch. Wörterb.), лат. *phui*, греч. *φῆῖ*. Испанск. *puf*, *pu* есть восклицаніе отвращенія при ощущеніи вони, *fu*—междом. отвращенія=венечанск. *puh!* *fi!* франц. *pouah!* (*pouacre* «unflätig»—«freie bildung aus der interjektion *pouah*=*pfui*»—Diez, Etym. Wtb. II, 390), бретонск. *foei!* англ. *faug!* *foh!* и пр. Очевидно такія интеръекціи отвращенія простѣйшимъ и весьма нагляднымъ (т. е. осязательнымъ) образомъ возбуждаютъ представленіе объ ощущеніи вони и если такая интеръекція сопровождается жестами, указывающими на извѣстный предметъ, то она равносильна утвержденію, что данный предметъ воняетъ или гниетъ. Въ такихъ случаяхъ знаменательный слогъ нужно только облечь въ вербальную или адъективную форму, чтобы придать ему значеніе вони или гнилости; такимъ образомъ происходятъ отъ *pu*: скр. *pūj* (вонять), лат. *putere* (foetere), *putidus*, франц. *puer*, нордск. *fúinn* (гнилой), *fúki* (вонь), англ. *foul* (гнилой—нѣм. *faul*), итал. *puzzo* (вонь), армянск. *phut* (гнилой, нарывъ), манджурск. *fungšun* (вонь), камассинск. *phuptu* (вонь), футунск. *pu-vaο* (вонять), перуанск. *puz* (вонючій), Мая: *puuzhal* (вонять), акрайск. *fudše* (вонять), южноавстрал. *puə* (вонь) и пр. Зулусы предложеніе «мясо воняетъ» передаютъ черезъ «мясо говоритъ *пу!*» на Тиморѣ каждое вонючее вещество называютъ роор, въ языкѣ Кише гниль называютъ *puh*, а портиться *pus* и сюда же примыкаетъ американское названіе хорька *o-ruu ruu* и ашантійское *truu-truu-njá* (пузырь, нарывъ, гной). Дальнѣйшее и окончательное развитіе семасіологической стороны интеръекціональныхъ группъ *pu*, *fu*, *fi* и др. характеризуется перенесеніемъ конкретныхъ значеній въ область абстрактныхъ понятій, откуда возникаетъ

есть значительное множество словъ, облеченныхъ значеніями, восходящими къ основной идеѣ отвращения: ирландск. *fe* (горе! бѣда!), *fi* (гнѣвъ, скверный), кимрійск. *ffiaidd* (отвратительный, мерзкій), *ffieiddio* (ненавидѣть), готск. *fian* (ненавидѣть), *faian* (поносить), скр. *bhî* (бояться), др. егип. *fi* (терпѣть страдать—*fufu* кричать, выть), *fet* (гнушаться), китайск. *phi* (сердитый, скверный), *fei* (дурной, злословить), голыйск. *bi-bi* (дрожать), акрайск. *fê* (навозъ), ашантійск. *finfin*, *fifi* (грязный, нечистый, отвратительный, *fin*, *fi* = нечистота, грязь, билинск. *fänfän* отвращеніе)—съ этимъ можно сопоставить древнефранц. *fyfy*, *fifi* (*maître fifi* золотарь, нуждарь—*«vidangeur»*—L. Larchey *Argot Parisien* 136; Michel, *Etudes sur l'Argot* 45); японск. *fi-nin* (нищій) значить собств. „противный человекъ“ (ср. Pfizmaier, *Sitzungsber. d. Ak. d. W. Wien* 88, 80); въ китайскомъ языкѣ *fi-fi* означаетъ хищнаго звѣря, пожирающаго людей (Morrison, *Dict. I*, 229), оджійск. *fi* = грязь, ніаск. *fi-i* = пачкать енисейск. *fiëbo* = бояться, турецк. *pis* = грязный, скверный (*fighân etmek* горевать, вопіять—отъ *fighân* = ах! вопль). Цыганское интеръекціональное *fuj* значить „зло, скверно“; *pchuj* какъ междометіе совпадаетъ съ лат. *phui* греч. *φῆῖ* нѣм. *pfui* и русск. тьфу!, а какъ прилагательное означаетъ „негодный, злой“; ср. также гельск. *fuath* (ненависть), сечуанск. *phuko* (мерзость, проклятіе) самоанск. *ruai* (*vomere*), *ruaruagâ* (боль), сіамск. *ruai* (гнилой, болѣть), *phuai* (отвращеніе, омерзѣніе) и пр.

Русск. интеръекція тьфу!, изображающая отвращеніе, рисуется собственно звуки, издаваемые человекомъ при выплевываніи; оноματοпоическій характеръ этой интеръекціи подтверждается множествомъ словъ въ другихъ языкахъ, означающихъ „плевать“ и выражаемыхъ посредствомъ характерныхъ *t* и *u* (или *f*); такъ, слѣдующія слова имѣютъ значеніе „плевать“: аварск. *tujze*, чильск. *tuvkutun*, турецк. *tükürmek*, тагитск. *tutua*, стіенгск. *tuit*, кочск. *thúrá*, Гаусса: *tofi*, Махра: *tâfa*, гирканск. *tuis*, бретонск. *tufa*, перс. *tev kerdén*, кунамск. *tuf-dá* оссетинск. *tu-kchanin*, армянск. *thukh*, Мая: *tub*, баск. *tua* (*is-tua*; *éis-*

tua слюна); персидск. *tufkeh*, турецк. *tüfürük* и арабск. *tefl* означает слюну; въ древнеиндійскомъ языкѣ интеръекціональныя *thuthu* и *thûthû* рисуютъ звукъ выплевыванія. У нигритскаго племени Галла *twu!* есть интеръекція, сопровождающая жестъ выплевыванія, *tufa* значить „плевать“, *tufada*=„выплевывать“ и „презирать“. Такую-же интеръекцію отвращенія употребляютъ и музунги: „То-ó-h! Tuh! кричитъ Музунга, когда въ знакъ отвращенія плюетъ на землю“ (Burton. *Lake Regions of Africa* II, 246).

6. Чрезвычайно часто интеръекціональныя звуковыя группы служатъ для обозначенія утвердительныхъ и отрицательныхъ частицъ („да“ и „нѣтъ“). Такъ, напр. зулусы, банивайцы и малороссы выражаютъ согласіе, утверждение черезъ *ehe*, тонкавайцы черезъ *he he*, кюринцы и малайскія племена (напр. на островѣ Ніасъ) черезъ *eh*, команчи черезъ *ha* (*eh! ehe!* значить у нихъ: „на, бери! вотъ тебѣ!“ — *Buschmann, Spuren d. Aztek. Sprache* I, 375) и такое же значеніе имѣютъ: тарагумарск. *hu*, юмайск. *ah-ah*, *oh*, чокоемск. *uh*, дакотск. *eha-eś*, алгонкинск. *aih*, вакосск. *аhe*, энганск. *oh*, голонтальск. *oo*, тагальск. *óo* (=китайск. *oh-oh* „*betheuerndes ja*“ — *Sitzungsber. d. k. Akad. d. Wiss. Wien* 105, 115), прокезск. *hen*, кольхск. *ea* или *he*, негритск. *u*, мафурск. *ju*, *iju*, фиджійск. *io*, *ja*, ніасск. *iâ-iâ*, махагайск. *hî*, маршальск. *ait*, эррубск. *wau* (въ томъ же языкѣ *wâi* значить „чудесно! прекрасно!“), апачск. *ha-au* или *aho*, акомск. *haa* (*Gatschet, Zwölf Sprachen aus d. Südwesten Nordamerikas* 112—113), тегуайск. *hoi*, гидатск. *e* („да“ — *hao* есть интеръекція согласія, одобренія и привѣтствія), якамайск. *é*, бассутск. *e*, барійск. *a-a*, клалламск. *a-áh*, даріенск. *e-e*, канурск. и албанск. *ai*, коптск. *eie*, *ie*, софальск. *eia*, мозамбикск. *ajo*; ванивайск. *a-a*,=возьми! вотъ тебѣ!, анейтеумск. *ehe*=хорошо! Въ западной Австраліи выражаютъ „да“ черезъ гортанное *i-i*, у абипонцевъ мужчины выражаютъ свое согласіе черезъ *hee*, женщины черезъ *haa* (тогда какъ старики издаютъ нѣчто въ родѣ хрюканья), ашантійцы выражаютъ слабое или неохотное согласіе черезъ *hm-hm* („*fainthear-*

ted or reluctant compliance, assent»—Christaller, Dict. 180); пуйнипетск. *ei* значить „да“, а *eie* „вотъ тутъ“ (Soc. Phil. XI, 2, 76), у перуанцевъ и въ языкахъ Моска и Паэзесъ „да“ выражается посредствомъ интеръекціональнаго *au!*, въ калифорнскихъ нарѣчіяхъ черезъ *haha*, *hah*, *a-a*, *aj*, *ehe*, *ho*, *oh*, *ahah* (Lucy—Fossarieu, *Langues Ind. de la Californie* 46—49). Объ интеръекціональномъ характерѣ отрицательныхъ частицъ можно судить по слѣдующимъ словамъ, означающимъ „не, нѣтъ“: ёрубск. *ho-hô*, дагомейск. *ô-ô*, швейцарск. *a-a*, *e-e* („faules nein“), *a!* (af-fektvolles nein bei befremdlicher frage)—Staub und Tobler, *Schweizer. Idiotikon* I, 4), джамск. *oh!* (Bastian, *Reise durch Kambodja* 244), банарск. *ouch* (Bastian, *ibid.* 414), карайбск. *oua*, ирокезск. *ia*, тьянгск. *uoh*, сямск. *ha*, бонгойск. *aôh*, *oâh* (Ztschr. d. d. morg. Ges. XXVII, 469), кичайск. *ho-oh*, сессутск. *o-a-e*, *che*, *ohe*, *he* (Schrumpf, Ztschr. d. d. morg. Ges. XVI, 466), чеченск. *hâ-hang*, бариѣск. *a-a*, *ak*, Тетте: *aiai*, Бауро: *aia*, негритск. *uan*, фердинандіенск. *nt*, коптск. *an* или *minn*; у саракхольцевъ отрицаніе выражается черезъ „petit murmure la bouche fermée“ (Faidherbe, *Rev. de Ling.* XIV, 95). У многихъ народовъ требованіе соблюдать тишину или сохранять молчаніе выражается черезъ длительный шипящій, который въ данномъ случаѣ долженъ служить для того, чтобы изобразить жужжаніе тишины въ ухѣ (какъ извѣстно, тишину слышимъ какъ внутренній, ничѣмъ другимъ не заглушаемый шумъ). Съ этой цѣлью употребляется продолженный сибилантъ, *s*, *š* или звукъ, сходный съ англійскимъ острымъ *th*, къ которымъ иногда спереди примыкаетъ придыханіе (*h's*, *h's*). Употребляемое у многихъ народовъ (напр. у индійцевъ, древнихъ евреевъ, римлянъ, нѣмцевъ, французовъ и пр.) ошиканіе оратора или пѣвца, не встрѣчающаго сочувствія или одобренія, представляющее съ фیزیологической точки зрѣнія усиленную энунціацію шипящихъ, по своему происхожденію не иное что, какъ эмфатическое внушеніе или категорическое приказаніе замолчать. Турецкое *susa!* *süt!* оссетинское *sos!* *ss!*, фернандское *sia!*, ёрубск. *sio!* и лат. *sile!* одинаково означаютъ „молчи! тише!“

и подобнымъ образомъ англійское hush! соприкасается съ употребляемымъ сѣверо-американскимъ племенемъ Ciu интеръекціональнымъ huš-š! Въ индоевропейскихъ языкахъ тѣмъ, что шипящій часто еще заканчивается добавочнымъ взрывнымъ t, желаніе или намѣреніе внезапно прервать рѣчь или какое нибудь движеніе становится еще болѣе внушительнымъ; шипящій вслѣдствіе этого какъ бы отрывисто пресѣкается. Какъ римляне жестъ приложеннаго ко рту пальца въ звуковомъ отношеніи передавали черезъ St! (Isis et Harpocrates digito qui significat st!), такъ разные индоевропейскіе народы этимъ же болѣе или менѣе протяжнымъ и вдругъ прерывающимся st! требуютъ тишины или молчанія, равно какъ англичанинъ въ такомъ случаѣ говоритъ hist! или whist!, шведъ tyst! и пр. Эту же самую звуковую группу st! употребляемъ и тогда, когда желаемъ на улицѣ приостановить кого нибудь, при чемъ для большей выразительности нерѣдко спереди прибавляемъ еще взрывной губной: pst! bst! (такъ напр. у нѣмцевъ, чеховъ, испанцевъ и др.).

До какой степени интеръекціональныя группы, встрѣчающіяся въ языкахъ инородныхъ племенъ, и для насъ удобопонятны и прозрачны, легко усмотрѣть изъ ниже слѣдующихъ примѣровъ. Такъ, сечуанск. aй выражаетъ горе или упрекъ, hoïha—радость, тавги-самоѣдск. ju-ju-ju есть восклицаніе боли, камассинск. аја аја рисуеъ боль, а hei hei—страхъ, аймарск. ai (или hallalai) выражаетъ боль, а ha—радость, анамск. ai-a изображаетъ вздохъ, (ai или aioi боль), he—нетерпѣніе, ua—удивленіе, футунск. oi, oiaui=страхъ, ū-ŭ-ŭ-ŭ=неудовольствіе, презрѣніе, ōko—угроза; др.-египетск. ïa выражаетъ удивленіе, ai какъ удивленіе, такъ и боль и такія же значенія имѣютъ ha, hau, hî (ha выражаетъ также желаніе), колхск. hajre изображаетъ изумленіе; китайск. hî „увы! ахъ!“ встрѣчается уже въ Ши-Кингъ-фъ (hí nhò ngú thán увы! я просыпаюсь и вздыхаю! Šik. I, 14, 4); облеченное одинаковымъ значеніемъ усиленное hî употребляется обыкновенно въ концѣ предложенія (Wû ngò ngú hí ахъ! не ненавижь меня!), сложное

i i-hû соотвѣтствуетъ приблизительно нашему „ахъ! ой горе! увы!“; голонтальск. aki=ахъ!, шонійск. alalawî въ качествѣ интеръекціи, употребляемой мужчинами, соотвѣтствуетъ русскому ахъ!, тогда какъ женщины въ такомъ случаѣ употребляютъ междометіе waupomî (Pickering, Über die indian. Sprachen Amerikas 78) дакотск. hehe, hunhe изображаетъ горе, а! e! iho! вниманіе, ho, oho сомнѣніе, ho ho противорѣчіе, неодобреніе, аварск. očaj=ахъ! (гирканск. ahwai=ахъ, отсюда ahwai ikhwis вздыхать, стонать), оссет. оуи, оуиу есть восклицаніе досады, горя, удивленія (Сборн. свѣд. о Кавказ. горахъ IX, 16); зулуск. eñ рисуется отвращеніе, hau съ краткими гласными выражаетъ отвращеніе, боль, а съ долгими (hâû) сюрпризъ и радость; въ языкѣ Чибча agai! aguei! значить ахъ! горе!, въ языкѣ Паэзесъ aj-é-é=ахъ!, ёрубск. jé! или jéje выражаетъ сюрпризъ, аho! или hun! презрѣніе; гуронск. ho ho ho есть радостное привѣтствіе («une salutation de ioye» — Sagard, Grand Voyage du pays des Hurons, Nouv. édit. Paris 1865, I, 73); сомальск. huhuhu рисуется сюрпризъ, гарарск. acháchja — восклицаніе, приглашеніе; перуанск. âha (=чешск. и нѣм. аha) соотвѣтствуетъ по смыслу русскому „попался!“, въ томъ же языкѣ аhaаа и уhihi изображаютъ смѣхъ, корейск. hehe есть восклицаніе боли, аравакск. akka=ахъ!, манджурск. ak! ok! совпадаютъ съ русск. ахъ! охъ!, анайтеумск. auwe! (увы!) замѣчательно сближается съ нѣмецко-жидовскимъ au-wai! ирокезск. aio, аке, акі представляютъ интеръекціи боли и пр. Въ древнеиндійскомъ языкѣ ah (говорить, сказать) представляетъ по всей вѣроятности слово интеръекціональнаго происхожденія, примыкая тѣсно къ интеръекціональной и часто въ ведахъ употребляемой частицѣ аha (дѣйствительно, подлинно, же, то), тогда какъ ih (добиваться чего, стремиться къ чему, желать) первоначально имѣло вѣроятно значеніе „вздыхать по чемъ“—ср. такой же семазіологическій переходъ въ эстонскомъ ihkma, означающемъ 1) вздыхать, стонать 2) стремиться, желать (венгерск. ásít значить „зѣвать“ и „стремиться къ чему“; франц. bramer, какъ слово звукоподражательное, употребляется объ оленьемъ крикѣ, тогда какъ

соотвѣтствующее ему итал. *bramare* значить „желать“). Въ языкѣ Ироб-Саго (въ Абиссиніи) приставляемое къ концу словъ *ho* имѣетъ значеніе вопросительной частицы (*â gdifa hó* развѣ я убилъ?—*Reinisch, Sprache der Irob Saho* 9); въ томъ же языкѣ *a* значить „кто? что?“ и стоитъ въ этомъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ русскимъ вопросительнымъ интеръекціональнымъ *a*, которымъ простонародье выражаетъ удивленіе, сюрпризъ или вопросъ. О важномъ значеніи интеръекціональных и звукоподражательныхъ элементовъ въ китайскомъ языкѣ трактуетъ *Watters China Review* V); по его мнѣнію, большая часть словаря всѣхъ почти нарѣчій въ Китаѣ происходитъ именно изъ этого источника и въ этой категоріи встрѣчаются многія изъ наиболее выразительныхъ и замѣчательныхъ словъ. Такъ, *ai-ja*, *hai-ja*, *oi-ja* выражаютъ сюрпризъ, боль, удивленіе, страданіе и употребляются также въ качествѣ существительныхъ или глаголовъ (*China Rev. V, 146*); *wa-wa* рисуется, смотря по модуляціи голоса, радость, сюрпризъ, или же горе, удрученное настроеніе; когда китайца бьютъ или подвергаютъ пыткѣ и онъ сильно страдаетъ, то онъ кричитъ *hêng hêng*, оттого *hêng* означаетъ также вздохъ, стонъ и пр.

Какъ изъ индоевропейской интеръекціи *ni*, выражающей поощреніе, образовались глагольные корни съ соотвѣтствующимъ значеніемъ (скр. *nud* поощрять, принуждать, литовск. *nùkti* кричать, шумѣть, серб. хорв. *nukati*, чешск. *ro-pou-k-atì*, *nu-t-iti*, ст.-слав. *ноукати*, русск. *нукать* и др.), такъ и въ перуанскомъ языкѣ междометія, посредствомъ приставки къ нимъ суффикса — *ni*, превращаются въ глаголы: *акаи* (ахъ)—*акаи-ni* (горевать), *аѳај* (междометіе удивленія)—*аѳај-ni* (удивляться), *ала* (выражаетъ сожалѣніе—ср. греч. *ἐλεέω*, *ἀλαλά*, *ἐλελεῦ*, лат. *ululare*, булг. *olelê*) *алаni* (соболебновать), *окh* выражаетъ усталость—*окhni*=охать, жаловаться на усталость, *ihihi* есть интеръекція смѣха, *ihi-ihi-ni*=насмѣхаться, презирать и пр. Въ кунамскомъ языкѣ интеръекціональныя и оноματοпоическія группы путемъ приставки къ нимъ слова *da* („дѣлать, производить“) получаютъ значеніе глаголовъ: *bû-da* (ревѣть—собств. „бу дѣлать“), *fû-da* (дуть), *fifô-da* (свистать),

kâk-da (каркать), ngau-da (мяукать), ngur-da (жужжать)—ср. *Reinisch*, *Kupamasprache* 52. Сюда же относится интеръекціональное ó-da (отвѣчать — „дѣлать о“) и óo-da=выть.

Къ выразительнымъ интеръекціональнымъ группамъ, пользующимся большимъ распространеніемъ, принадлежатъ uга, uгге, агге, которыми во многихъ странахъ и у разныхъ племенъ погоняють животныхъ, хотя трудно опредѣлить, какая именно выразительность заключается въ этихъ группахъ. Верблютники въ Турціи, въ Палестинѣ и въ Египтѣ погоняють верблюдовъ къ скорѣйшей походкѣ крикомъ ar-ré! ar-ré!, аравитяне въ Алжирѣ кричатъ на своихъ лошаковъ eirich!, испанскіе погонщики лошаковъ погоняють ихъ крикомъ arré (оттуда возникло слово arriego „погонщикъ лошаковъ“), древнеиндійское агаге означаетъ поспѣшный зовъ, во Франціи охотникъ понукаетъ свою собаку словами hare! hare!, древніе германцы (на сѣверѣ) погоняли своихъ коней словомъ hurs и до сихъ поръ еще въ Ирландіи и въ разныхъ частяхъ Шотландіи свинопасы гонять свиней покрикивая на нихъ hurrish! hurrish! Интеръекціональнаго происхожденія есть также нѣм. hurrah! и русск. ура! На островѣ Цейлонѣ корнаки управляютъ движеніями слоновъ помощью словъ ur-re! ur-re!, повторяемыхъ въ разныхъ модуляціяхъ и интеръекціональное перуанск. агагај-ја значитъ „ступай отсюда! иди прочь!“ Интеръееціи иногда также употребляются для произведенія комическихъ контрастовъ посредствомъ шуточнаго сопоставленія звуковъ. Такъ напр. въ студенческой пѣснѣ у Mosche-gosch-a (приведенной въ *Gerber Sprache als Kunst* II, 2, 140) стихи для вящаго эффекта заканчиваются разными выразительными и живописно-подражательными интеръекціями: Nocte studens graditur ludens testudine bom bom — Personat huic alter cithara seretrum teretrum trum — Tunc reliqui clamant tollentes brachia juch juch — Pellio tunc grunnit, mox huic submurmurat huy Katz etc.

В. Шерцль.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ НА ЗАПАДѢ.

(Продолженіе).

II.

Два девиза эволюціонной теоріи—*ex nihilo nihil fit* и *natura non facit saltus*: Данте выросъ на извѣстной культурно-соціальной почвѣ, въ извѣстной литературной атмосферѣ, и это сказалось на всей его поэтической дѣятельности. И скачка здѣсь никакого не было.

Когда въ литературѣ является какой-либо мощный геній, который говоритъ новое слово, стоить только присмотрѣться къ его предшественникамъ и современникамъ, чтобы увидѣть, что онъ не одинъ говоритъ это слово: онъ только громче, сильнѣе, рельефнѣе, оригинальнѣе произноситъ то, что начинаютъ говорить другіе. У Шекспира, другаго генія новой литературы, были «предшественники» *), были они и у Данте. Еще недавно указывали на послѣдняго, какъ на единичнаго творца итальянскаго языка и итальянской литературы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ и тотъ, и другая существовали уже передъ выступленіемъ автора Божественной комедіи, и сама эта поэма возникла на почвѣ уже образовавшейся въ итальянской литературѣ традиціи: въ началѣ своей дѣятельности великій флорентинецъ еще не выдѣлялся изъ среды тѣхъ поэтовъ, которые уже создавали въ Италіи національный литературный языкъ и національную литературу, да и послѣдующее развитіе дѣятельности Данте совершается въ духѣ уже намѣтившихся реальныхъ и формальныхъ элементовъ молодой литературы. Данте былъ подготовленъ не только вообще всей предыдущей эволюціей: тутъ была подготовка болѣе спеціальная, и въ ней мы находимъ въ зародышѣ то, что въ развитомъ видѣ далъ намъ съ такою силою личной оригинальности великій пѣвецъ Ада, Чистилища и Рая. Данте проложилъ себѣ свою дорогу, но къ ней вели уже кое-какія тропинки менѣе ориги-

*) Въ нашей литературѣ о предшественникахъ Шекспира есть работы проф. Стороженко.

нальных и болѣе коллективно работавшихъ «предшественниковъ» и даже современниковъ. Личный поэтъ идетъ за другими и рядомъ съ другими, прежде чѣмъ вести за собой: все дѣло въ быстротѣ шага и полнотѣ выраженія начинающагося движенія, въ количествѣ личной инициативы и въ умѣннн пользоваться готовыми средствами. Безъ Данте не было бы Божественной Комедіи, но существовало бы направленіе, самымъ полнымъ и развитымъ, самымъ грандіознымъ и оригинальнымъ выраженіемъ котораго сдѣлалась эта поэма, благодаря генію своего автора. Въ исторіи новой литературы были такъ же, какъ и въ средневѣковой, свои теченія, въ духѣ которыхъ работали многіе, хотя и съ печатью болѣе индивидуальности, чѣмъ въ средніе вѣка, но именно разница въ томъ, что только въ новое время изъ этихъ многихъ выдѣляются одинъ или немногіе, которые оттѣсняють другихъ на задній планъ, будетъ ли этотъ одинъ называться Данте или Шекспиромъ или, вмѣсто одного, явятся сразу немногіе, въ родѣ нашихъ гр. Льва Толстаго, Тургенева, Достоевскаго и другихъ корифеевъ современнаго романа.

Литература на итальянскомъ народномъ языкѣ—явленіе довольно позднее. Вплоть до XIV вѣка въ Италіи латынь,—конечно, не классическая, а новая, измѣненная,—была языкомъ проповѣди, администраціи, суда, языкомъ культурнаго класса въ городахъ и его поэзіи, и здѣсь никогда не прекращалось совсѣмъ изученіе и «настоящаго» латинскаго языка и памятниковъ его письменности, особенно юридической съ середины XII в., причемъ міряне именно здѣсь ранѣе всего стали принимать участіе въ этомъ дѣлѣ. Мало-по-малу однако латынь въ литературныхъ произведеніяхъ стала вытѣсняться языкомъ провансальскихъ трубадуровъ и французскихъ труверовъ, явившихся въ Италію, распространявшихъ въ ней свои сюжеты, темы и формы и находившихъ подражателей среди самихъ итальянцевъ, а съ первой половины XIII в. начались попытки превращенія и мѣстныхъ нарѣчій Италіи въ литературный языкъ.

Такъ возникла чисто подражательная по содержанію и формѣ и шаблонная поэзія «сицилійская», только по языку отличавшаяся отъ провансальской: это—второе изданіе лирики трубадуровъ, но испорченное, потому что въ сицилійской школѣ мы не обнаруживаемъ тѣхъ чертъ, которыя, уже характеризуютъ въ извѣстной степени трубадуровъ,—ни личнаго элемента, ни нѣкоторой связи поэзіи съ современностью въ гражданскихъ мотивахъ первой. Въ эпосѣ, съ другой стороны, мы замѣчаемъ простое италианизированіе французскихъ *chansons de geste*: Италия не имѣла своихъ народно-поэтическихъ преданій, и съ конца XIII в. особенно усердно переводились въ ней произведенія французской эпикки.—Послѣ паденія Гогенштауфеновъ «сицилійская» поэзія нашла пріютъ въ городахъ средней Италіи, гдѣ превратилась въ «тосканскую», болѣе самобытную по формѣ и отчасти по содержанію: на новой почвѣ поэзія начала проникаться политическими мотивами муниципальной жизни, аллегоризмомъ моральной проповѣди «ученыхъ» поэтовъ и реализмомъ болѣе простонароднаго творчества, т. е. въ эротическую лирику рыцарскаго происхожденія постепенно вносятся элементы, вообще характеризующіе литературу горожанъ, и оригинальность «тосканской» поэзіи была результатомъ скрещенія двухъ совершенно различныхъ теченій. Въ самомъ дѣлѣ, разъ за любовныя темы провансальской пѣсни стали браться люди, воспитавшіеся на душеспасительной церковной письменности, хотя бы и міряне, или ученые юристы, рыцарскій колоритъ этой письменности долженъ былъ исчезнуть, чтобы замѣниться колоритомъ мистическаго и схоластическаго резонерства. Первымъ представителемъ этого направленія, которое переносило въ эротическую поэзію идеи и настроенія, выражавшіеся дотолѣ совсѣмъ въ иныхъ формахъ, былъ болонецъ Гвидо Гвиничелли (ум. въ 1275 г.), отецъ итальянскихъ сладкихъ и прелестныхъ римъ (стиховъ), какъ его называетъ Данте: Гвиничелли воспѣвалъ традиціонную провансальскую любовь, но эта любовь выступаетъ въ

его римахъ духовнѣе, съ оттѣнкомъ философской рефлексіи, а эротическая поэзія соединяется у него съ нравственно-религіозными мотивами, дѣлается, по выраженію Данте, воплощеніемъ философскихъ истинъ въ поэтическихъ образахъ. Болонскій поэтъ, родоначальникъ «новаго стиля», открываетъ собой рядъ писателей, развивавшихъ поэзію любви въ идеалистическо-схоластическомъ и аллегорико-символическомъ направленіи, въ которомъ женщина перестаетъ быть «дамой», чтобы превратиться въ чистую дѣву съ чертами неземнаго существа, символизирующаго все высокое и благородное. Съ этимъ характеромъ лирика позднѣе является не только у Данте, но и у Петрарки съ многочисленными подражателями послѣдняго, и у нихъ на первый планъ выдвигается субъективный, психологическій анализъ чувства любви,—характерная черта всей послѣдующей западно-европейской лирики, вполне гармонирующая съ индивидуализмомъ въ поэтическомъ творчествѣ. По смерти Гвиничелли центромъ этой литературной дѣятельности становится Флоренція, родина Данте, имѣвшаго около десяти лѣтъ отъ роду, когда умеръ отецъ итальянскихъ римъ. Такъ зарождалась итальянская литература, но учитель великаго флорентинца, Брунетто Латини (ум. въ 1294 г.), ввелъ въ нее еще отрывки классическихъ воспоминаній, почерпнутыхъ изъ непосредственнаго знакомства съ кое-какими римскими писателями, и модный въ то время аллегоризмъ въ его чистомъ видѣ: онъ переводилъ на родной языкъ Овидія и Боэція и написалъ двѣ аллегорико-дидактическія поэмы-энциклопедіи, именно *Il Tesoretto* (по-итальянски) и *Li livre dou Tresor* (по-французски въ прозѣ): въ первой онъ рассказываетъ, какъ онъ заблудился въ лѣсу, выбрался потомъ на высокую гору, и встрѣтился тамъ съ Природой, какъ его вывелъ на настоящую дорогу канцлеръ бога любви Овидій и т. д., и подобную же общую конценцію представляетъ намъ и Божественная Комедія ученика Брунетто Латини, въ которой является Беатриче, любимая Данте женщина, символизиру-

ющая теологію въ духѣ «тосканской» поэзіи, а руководителемъ заблудившагося поэта — пѣвецъ римскаго міродержавства, идеализированнаго гибеллинизмомъ Данте, Виргилій, который олицетворяетъ философію, но съ этой концепціей поэтъ соединяетъ еще другую, бывшую въ средніе вѣка предметомъ поэтическихъ и полупоэтическихъ обработокъ, — странствованіе въ загробномъ мірѣ. Брунетто Латини личнымъ вліяніемъ на Данте положилъ начало его классическому и энциклопедическому образованію, хотя великій флорентинецъ, какъ всякій выходящій изъ ряду обыкновенныхъ людей челоуѣкъ, всего больше обязанъ былъ не учителямъ, а самому себѣ, — и начавъ свою поэтическую дѣятельность въ духѣ «тосканской» поэзіи, онъ овладѣлъ потомъ содержаніемъ провансальской лирики и французской эпикки, расширяя свой умственный горизонтъ изученіемъ тогдашней философіи и науки и развивая свое эстетическое чувство знаніями въ области музыки и живописи, которыя онъ пріобрѣталъ отъ другихъ людей.

Вотъ какъ «подготовлялся» Данте: уже была кое-какая итальянская литература съ довольно опредѣлявшимся характеромъ, который обусловливался привитіемъ къ любовнымъ темамъ провансальцевъ дидактическаго аллегоризма, весьма понятнаго у поэтовъ изъ мірянъ, но съ схоластическимъ образованіемъ. Это былъ довольно проторенный путь, но Данте не затерялся среди другихъ, которые его прокладывали: этого не допустили ни его богато одаренный умъ, ни взаимодѣйствіе разныхъ традицій, на него вліявшихъ, — тосканской, провансальской, французской, классической, — традицій лирической, эпической и дидактико-аллегорической, — при теологической и схоластической учености поэта, ни участіе въ бурной политической жизни, когда знамена старыхъ партій поистрепались и благородному поэту, пришлось одному составлять свою партію, т. е. выступать съ своей личной, хотя и не эгоистичной программой, по личному убѣжденію разорвавъ свои отношенія съ гвельфами, съ которыми его связывали семейныя пре-

данія, и примкнувъ къ гибеллинамъ безъ отказа отъ собственнаго своего Я.

То, что особенно выдѣляетъ Данте изъ всей «тосканской» школы, это—рельефное отраженіе его личнаго Я, его субъективнаго міра въ поэзіи. Каждый вѣкъ имѣетъ свою форму для такого проявленія индивидуальной субъективности, если только есть чему проявляться: въ одно время это—форма автобіографической исповѣди, какъ у бл. Августина или у Руссо, въ другое—воспроизведеніе своего характера въ вымышленныхъ герояхъ поэмы или драмы, какъ у Байрона, въ третье—изложеніе пережитаго, передуманнаго, перечувствованнаго въ формѣ разсужденій на отвлеченныя темы, какъ у Петрарки, и т. п.: Данте воспользовался формами «тосканской» поэзіи и моднаго аллегоризма, но въ нихъ онъ вложилъ не надуманное содержаніе, не имѣвшее никакого отношенія къ личной жизни, а свою поэтическую автобіографію, исторію своей собственной души. Поэтъ заблудился въ лѣсу, его выводитъ на длинный путь Виргилій, ему является Беатриче, все это не сухая аллегорія, символизирующая отвлеченныя понятія, а покровъ, подъ которымъ разсказывается личная исторія и излагается личное пониманіе современности. Три части этой поэтической автобіографіи, этой исповѣди, этого аллегорическаго самовоспроизведенія, этого изложенія передуманнаго и перечувствованнаго, — Новая жизнь, Трапеза (или Пиръ) и Божественная Комедія. Разсмотримъ эту трилогію. Въ Новой (а можетъ быть вѣрнѣе молодой) жизни поэтъ изображаетъ начало своей любви къ Беатриче и ея юношескій періодъ: это произведеніе—соединеніе стиховъ и прозы, и именно тутъ мы находимъ канцоны, сначала носящія на себѣ слѣды увлеченія провансальскими образцами, но чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше превращающія возлюбленную Беатриче въ мистико-религіозный образъ, одно изъ оригинальнѣйшихъ созданій Божественной Комедіи,—а канцоны эти соединены съ прозаическимъ текстомъ, положенія котораго

иллюстрируются канцонами и который ихъ комментируетъ въ схоластическомъ духѣ; тутъ мы видимъ отрѣшеніе эротической темы, избитой трубадурами, отъ традиціонныхъ формъ и манеры, успѣвшей сдѣлаться шаблонной, условно-искусственной, и соединеніе ея съ мистическимъ идеализмомъ тосканской поэзіи, который превращаетъ любовь изъ мимолетнаго увлеченія земной страстью въ любовь одухотворенную и просвѣтленную глубокимъ чувствомъ и чаяніемъ неземнаго блаженства, но этотъ мистическій идеализмъ дантовой лирики соединяется еще съ живымъ отношеніемъ къ явленіямъ личной и общественной жизни и съ схоластической діалектикой, трактующей, кромѣ любви, о философіи и морали, и разрѣшающей чисто-литературные вопросы (о поэтическомъ употребленіи аллегоріи, о происхожденіи поэзіи на народномъ языкѣ и т. п.), причемъ то тамъ, то сямъ сквозятъ автобіографическіе намеки, слышатся отголоски внутренней жизни Данте. Возлюбленная Беатриче, о которой поэтъ въ Новой жизни даетъ обѣщаніе сказать то, что никогда не было сказано ни объ одной женщинѣ, символизируетъ собою теологію, хотя Беатриче была дѣйствительной женщиной, любимой поэтомъ въ юности. Въ Трапезѣ Данте объясняетъ, что подъ любовью нужно разумѣть рвеніе къ знанію. Въ этомъ произведеніи, написанномъ въ той же формѣ, какъ и Новая жизнь, и имѣющемъ тотъ же энциклопедическій характеръ съ явной тенденціей популяризировать для необразованныхъ массъ школьную ученость при помощи національнаго языка, считавшагося у «сицилійскихъ» поэтовъ и самимъ Данте въ Новой жизни пригоднымъ только для любовной поэзіи,—изображается забвеніе Беатриче ради одной «благородной госпожи»: эта «*donna gentile*» — философія, по объясненію самого Данте, философія, которую онъ въ Трапезѣ называетъ «царицею всего», лишь номинально подчиняя ее теологіи по средневѣковой формулѣ—*ancilla theologiae*. Это—пора сомнѣній и колебаній Данте, и вотъ въ Божественной Комедіи онъ рассказываетъ, какъ онъ

сбился съ истиннаго пути и попалъ въ темный лѣсъ: выводить его на настоящую дорогу философія (Виргилій), но уже въ качествѣ посланницы Беатриче (которая, замѣтимъ кстати, въ одномъ мѣстѣ поэмы упрекаетъ его за прежнюю измѣну). Здѣсь-то и исполняетъ Данте свое обѣщаніе рассказать о Беатриче то, что не было еще сказано ни объ одной женщинѣ: это—возвращеніе къ Беатриче, возвращеніе къ теологіи путемъ сознательнымъ: только одна она могла дать внутренній миръ душѣ средневѣковаго человѣка.

Отъ Данте остались еще—трактатъ *De vulgari eloquentia* и трактатъ *De monarchia*, написанные оба полатыни. Въ первомъ онъ теоретически оправдываетъ употребленіе имъ народнаго языка, выведеннаго имъ изъ періода постоянныхъ колебаній блестящимъ языкомъ Комедіи, которая увлекла всю Италію, возвысила національный языкъ, отгѣснивъ на задній планъ отдѣльныя нарѣчія разработкой тосканскаго діалекта и обогащеніемъ его элементами другихъ нарѣчій и словивъ подавляющее господство латыни: здѣсь Данте явился и литературнымъ критикомъ по отношенію къ своимъ предшественникамъ и современникамъ, и литературнымъ теоретикомъ, излагавшимъ науку поэзіи на итальянскомъ языкѣ, совѣтуя писателямъ готовить себя къ своей дѣятельности усвоеніемъ правилъ стихотворства и самообразованіемъ, — одно изъ указаній на то, что Данте сознательно относился къ литературной дѣятельности. Въ трактатѣ *De monarchia* онъ выступаетъ публицистомъ, впервые рѣзко, рѣшительно, широко и твердо осуждая теократическую идею папства во имя въ высшей степени оригинально понятой государственной идеи: это—идея древней римской имперіи, и пѣвецъ этой имперіи, Виргилій, руководитель Данте въ загробныхъ странствованіяхъ его Божественной Комедіи, былъ дѣйствительнымъ руководителемъ его въ политическомъ мышленіи, отъ котораго уже начинается вѣять духомъ гуманистическаго Возрожденія. Этотъ трактатъ во многомъ объясняетъ «священную поэму».

Данте: его политическое міросозерцаніе нашло въ ней мѣсто наряду съ религіознымъ, философскимъ, моральнымъ и научнымъ, и гражданскіе мотивы наполняютъ ее отъ начала до конца. «Тосканская» школа не лишена была уваженія къ народному языку внѣ одной любовной поэзіи, не лишена была и публицистическихъ элементовъ моральнаго и политическаго характера: Данте въ качествѣ критика и теоретика защитилъ родной языкъ отъ соперничества съ латынью и другихъ романскихъ нарѣчій и до такой степени преисполнилъ свое главное произведеніе публицистическими элементами, что многіе приписывали политической ея тенденціи значеніе господствующей надъ другими или ихъ поглощающей. И эта политическая доктрина, изложенная въ трактатѣ *De monarchia* и проникающая собою Божественную Комедію, опять-таки была выстрадана Данте въ глубинѣ его души, была продуктомъ его личной мысли, которая оригинально переработала и собственные впечатлѣнія поэта отъ современности, и схоластическую ученость, и политическія идеи, найденныя имъ у классиковъ. Флоренція, Италія, человѣчество въ предѣлахъ романо-германскаго міра, нашли въ поэтѣ своего судью, но судью, много переиспытавшаго и передумавшаго.

Болѣе раннія и вообще второстепенныя сочиненія Данте еще тѣсно примыкаютъ къ традиціямъ «тосканской» поэзіи и схоластики: они, произведенія эти, ведутъ далѣе эти традиціи, а въ Божественной Комедіи Данте, какъ поэтъ и мыслитель, какъ литературный теоретикъ и публицистъ, обобщилъ самого себя, сливъ воедино разьединенное въ другихъ произведеніяхъ. Этотъ синтезъ переработаннаго личною мыслью изъ множества ранѣе существовавшихъ традицій и создалъ грандіозную поэму Данте. Но вы имѣли случай видѣть также, что поэтъ соединялся въ немъ съ мыслителемъ, — съ литературнымъ теоретикомъ и публицистомъ: Данте былъ поэтъ-гражданинъ, а потому и сознавалъ общественную роль литературы. Онъ самъ понималъ свое значеніе, то стремясь «высказы-

вать истины, нетронутыя еще другими» или рассказывая о Беатриче «то, что никогда не было сказано ни объ одной женщинѣ»,—то объявляя, что онъ «самъ составляетъ свою партію» и что къ его поэмѣ «приложили руку небо и земля»,—то заставляя лица, выведенныя въ Божественной Комедіи, говорить о немъ самомъ, какъ о прославившемся человѣкѣ, и признаваясь въ стремленіи къ литературной славѣ, которое не было извѣстно въ средніе вѣка, — т. е. сознавалъ свои личныя силы, свои личныя способности, свою личную оригинальность. Дантова идея о славѣ, какъ о мотивѣ литературной дѣятельности,—идея новая: она могла зародиться только въ личности, сознающей значеніе своего индивидуальнаго Я, и развилась она съ особой силой у Петрарки, еще болѣе личномъ и субъективномъ, чѣмъ Данте. Прибавимъ къ этому, что флорентійскій поэтъ внесъ еще одно новое начало въ поэзію—художественный реализмъ, любовь къ природѣ и ея красотамъ, незнакомую антикосмическому направленію среднихъ вѣковъ. Открывъ внутренняго человѣка въ анализѣ своихъ собственныхъ психическихъ состояній, онъ открылъ внѣшній міръ въ описаніяхъ своей Божественной Комедіи. Правда, онъ изображаетъ фантастическій міръ загробныхъ видѣній, но такъ рельефно и реально, что его картины сами просятъ перевода на рисунки, а Амперъ, посѣтившій мѣста, гдѣ блуждалъ Данте (*Voyage dantesque*), узнаетъ въ нихъ реальные прототипы фантастическихъ описаній. Живо и реально представлены поэтъ и лица, имъ выводимыя въ Комедіи. А какую роль вообще играютъ психологическій анализъ и чувство природы въ новой поэзій, знаетъ всякій, хотя бы изъ чтенія лучшихъ современныхъ романовъ.

Въ Божественной Комедіи Данте поставилъ памятникъ среднимъ вѣкамъ: XIV и XV столѣтія были неблагоприятны по духу своего времени для продолженія и оживленія умственныхъ традицій, которыми жилъ Данте. Съ другой стороны, необычайная оригинальность поэта сдѣлала невозможнымъ, чтобы его цѣликомъ про-

должали другіе. Данте удивлялись, его изучали, ему пробовали подражать, но изъ этого ничего не вышло, кромѣ копированія одного внѣшняго образа поэмы. Данте не создалъ «школы», если не считать нѣсколькихъ поэтовъ въ родѣ Фаціо дельи-Уберти, Чекко д'Асколи, Федерико Фреппи, которымъ онъ импонировалъ не тѣмъ, что было индивидуальнаго въ его поэзіи, а развитіемъ особенностей, принадлежавшихъ всецѣло его эпохѣ. Въ одномъ отношеніи Данте имѣлъ дѣйствительныхъ продолжателей, въ сравненіи съ которыми даже онъ самъ является только предшественникомъ: это его живой интересъ къ древней римской литературѣ.

III.

Данте называютъ предшественникомъ Возрожденія *): онъ былъ первый европейскій писатель, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ чистой литературной традиціи классическаго міра.

Классическая древность была сравнительно мало извѣстна средневѣковой литературѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ школьная поэзія отступила на послѣдній планъ и на первый выдвинулась національная, возникшая на почвѣ иной жизни и иныхъ преданій. Весьма рано прекратилось на Западѣ изученіе греческаго языка и исчезло знакомство съ тѣмъ, что на немъ было написано: даже Аристотеля, этотъ философскій авторитетъ среднихъ вѣковъ, знали не въ оригиналѣ, а въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ не съ греческаго, а съ арабскаго; римскихъ классиковъ читали мало, а читая ихъ и имъ подражая, не понимали ихъ духа; многія преданія древности были извѣстны только изъ разныхъ компиляцій и попадали такимъ образомъ въ національную литературу изъ школьныхъ передѣлокъ, т. е. изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ. Съ развитіемъ образованности въ XII вѣкѣ средневѣковые ученые начали обра-

*) См., напр. Geiger, 13, 23.

щать больше вниманія, нежели дѣлалось это прежде, на римскихъ писателей, но отношеніе ихъ къ древней литературѣ было весьма своеобразное: постоянно имѣлось въ виду язычество классиковъ, которое требовало осторожности въ обращеніи съ умами древняго міра, и если ими интересовались, то потому, что въ произведеніяхъ римской поэзіи усматривали аллегорическія передачи истинъ естественнаго богопознанія да образцы языка и чисто внѣшнихъ литературныхъ формъ, и во всякомъ случаѣ тутъ не было увлеченія самымъ содержаніемъ, духомъ, эстетическими красотами столь долго забытой поэзіи. Вотъ, напримѣръ, знаменитый Іоаннъ Салисберійскій: онъ зналъ до полутора десятка классиковъ, что для его времени было много; но изъ знакомства съ ними онъ вынесъ такое впечатлѣніе, что читать ихъ можно только людямъ очень крѣпкимъ въ вѣрѣ; съ другой стороны, большая начитанность не вызвала въ немъ перемѣны въ обычномъ для средневѣковья взглядѣ на Энеиду, какъ на аллегорію, въ которой Эней—человѣческая душа, временно заключенная въ тѣлѣ, а его приключенія—человѣческая жизнь съ бѣдствіями дѣтства, заблужденіями юности, преступною любовью и т. п. *). Почетъ, въ какомъ находились классики у нѣкоторыхъ ученыхъ людей XIII в., обуславливался чисто средневѣковыми соображеніями напр., Викентій Бовэзскій, авторъ извѣстной энциклопедіи Великое Зерцало (*Speculum Magnum*), находилъ, что хотя и лишенные откровенной религіи, эти писатели удивительно разсуждали о Творцѣ и его твореніяхъ, о добродѣтеляхъ и порокахъ, и совершенно въ томъ же смыслѣ доминиканскій профессоръ Альбертъ Великій ставилъ въ заслугу языческимъ мудрецамъ и философамъ познаваніе Бога естественной мудростью разума, замѣнявшей для

*) Впрочемъ, и Петрарка, при общемъ взглядѣ на поэзію, какъ на аллегорію, былъ недалеко отъ подобнаго толкованія той-же Энеиды. И позднѣе Филельфо (ум. 1481) чуть-чуть что не такъ-же объяснялъ кое-что въ поэмѣ Вергилія.

нихъ то писаніе, изъ котораго узнавали о Богѣ евреи. Такой взглядъ на римскую литературу не могъ, конечно, благопріятствовать тому, чтобы она повліяла на поэзію, и все, чѣмъ въ данномъ отношеніи пользовались изъ классиковъ поэты XII и XIII в.,—не говоря о сюжетахъ, входившихъ въ литературу изъ школьных передѣлокъ и компиляцій,—сводилось, пожалуй, только къ нѣсколькимъ мифологическимъ украшеніямъ, попадающимъ въ латинскихъ стихотвореніяхъ этихъ двухъ столѣтій. Таковы были интересы, которые поддерживали изученіе римской литературы, изученіе случайное, поверхностное, не обнаруживавшее пониманія духа тѣхъ произведеній, которыя изучались, лишенное увлеченія ихъ идеями, преклоненія передъ ихъ поэтическими красотами. Да и могло ли быть иначе при той рѣзкой противоположности, которая существовала между духомъ античной литературы и безсознательной философіей, *) лежавшей въ основѣ средневѣковой жизни, между идеями, представленіями, интересами и настроеніемъ культурнаго человѣка древности, съ одной стороны, и всѣмъ міровоззрѣніемъ и стремленіями аскага-монаха, спиритуалиста-схоластика или мистика среднихъ вѣковъ, феодальнаго рыцаря и только что выступившаго на историческое поприще горожанина, съ другой? Исключенія, конечно, были, и, напр., переводилось или вѣрнѣе перелицовывалось Любовное искусство съ Лѣкарствомъ отъ любви Овидія**), но это все-таки исключенія, и въ подобныя передѣлки слишкомъ проникалъ чисто средневѣковой колоритъ. Когда жизнь ушла отъ тѣхъ путей, на которыхъ когда-то породила она религію, философію, науку, поэзію и искусство древнихъ, люди не могли уже понимать духа античной культуры: только измѣненія въ жизни, выразившіяся и въ паденіи

*) См. выше, стр. 18.

**) Ср. въ книжкѣ Ganston Paris La poésie au moyen âge этюдъ подъ заглавіемъ «Les anciennes versions françaises de l'Art d'aimer et de Remèdes d'amour d'ovide».

настоящихъ средневѣковыхъ литературныхъ традицій, могли создать классъ людей, для которыхъ сдѣлались болѣе понятными и болѣе привлекательными міровоззрѣнія и настроенія погибшей, но не вполне еще забытой культуры. Въ эпоху господства одной литературной традиціи, поддерживаемаго всѣмъ складомъ современнаго быта, отличная отъ нея традиція не можетъ получить силы: для новаго направленія должна быть расчищена почва, и такому расчищенію почвы соотвѣтствуетъ въ исторіи западно-европейскихъ литературъ паденіе средневѣковыхъ поэтическихъ традицій, которое мы обнаруживаемъ въ XIV и XV вѣкахъ. Мы уже приходилось указывать на этотъ общій фактъ *), но причины его мы должны искать въ измѣнившихся отношеніяхъ духовной и соціальной жизни. Новая жизнь искала новаго литературнаго содержанія и новыхъ литературныхъ формъ, но она нашла между прочимъ и нѣчто готовое старое, что могло теперь воскреснуть: это была именно античная литература. Въ XIV в. начинаютъ ее изучать ради нея самой, а не для богословскихъ или чисто формальныхъ цѣлей, не ставя болѣе вопроса объ ея язычествѣ, но увлекаясь ея духомъ и «пріятностью» ея формъ, ея языкомъ, стихомъ, стилемъ, всѣми ея приемами въ поэзіи и прозѣ. Это—цѣлое литературное теченіе новаго времени среди другихъ теченій, болѣе непосредственно порождавшихся жизнью, и такова была его сила, что въ концѣ концовъ классицизмъ, который мы называемъ не безъ основанія ложнымъ (*Pseudoclassicismus*), заполонилъ къ началу XVIII в. почти всю литературу почти всѣхъ европейскихъ націй.

Для общаго историка западно-европейскихъ литературъ съ XIV вѣка до начала XIX интересная задача—прослѣдить эту эволюцію классицизма отъ его зарожденія до побѣды надъ нимъ новаго романтизма, разцвѣтшаго и отцвѣтшаго въ нашемъ столѣтіи, чтобы дать мѣсто современному реализму, порожденному не

*) См. выше, стр. 146 и слѣд.

подражаніемъ прежнимъ литературамъ—классической или романтической,—а воспроизведеніемъ современной жизни и современнымъ пониманіемъ міра и человѣка. Задача эта сложная и трудная, и въ своемъ бѣгломъ очеркѣ я не берусь даже намѣтить всѣ моменты этой эволюціи: иллюстрируя здѣсь общія положенія эволюціонной теоріи литературы, я пользуюсь фактами, какъ примѣрами, и беру только тѣ примѣры, которые рельефнѣе другихъ иллюстрируютъ общія положенія нашей теоріи. Указавъ на примѣръ Данте, какъ начало развиваться въ новой европейской литературѣ личное творчество поэта, я хочу теперь обратить вниманіе на другую сторону дѣла, на то именно, что рядомъ съ личной инициативой писателя въ литературной эволюціи всегда проявляются и дѣйствуютъ извѣстныя традиціи, характерныя для цѣлыхъ эпохъ въ исторіи литературы: въ этомъ отношеніи возрожденіе классическихъ традицій представляетъ изъ себя примѣръ весьма интересный.

Между тѣмъ отношеніемъ къ античнымъ писателямъ, какое мы находимъ у эрудитовъ XII и XIII в.,—у Іоанна Салисберійскаго, у Викентія Боввзскаго, у Альберта Великаго,—и у современныхъ имъ латинскихъ поэтовъ, съ одной стороны, и тѣмъ преклоненіемъ предъ древними, которое характеризуетъ Петрарку и вообще всѣхъ гуманистовъ XIV—XV вв., разница громадная: послѣдніе вступили на путь прямого подражанія классикамъ, имѣющаго мало общаго съ случайными заимствованіями мифологическихъ украшеній, дѣлавшимися тѣмъ или другимъ школьнымъ поэтомъ XII и XIII столѣтій; и съ совершенно внѣшнимъ отношеніемъ средневѣковыхъ эпиковъ къ такимъ классическимъ сюжетамъ, каковы троянская война или подвиги Александра Македонскаго *). Перемѣна эта произошла однако не сразу: переходныя ступени представляютъ изъ себя предшественники Данте, какъ продолжатели и преемники болѣе раннихъ эрудитовъ и поэтовъ, и самъ Данте, какъ

*) Ср. выше стр. 154—5.

признанный предшественникъ классическаго возрожденія. Учитель Данте, Брунетто Латини, соединявшій поэзію съ эрудиціей, что было характерной чертой времени, ввелъ въ зарождающуюся итальянскую литературу классическія воспоминанія, сдѣлавъ переводы Овидія и Боэція, превративъ Овидія, канцлера бога любви, въ своего руководителя, показывающаго настоящую дорогу, и т. п. *). Другой писатель того времени, Альбертино Муссато (1261—1330), историкъ и поэтъ, начитанный въ классикахъ, составляетъ трагедіи Ахиллеиду **) и *Esserini* не безъ прямого подражанія древнимъ, по крайней мѣрѣ, во внѣшней формѣ: въ послѣдней трагедіи есть и хоры, и длинные рассказы «вѣстниковъ». Все это факты, напоминающіе и болѣе раннія отраженія классическихъ реминисценцій въ средневѣковой литературѣ, но здѣсь уже нѣсколько замѣтно усиленіе классическаго образованія къ концу XIII и началу XIV вѣка при сохраненіи общаго характера этого образованія: классиками пользуются, какъ источниками мудрости и образцами риторическаго способа изложенія. Такое образованіе получилъ и Данте: оно было по существу средневѣковое, схоластическое, съ обычною примѣсью классицизма, но уже значительно увеличившееся. Древность не господствовала въ мірѣ его мысли безраздѣльно, какъ мы это видимъ у позднѣйшихъ итальянцевъ: читая произведенія римскихъ поэтовъ, — а онъ читалъ *Виргилія*, *Горация*, *Овидія*, *Ювенала*, — онъ не увлекался благозвучіемъ ихъ стиха, какъ *Петрарка* своимъ *Цицерономъ*, не смаковалъ прелести ихъ поэтической формы и часто цѣнилъ ихъ главнымъ образомъ за ихъ мудрыя изученія, заключающія въ себѣ житейскія правила, но ему чуждъ былъ духъ древняго міра, да и пониманіе этого міра не доходило у него до уразумѣнія

*) Ср. выше.

**) Впрочемъ, эта трагедія, быть можетъ, принадлежитъ и не Муссато; въ данномъ случаѣ важенъ фактъ появленія такой трагедіи, а не авторство Муссато.

полной его противоположности съ современностью. Что въ самомъ дѣлѣ для Данте его излюбленный *Виргилій*? Онъ читалъ его съ особымъ удовольствіемъ, называлъ его своимъ учителемъ, давая ему даже предикатъ «божественнаго», изображалъ его своимъ руководителемъ въ своихъ загробныхъ странствованіяхъ, но въ его взглядѣ на *Виргилія* было много средневѣковыхъ чертъ: для него это—авторитетъ въ родѣ схоластическаго *Аристотеля* или какого-либо учителя церкви, мистическій святой изъ язычниковъ, какъ пророкъ о *Христѣ*, — представление, которое о *Виргиліи* создали себѣ средніе вѣка, сѣмѣвшіе рядомъ съ этимъ превратить римскаго поэта въ какого-то черно книжника. Тутъ еще нѣтъ, конечно, ничего новаго, и Данте не возвышается надъ современниками въ своемъ взглядѣ на римскихъ писателей, не ищетъ въ нихъ чего-нибудь большаго сравнительно съ тѣмъ, что искали его предшественники, но не въ этомъ одномъ отношеніи Данте къ классическимъ традиціямъ. Даже тѣ историки, которые, повидимому, не хотѣли бы отличать флорентійскаго поэта въ этомъ отношеніи отъ *Муссато*, отмѣчаютъ, что Данте находился и подъ эстетическимъ воздѣйствіемъ древнихъ: «его гений, говоритъ, напр., *Гаспари*, все же воспламенялся подъ животворнымъ впечатлѣніемъ красотъ, живущихъ въ классической литературѣ, и древнимъ онъ обязанъ всего болѣе тамъ, гдѣ онъ наименѣе сознательно имъ подражаетъ» *). Особенно у Данте вотъ что знаменательно, и это-то дѣлаетъ его предшественникомъ Возрожденія: именно рядомъ съ обычными авторитетами средневѣковья онъ особенно выдвигалъ слово поэтовъ, тысячелѣтняя слава которыхъ воспламеняла его душу и наполняла ее жаждой такой же славы, и поэтому до него никто въ такомъ объемѣ не вводилъ древность, хотя отрывочно и разбросанно, въ тосканскую поэзію, и не обобщалъ въ такой степени доступ-

*) *Gaspary. Geschichte der italienischen literatur. I, 402.*

ныхъ вѣку античныхъ воззрѣній, какъ Данте, познакомившійся у Ливія съ той доблестью, въ свѣтѣ которой блистали передъ нимъ дѣянія древняго Рима *). Въ частности возьмите его латинскій трактатъ *De Monarchia*: развѣ раньше кто-нибудь такъ прославлялъ древнюю римскую имперію и античную идею государства при всемъ средневѣковомъ, схоластическомъ характерѣ основныхъ политическихъ взглядовъ великаго гибеллина? Развѣ, далѣе, въ Божественной Комедіи онъ не далъ виднаго мѣста богатому содержанію древней мифологіи не въ видѣ риторическихъ украшеній, а въ живыхъ поэтическихъ образахъ, не внесъ въ поэзію, такъ сказать, квинтъ-эссенціи всей римской исторіи, не взялъ изъ Энеиды чуть не весь мифическій и легендарный матеріалъ и съ незначительными измѣненіями массу отрывковъ, сравненій, мыслей? Виргилій, пѣвецъ римскаго міродержавства, не даромъ былъ любимымъ поэтомъ Данте: для него средневѣковой сверхъ-естественный мудрецъ уже отчасти и настоящій античный поэтъ, какимъ его оцѣнилъ Петрарка. Быть можетъ, кругъ классическихъ знаній Данте и не превосходилъ ограниченную все-таки начитанность Латини и Муссато, но никто до него и при немъ не содѣйствовалъ большому распространенію въ обществѣ знакомства съ древними: творецъ Божественной Комедіи уже безъ всякаго инкольного педантизма и не для риторическихъ цѣлей говорилъ въ ней о мужахъ и женахъ древности, какъ объ общеизвѣстныхъ людяхъ, имена которыхъ безпрестанно сами собою приходятъ на память, и онъ зналъ эпоху и жизненную обстановку этихъ людей, а не одни имена, ничего не говорящія воображенію **). Словомъ, Данте, продолжая средневѣковое традиціонное отношеніе къ античной литературѣ, начинаетъ находить въ ней, — быть можетъ и по всей вѣроятности, не ища, — нѣчто такое,

*) cf. Фойхтъ. I, 14—18

**) Vergale, 426 и слѣд Geiger, 13 и слѣд. Burckhardt. Die Cultur der Renaissance in Italien. Lpzg. 1877. I, 247.

чѣмъ до него не пользовались или во всякомъ случаѣ чѣмъ пользовались очень мало. Если характерною чертою Возрожденія былъ «разрывъ съ живущимъ преданіемъ и полное погруженіе въ классическій міръ, представляющійся единственнымъ образцомъ и идеаломъ» (Гаспари), то не Данте ли началъ, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ политической жизни прославлять древній Римъ, противопоставляя ему новый, какъ его недостойное вырожденіе?

Я опять позволилъ себѣ остановиться на Данте съ большею подробностью, если не какъ на родоначальникъ, то какъ на предшественникъ возрожденія классической традиціи въ европейскихъ литературахъ. И въ этомъ отношеніи одни историки сближаютъ его болѣе съ средневѣковыми писателями (напр., Фойхтъ), а другіе съ дѣятелями Возрожденія (напр. Вегеле): дѣло въ томъ, что и тутъ Данте принадлежитъ двумъ мірамъ, заключаая собою литературную эпоху вѣшняго отношенія къ классической поэзіи и открывая эпоху такого ея увлеченія, что одно время въ Италіи цизероновская латынь готова была вытѣснить изъ употребленія языкъ Божественной Комедіи, сонетовъ Петрарки и Декамерона Боккачіо, а позднѣе подновленный и академически-условный классицизмъ чуть не на смерть забилъ національныя литературныя традиціи на всемъ Западѣ. Въ поэзіи Данте замѣтно началось «вживаніе» въ европейскія литературы классическаго элемента, который до того времени являлся въ ней въ формѣ «переживанія»: этотъ элементъ пока только «приживается», пристраивается къ начавшей уже «отживать», но все еще господствующей средневѣковой традиціи, въ данномъ случаѣ аллегорической, но такова вообще суть значительнаго количества литературныхъ перемѣнъ, и особенно Божественная Комедія Данте представляетъ изъ себя примѣръ произведенія, въ которомъ начинающія «отживать» литературныя традиціи среднихъ вѣковъ даютъ въ себѣ мѣсто чуждымъ элементамъ, но не въ качествѣ «переживаній», каковыми были всѣ классическія реминисцен-

ціи въ болѣе раннихъ произведеніяхъ, а въ качествѣ «вживающаго», «приживающагося», стремящагося жить самостоятельною жизнью.

Попробуйте представить себѣ, что Божественная Комедія возникла изъ механическаго соединенія средневѣковыхъ и античныхъ литературныхъ элементовъ и подвести итоги подъ тѣми и другими: вы найдете, что количество первыхъ все-таки въ значительной мѣрѣ превышаетъ количество другихъ. Если вы въ дальнѣйшемъ движеніи европейскихъ литературъ будете слѣдить за явленіями, родственными обѣимъ категоріямъ элементовъ, то при нѣкоторой степени абстракціи своего взгляда на совокупность литературныхъ произведеній слѣдующихъ вѣковъ, вы найдете, что отношеніе подобныхъ итоговъ съ теченіемъ времени будетъ измѣняться въ обратномъ смыслѣ. Конечно, въ цифрахъ эти итоги выразить нельзя, а если бы и было возможно, то ихъ послѣдовательность не представляла бы изъ себя правильныхъ рядовъ, но общимъ результатомъ нашихъ сравненій было бы то, что съ теченіемъ времени итогъ элементовъ средневѣковыхъ понижается, тогда какъ, наоборотъ, итогъ элементовъ классическихъ увеличивается, не принимая въ счетъ новыхъ реальныхъ и формальныхъ элементовъ литературы, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ и развитіемъ самой жизни. Говоря это, я имѣю въ виду ту постепенную побѣду академическаго классицизма, противопоставляющаго себя «готическому варварству», которая характеризуетъ конецъ XVII вѣка, когда живое увлеченіе классиками, начавшееся съ Петрарки, превратилось въ мертвую доктрину «поэтическаго искусства» по классическимъ образцамъ: въ этой эволюціи классической традиціи, имѣвшей такое вліяніе на судьбы новой европейской литературы, Данте по истинѣ былъ предшественникомъ гуманистовъ, которые открыли для западнаго человѣчества новый міръ и новый источникъ поэтическаго творчества.

Настоящимъ родоначальникомъ этой литератур-

ной традиціи былъ Петрарка *). Не думая здѣсь разсматривать его писательскую дѣятельность во всѣхъ подробностяхъ, я останавливаю на ней ваше вниманіе, какъ на примѣръ того, какъ оживаютъ забытыя литературныя традиціи: примѣръ Петрарки тѣмъ удобнѣе, что писатель этотъ хронологически близокъ къ Данте (Петрарка родился въ 1304 г., а умеръ въ 1374 г.) и что дѣятельность его особенно рельефна для иллюстраціи не одного изъ положеній нашей теоріи касательно этого важнаго пункта.

По своей рѣзко выраженной индивидуальности, по многимъ сторонамъ своего личнаго, глубоко-субъективнаго характера, по своей противоположности къ средневѣковому міросозерцанію и душевному настроенію, Петрарка заслужилъ названіе «перваго новаго человѣка», *der erste moderne Mensch* **). Я только отмѣчаю этотъ фактъ, не имѣя возможности входить въ біографическія подробности, чтобы обосновать такую квалификацію итальянскаго поэта XIV вѣка: въ ней резюмируется явленіе болѣе культурнаго вообще, чѣмъ литературнаго въ частности значенія, а съ выступленіемъ развитаго личнаго начала въ литературной дѣятельности мы познакомились уже на примѣрѣ Данте. О глубокой индивидуальности Петрарки я упоминаю потому, что то явленіе, о которомъ будетъ идти рѣчь, произошло изъ личной инициативы Петрарки, и слава родоначальника Возрожденія принадлежитъ ему одному,—примѣръ того, какъ одинъ человѣкъ кладетъ начало цѣлому литературному теченію. Правда, Петрарка не былъ изобрѣтателемъ: въ своихъ итальянскихъ сонетахъ онъ продолжаетъ традицію провансальскихъ трубадуровъ, свои Тріумфы онъ пишетъ въ подражаніе аллегорической поэмѣ Данте, а въ Африкѣ слѣдуетъ Виргилію,—но не будучи изоб-

*) О значеніи Петрарки для Возрожденія см. у Фойхта. Кромѣ того, работы Mezières, Geiger'a, Koerting'a и др.

**) Geiger, 23. Болдаковъ, 842. Тоже у Фойхта, у Виллари и у др.

рѣшателемъ, онъ сумѣлъ открыть для современниковъ и потомства древній міръ во всемъ его блескѣ и величїи и его литературу во всѣхъ ея богатствѣ и красотѣ. — Несомнѣнно, что Петрарка былъ весьма одаренъ отъ природы, и что въ немъ проявилось съ поразительной силой то личное начало, которое такъ выдвинуло автора Божественной Комедіи изъ сонма средневѣковыхъ поэтовъ: тѣ самыя социальнo-культурныя условія, которыя дозволили Данте развить свою индивидуальность до высокой степени самостоятельности, продолжали дѣйствовать и по отношенію къ родоначальнику гуманизма. Впервые въ новой литературѣ именно онъ поражаетъ насъ своею развитою субъективностью: «все, говорить Фойхтъ, что онъ читаетъ и изучаетъ, что онъ дѣлаетъ и переживаетъ, относитъ онъ къ своей собственной личности (*bezieht er auf seine Person*), весь внѣшній міръ служитъ ему только матеріаломъ для его личнаго образованія». На всѣхъ его произведеніяхъ, латинскихъ и итальянскихъ, прозаическихъ и стихотворныхъ, отражается не только его внутренняя жизнь, но какая-то особая жажда самопознанія, приникновенія въ свое внутреннее *Я*, анализа своихъ мыслей и чувствъ, своихъ душевныхъ движеній. Такова, напр., его лирика, въ которой внутренній міръ души впервые «получаетъ самостоятельное значеніе, подвергается наблюденію и анализу и воспроизводится съ полною вѣрностью» (Болдаковъ), — черта, неизвѣстная среднимъ вѣкамъ, такъ что вся оригинальность *Sanzoniere* Петрарки въ томъ, что здѣсь въ первый разъ поэзія дѣлается откровеніемъ человѣческой души со всею ея борьбой, со всѣми ея скорбями и противорѣчіями. Продолжая въ своихъ пѣсняхъ традицію трубадуровъ, воспѣвая любовь въ найденныхъ ими формахъ, онъ воспроизводитъ уже не ту любовь, которую воспѣвали провансальцы и его итальянскіе предшественники: передъ нимъ носился античный образъ юноши, на котораго показывали пальцами, какъ на примѣръ постоянства въ любви. Древняя литература его именно тѣмъ и привлекала, что онъ въ

ней находилъ выраженіе мыслей и настроеній, которыя соотвѣтствовали совершенно новому его душевному складу. Такая рѣзко выраженная индивидуальность, такая развитая субъективность не нашла бы въ средневѣковой литературѣ ничего для своего питанія: Петрарка относился враждебно къ схоластицизму тогдашней науки, къ одностороннему спиритуализму тогдашней философіи; у древнихъ авторовъ онъ нашелъ свой идеаль мудреца, наслаждающагося природой въ философскомъ уединеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ монашескимъ аскетизмомъ, идеаль жизни съ друзьями, идеаль славы у современниковъ и потомства. Для него были тѣсны тѣ рамки, которыя налагала схоластика на живой умъ, тѣ оковы, въ коихъ она держала выраженіе личной мысли: ему хотѣлось бы писать свободно обо всемъ, какъ человѣкъ просто бесѣдующій, и онъ пришелъ къ той мысли, что и самый слогъ долженъ имѣть личный, индивидуальный характеръ (*suus cuique for- mandus stylus*), предвосхитивъ извѣстное выраженіе Бюффона: «le style est l'homme». И, дѣйствительно, Петрарка былъ первый писатель, владѣвшій вообще слогомъ, сознательно стремившійся посредствомъ «краснорѣчія» придавать силу и увлекательность мыслямъ: онъ научился этому у Цицерона, «сладость словъ и звучность рѣчи» котораго увлекла его еще въ ранней юности; тоже самое цѣнилъ онъ и въ Virgilii, бывшемъ въ уваженіи среднихъ вѣковъ совсѣмъ по другимъ причинамъ. На первыхъ порахъ эта сторона древней литературы, музыкальное изящество рѣчи, и подѣйствовала главнымъ образомъ на Петрарку, который даже постарался придать благозвучіе своему имени, такъ какъ настоящее его имя было—Петракко. Самый взглядъ на поэзію образовался у него подъ вліяніемъ чтенія и изученія древнихъ: продолжая полагать сущность поэзіи въ аллегоріи, онъ видѣлъ призваніе этого божественнаго искусства въ спасеніи людей отъ забвенія; съ гордостью называя себя поэтомъ, онъ противопоставалъ своимъ итальянскимъ римамъ, которыя самъ не особенно вы-

соко цѣнилъ, латинскіе стихи по образцу древнихъ формъ, сочиняя буколическія эклоги по примѣру Виргилія, стихотворныя посланія на манеръ Овидія, создавая въ Африкѣ эпосъ въ античномъ вкусѣ и даже дѣлая попытку написать комедію (Филологія, до насъ не дошедшая); стремясь подняться на высоту древнихъ, онъ хотѣлъ соединить съ поэзіей теологію, философію, исторію и по образцу Цицерона пробовалъ свои силы въ морально-философскомъ трактатѣ, на античный манеръ составлялъ сочиненія исторіографическаго характера (О знаменитыхъ мужахъ и Книги достопамятныхъ исторій) и писалъ письма и рѣчи. Всѣ эти роды произведеній со включеніемъ изобрѣтенной имъ инвективы, особаго вида полемическихъ сочиненій, мы находимъ у слѣдующихъ за нимъ гуманистовъ, какъ главные формы, въ которыхъ совершалась ихъ литературная дѣятельность. Въ своемъ увлеченіи древностью Петрарка началъ разыскивать забытыя сокровища древней литературы, а его ученики и послѣдователи, воспламененные славой всесвѣтнаго мудреца, продолжая поиски классическихъ рукописей, обратились, кромѣ римской словесности, и къ греческой, стали учиться «умолкшей эллинской рѣчи», читать, изучать, переводить Гомера и Платона. Это всеобщее увлеченіе дошло до того, что ради цicerоновской латыни впослѣдствіи стали пренебрегать роднымъ языкомъ, и итальянской литературѣ, созданной гениемъ Данте, Петрарки и Боккачіо, но пришедшей въ упадокъ въ концѣ XIV в., пришлось вторично возражаться во второй половинѣ XV вѣка.

Это былъ крупный переворотъ въ средневѣковой литературѣ: примѣръ Петрарки увлекъ цѣлый рядъ образованныхъ итальянцевъ, и однимъ изъ его послѣдователей, какъ почитателя и знатока древней литературы, былъ Боккачіо, остроумный авторъ сборника новеллъ, извѣстнаго подъ названіемъ Декамерона, въ которомъ достигъ высшей степени искусства художественный пересказъ содержанія разныхъ итальянскихъ хроникъ,

болѣе раннихъ новеллъ, фаблю, легендъ, балладъ и народныхъ анекдотовъ, и который для итальянской прозы былъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ Божественная Комедія Данте и *Canzoniere* Петрарки были для итальянской поэзіи. Переворотъ заключался въ томъ, что Петрарка и Боккаччо, не покидая совершенно средне-вѣковыхъ поэтическихъ традицій и даже доводя до высокой степени совершенства такіе чисто-средне-вѣковые роды литературы, какъ провансальскія пѣсни любви и новелла, *) внесли въ литературу вкусъ къ античному, классическія традиціи въ ихъ чистомъ видѣ, и особенно первому изъ нихъ принадлежитъ честь открытія древности, какъ инициатору и писателю, съ большею самостоятельностью и оригинальностью, относившемуся къ открытому имъ міру. Ближайшимъ результатомъ этого дѣла Петрарки было возникновеніе характерной гуманистической литературы въ Италіи, цѣлаго класса писателей, которые бредили древностью, старались превзойти другъ друга въ «цицероновской» латыни, воскресить античную поэзію и философію, забывая даже окружающую жизнь, и доходили иногда до полного презрѣнія къ національнымъ литературнымъ традиціямъ и къ «языку черни», т. е. къ языку Божественной Комедіи, Канцоньеры и Декамерона, что на время приостановило развитіе итальянской литературы, созданной тремя великими флорентійскими писателями; результатъ болѣе отдаленный заключался въ томъ общемъ вліяніи, которое имѣли греческіе и римскіе классики, мало извѣстные и плохо понимаемые въ средніе вѣка, на всю новую литературу западныхъ народовъ. Тутъ, въ этомъ вліяніи необходимо отличать разныя степени, начиная съ проявившагося въ попыткахъ цѣликомъ «воскресить» древность въ литературѣ новыхъ націй, какъ будто всѣ средніе вѣка можно было вычеркнуть

*) A. Bartoli. I precursori di Boccaccio. Landau. Giovanni Boccaccio и его же Die Quellen des Decamerone. Kötting. Boccaccio 'S Leben und Werke.

изъ исторіи Европы, и кончая менѣе грубымъ и болѣе неуловимымъ вліяніемъ, которое должно было производить на новыхъ писателей непосредственное знакомство съ греческими и римскими авторами, сдѣлавшимися однимъ изъ элементовъ литературнаго образованія съ эпохи Возрожденія во всѣхъ европейскихъ странахъ. Трудно въ немногихъ словахъ оцѣнить все значеніе этого переворота и перечислить всѣ его результаты, но несомнѣнно то, что правы были итальянскіе классики, говоря о пробужденіи древней литературы послѣ семивѣковаго сна, и что правы современные историки, приписывая важное значеніе античному Возрожденію въ литературной эволюціи новаго времени: такіе крупные факты, какъ вся гуманистическая литература, родоначальникомъ которой былъ Петрарка, и французскій классицизмъ, одно время царившій во всей Европѣ, примыкаютъ къ ожившимъ традиціямъ древности, не говоря уже объ общекультурномъ значеніи Возрожденія. Можно сказать, что подобно тому, какъ въ средніе вѣка рядомъ съ національной поэзіей существовала школьно-латинская, такъ въ новой Европѣ обнаруживается два течения, изъ коихъ одно было существеннымъ продолженіемъ того, что уже было создано средними вѣками, а другое питалось источниками изъ греко-римскаго міра. Эта двойственность проявилась уже въ литературной дѣятельности Петрарки, какъ автора итальянскихъ римъ и латинскихъ эклогъ. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ традицій должно было порождать новыя и новыя явленія, но не забывайте, что много-много новаго вносило въ литературу самое движеніе жизни чрезъ писателей съ такимъ личнымъ, индивидуальнымъ характеромъ, какого были лишены средневѣковые авторы. При всей силѣ, какую получила античная традиція въ литературѣ новаго времени, ей однако не удалось сдѣлаться вполне господствующею: увлеченіе «цицероновской» латынью не было общимъ, повсемѣстнымъ, продолжительнымъ, и ей не удалось вытѣснить національныхъ языковъ, которые сдѣлались къ концу среднихъ вѣковъ главными и

единственными органами литературы, такъ что историкъ можетъ указать только на рѣдкихъ крупныхъ писателей, которые, да и то въ эпоху гуманическаго увлеченія, пользовались латынью; въ самой Италіи, на родинѣ классической моды, сонеты Петрарки и новеллы Боккачіо нашли многочисленныхъ подражателей, рядомъ съ которыми эпическіе поэты XV и XVI вѣка возобновляютъ традицію французскихъ героическихъ поэмъ, хотя и вносятъ въ ихъ сюжеты новое пониманіе жизни и черты своего времени; только въ XVII вѣкѣ академическій классицизмъ насилуетъ національную литературу, но и самъ классицизмъ этотъ не есть повтореніе того, который былъ открытъ Петраркой, а результатъ односторонняго развитія, принятаго нѣкоторыми особенностями самой новой литературы, хотя не безъ участія въ этомъ дѣлѣ со стороны преклоненія предъ древними; наконецъ, во время полнаго разгара этого преклоненія возникъ важный литературный споръ о превосходствѣ древней и новой поэзіи, извѣстный подъ названіемъ «querelle des anciens et de modernes» *), а въ XIX вѣкѣ забытый романтизмъ влилъ новую струю въ литературу. Такъ борются между собою, одно другое смѣняютъ, падаютъ и оживаютъ старыя литературныя традиціи, внося вмѣстѣ съ развитіемъ жизни элементы обновленія въ поэзію. Въ этомъ смыслѣ громадное оживляющее вліяніе на европейскую поэзію оказала возродившаяся древность, тѣмъ болѣе, что сама поэзія эта въ концѣ среднихъ вѣковъ находилась въ упадкѣ **).

*) Объ этомъ см. интересную книгу Rigault. Histoire de la querelle des anciens et des modernes.

**) Вотъ общій приговоръ объ этомъ времени: «поэзія XV вѣка непроизводительна; въ ней нѣтъ великихъ именъ; поэты только подражатели и компиляторы;... во всѣхъ передовыхъ странахъ не только падаетъ поэзія, но и портится самый литературный языкъ». Проф. Кирпичниковъ во Всеобщей исторіи литературы, вып. VIII, стр. 916 и 917.

КЪ УЧЕНИЮ О СЛОВЯНСКОМЪ ГЛАГОЛѢ.

(Продолженіе).

2.

Вторая особенность. Въ настоящее время въ русскомъ языкѣ очень мало, сравнительно, глаголовъ дополнительныхъ безъ приставки въ основѣ, каковы напр. *дѣвать* || дѣть, *давать* || дать; *рѣзать* || рѣшить; *пускать* || пустить; *хватать* || хватить, *лишать* || лишить; *рождать* || родить и др. Между тѣмъ въ языкѣ старославянскомъ какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ памятниковъ, дополнительные глаголы безъ приставки были весьма употребительны. Это явленіе имѣло свою причину, которая въ настоящее время въ русскомъ языкѣ почти совершенно устранена. — Примѣры:

Что троуждаете женѣ? Остр. 156 а. = Савв. 82. „Τί κόπους παρέχετε τῇ γυναίκει“? (Что вы затрудняете эту женщину?). — Рыцѣте оученикомъ и петрови, ꙗко кармѣтъ вы въ галилеи. Остр. 18 б. „Εἶπατε τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ καὶ τῷ Πέτρῳ, ὅτι προάγει ὑμᾶς εἰς τὴν Γαλιλαίαν“. (Скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ ждетъ васъ въ Галилеѣ, букв. = что онъ идетъ впереди васъ въ Галилею. Во франц. переводѣ Евангелія: «Dites a ses disciples et a Pierre qu'il s'en va devant vous en Galilée». Marc XVI, 7). Срав. еще тотъ-же глаголъ Остр. 203 б, Савв. 116. Супр.-првл. 270, 276, 313. Григ.-Наз. 196 в. — И не срамѣетъ сѧ, распѧ нарича. Супр.-срез. = И не стыдится (ангелъ) называть Его распѧтымъ. Еще тотъ-же глаголъ Григ.-Наз. 158 в, 161 а. — Богъ съ небесе дѣждь дѣетъ. Григ.-Наз. 243 а. = Богъ съ неба посылаетъ дождь. — Ёлико же ангѣлю ѿмоу глаголю, къ исоусу и знаменавѧ, створи. Григ.-Наз. 151 б. Смыслъ: что сказалъ ангелъ Захаріи, то онъ сдѣлалъ, разумѣя Іисуса. — Можета ли пити чашѣ, ꙗже азъ пийѣ, ли крѣштениемъ, имъ же азъ крѣштаѣсѧ, крѣститисѧ? Зогр. — parad. Срав. Остр. 136 а: ... ли крѣще-

ниѣмъ, имъ же азъ крыщѣсѣ. Въ греч. „...ὁ ἐνὶ
βαπτίζομαι“... Крѣвь сыновъ моихъ мѣщаѣтъ и
мѣститъ pent.-mih. = „ἐκδικᾷται καὶ ἐκδικήσεται“.
Срав. ту-же фразу въ Псалтыри Погодина: юс.-
срез. 250.

Изъ этихъ примѣровъ и множества другихъ нетрудно
убѣдиться, что дополнительные глаголы безъ приставки въ
стрсл. языкѣ не отправляли многократной функціи специаль-
но, какъ напр. въ русс. яз. видаю, хаживалъ, слы-
хаю, нашивалъ и под. „Многократныхъ“ глаголовъ въ
стрсл. языкѣ, вообще говоря, не было, если не считать
глаголовъ движенія: *козити*, *носити*, *гонити*, *водити* и др.,
да и эти послѣдніе встрѣчаются иной разъ еще съ функ-
ціею просто длительною, многократною *).

Въ стрсл. языкѣ была болѣе настоятельная нужда въ
дополнител. глаголахъ безъ приставки — нужда, которая не
можетъ идти ни въ какое сравненіе съ нуждою въ этихъ гла-
голахъ въ настоящее время въ языкѣ русскомъ: это имен-
но — стремленіе обособить морфологически длительную функ-
цію отъ мгновенной. Выше, стрн. 349 — 360, мы уже ви-
дѣли, что основные глаголы безъ приставки въ стрсл. язы-
кѣ въ формахъ презенса, императива, инфинитива и супина
могли отправлять и длительную и мгновенную функцію. Такъ
напр. глаголъ *мѣстити* въ данныхъ формахъ могъ означать
ἐκδικεῖν (мѣстить) и *ἐκδικήσαι* (кончить мѣсть, отом-
стить), *крѣстити* — *βαπτίζειν* (крестить) и *βαπτίσαι* (ок-
рестить), *знаменати* — *σημαίνειν* (обозначать) и *σημῆναι*
(обозначить), *срамнитса* — *αἰσχύνεσθαι* (стыдиться) и
αἰσχυνθῆναι (постыдиться), *троудити* — *κόπους παρὰσχεῖν*

*) Воле оубо не трепештеши, на роукоу носѣ (=несы),
ягоже трепешѣтъ херовимы? супр -првл. 268. — Сего на рамѣхъ
носиѣ и никодимъ носите (=несете, несета), ꙗкоже и всѣхъ
бесплѣтныхъ чинове съ нима носѣтъ (=несѣтъ), ib. 270.
Срав. въ серб. теперь. (Раньше мы выразились, что въ болг. и
серб. многократные глаголы движенія всего больше «потерпѣли
убыли». Наоборотъ, слѣдовало бы сказать, что въ русс. ихъ
всего болѣе расплодилось).

(затруднить) и *κόποις παρέχειν* (затруднять) и т. п. Вотъ, чтобы устранить эту неопредѣленность, благодаря которой будущее и настоящее, — не говоря уже о другихъ формахъ, — оказывались ничѣмъ не отличенными у громадной массы основъ (вся группа А), языкъ и выработалъ *спеціально для отправления длительного вида*, безъ всякаго различенія подвидовъ особыхъ корреспондентовъ въ видѣ дополнительныхъ глаголовъ безъ приставки *мынѣтати, крынѣтати, дѣждѣдѣтати, знаменаваѣтати, троуждѣтати, срамаѣтѣтисѣ* и т. п., которыхъ количество въ живой рѣчи, вѣроятно, нѣкогда доходило до числа корреспондентовъ основныхъ. Потому названіе, прилагаемое къ этимъ глаголамъ, — „усиленные“ или „многократные“ (Миклошичъ, Будиловичъ: см. „Начертаніе“ etc. стрн. 249 — 251) или какое-нибудь другое подобное, такъ же мало идетъ къ нимъ, какъ мало идетъ оно къ русс. глаголамъ рѣшать, сажать, лишать, плѣнять, давать, дѣвать, ложиться, садиться, стоять и т. п., существующимъ въ языкѣ рядомъ съ своими безприставочными корреспондентами рѣшить, садить, лишить, плѣнить, дать, дѣть, лечь, сѣсть, стать и т. п. Нѣкоторые же изъ подобныхъ корреспондентовъ въ русс. языкѣ употребляются даже безъ всякой разницы (онъ мучается и мучится *), садить и сажать капусту, огурцы и др.).

Чтобы дать понятіе о степени распространенности въ стрел. языкѣ дополнительной корреспонденціи безъ приставки, выпишемъ изъ словаря Миклошича глаголы, сюда относящіеся, въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ.

III разряда.

а) Основной глаголь въ I классѣ: *лнѣтати* *χέιν* š.-gl. 63. krmč.-mih. svjat. sim. lavr.-op. 40. hom.-mih. mol. nom.-mik. vita-theod. bus. 625. chron. per || *лнѣтати*, *лнѣзѣтати* *ἐρπειν* supr. svjat. per. bus. 675. greg.-naz. hom.-mih. ber. dial. chrys.-lab. sim. sabb. ichn. ||

*) Изъ писателей употребляетъ безразлично эти глаголы между прочимъ Л. Толстой.

пльсти. *сѣдати* considerare ant.-hom. krmč. krmč.-mih. typ.-chil. leont. greg.-lab. men.-mih. bus. 377. prol.-mih. lavr.-op. 32. sabb.-typ. chrys.-duš. григ.-наз. 167 а. = Русс. садиться || *сѣсти* καθίσαι, только мгн. = русс. сѣсть. *бнѣати* percutere vost.-op. I. 373. || *бѣти*. *жнѣати* urere men.-leop. || *жеиѣти*. *лѣгати* decumbere = русс. ложиться, dioptr.-lab. men.-mih. krk. proph. sborn. isaak. io.-sin. misc. || *леиѣти* κατακλιθῆναι, κοιμήσασθαι, tantum perfectivum = русс. лечь. *скѣати* pun gere men.-mih. || *спѣиѣти*. *плѣтати* πλέκειν glag. || *плести*. *пнѣати* πίνειν ant.-pat. ioann. lavr.-op. 38 || *пѣти*. *нмѣти*, *юмѣти* λαμβάνειν ostr. supr. hom.-mih. savv. 27. men.-mih. sabb. pam. ioann. chron. || *нѣти* λαβεῖν, tant. perf. = русс. взять. *тлѣцѣти* χροῦειν cant.-cant. mom.-mih. pat. men.-mih. || *тлѣиѣти*, *тлѣиѣти*. *даѣти* ostr. cloz supr. etc. или *даѣти* διδόναι hom.-mih. bell.-troj. nom.-mik. chrys.-lab. prol.-mik. misc. isaak. io.-sin. typ.-chil. mon.-serb. || *даѣти* δοῦναι = русс. дать, tant. perf. *лаѣати* παγιδεύειν, ἀλίσκειν supr. op. I, 83. psalt.-saec. XII. antch. lavr.-op. 31. || *лѣиѣти*, употреб. впрочемъ только съ приставкой.

б) Основной глаголъ во II разрядѣ: *жасати* perterreri hom.-mih. glag. || *жаснѣти*. *мръцѣти*, *мръкати* obscurari psalt.-saec. XIII. triod. men.-belg. || *мръкнѣти*. *гыѣти* interire. chrys.-lab. men.-vuk. sabb. misc. ant.; movere живѣи prol.-mart. men.-mih. ephr.-vost. || *гынѣти* perire, *гынѣти* movere, clinare. *касатисѣ* ἄπτεσθαι supr. hom.-mih. ant. man. sabb. prol.-mart. nom.-mik. || *коснѣтисѣ* ἄψασθαι, tant. perf., какъ и въ русс. *зѣбати* φύειν germinare cyr.-hier. || *зѣбнѣти*, ne misceas cum *зѣбсти* dilacerare, frigere. *кыцѣти* μανθάνειν ant.-hom. kruš. vost || *выкнѣти*. *стнѣати* φθάνειν prol.-cip. prol. prol.-rad. men.-vuk. || *стнѣнѣти* = русс. настигнуть φθάσαι, tant. perf. *дѣхати* πνεῖν ostr. supr. vat. hom.-mih. sabb. chrys.-lab. || *дѣхнѣти*, обыкновенно съ приставкой.

в) Основной глаголъ въ томъ-же III классѣ: *зидати* κτίζειν ostr. šiš. bon. supr. dial. sim. svjat. mon.-serb.

prol.-mart. || **жѣдати**. **жѣвати**, **живати** mandere trigl.kruš.
|| **жѣвати**. **жидати** προσδοκᾶν tur. ex. pat.-mih. || **жѣдати**.
ривати trudere supr. || **рѣвати**. **цѣлывати** osculari supr.
typ.-chil. triod. sabb.-typ. zak.-serb. š.-gl. men.-vuk.
prol.-mih. alex.-mih. misc. prol.-vuk. || **цѣловати**. **ло-**
бызати osculari supr. hom.-mih. nom.-bulg. pat.-mih.
typ.-chil. men.-mih greg.-lab. dioptr.-lab. pent.-mih. ||
лобызати, ut videtur, tant. perf.=φιλῆσαι.

г) Основной глаголѣ въ V классѣ: **хытати** rapere
hom.-mih. danič. mat. 35. op. 2. 1. 167. misc. || **хы-**
тити. **стѣпати** βαδίζειν supr. ant. prol.-vuk. proph.
tur. prol. chrys.-lab. pent.-mih. || **стѣпатити**, tant. perf.
βαδίσαι. **такати** ἐλαύνειν greg.-naz. op. 2. 2. 117. men.-
mih. || **точити**. Впрочемъ это соотвѣтствие весьма рѣдко.

д) Основной глаголѣ въ VIII разрядѣ: **видати** specu-
lari antch. || **видѣти**. **кладати** imperare, dominari ant.
kruš. glag. šiš. hom.-mih. dioptr.-lab || **владѣти**, древ-
нѣе—**власти** I. **скитати** ἐπιφώσκειν illucescere ostr. supr.
per. nom.-bulg. nom.-lab. || **свѣтити**. **блнстати**, **блнцати**
effulgere hom.-mih. men.-mih. prol.-mart. ostr. luč. ||
блнстити. **бѣгати** φεύγειν supr. svjat. ostr. šiš. ant;
pan. krk. men.-mih hom.-mih. leont. chrys.-lab. sabb.
antch. || **бѣжати**, а съ приставкой также и—**бѣгнѣти**.
жадѣти cupere mon.-serb. || **жлѣдѣти**. **жадѣти** ποθεῖν,
ἐπιθυμεῖν, διψᾶν, πεινᾶν ostr. supr. ant. hom.-mih. antch.
dioptr. prol.-mart. man. || **жадѣти**. **желѣти** ἐπιθυμεῖν,
πεινθεῖν ostr. suppr. krmč.-mih. ant. šiš. antch. sabb.
chron. || **желѣти**. **лѣтати** volare svjat. op. 2. 2. 402.
men.-mih. pat. chrys.-lab. men.-bulg. io.-sin. isaak. ||
летѣти. **пнтати** τρέφειν ostr. supr. svjat. sborn. men.-
saec. XI. duš. krmč.-mih. prol.-cip. || **пнтѣти**. **вѣдѣти**
εἰδέναι tur. sbor.-kir. krmč.-mih. proph. mir. prol.-
mih. || **вѣдѣти**.

IV разряда.

Основной — въ III: **знаменовати** σημαίνειν григ.-naz.
dial. glag. hom.-mih. || **знаменати**. **имавати** ἔχειν nom.-
serb. || **имати**, древнѣе—**имѣти**.

Сюда же относятся нѣкоторые глаголы съ примѣтою -ока=ава-, о чемъ см. ниже, (особенность третья): **дрѣзати** τολμάειν. || *дрѣзати* и под. У нихъ основной глаголь можетъ быть и въ иныхъ основныхъ разрядахъ.

VI разряда.

Основной—всегда въ V: **кражати** οἰωνίζεσθαι augurari kruš. nom.-lab. zak.-serb. || *вразити*. **крашати** ὑποστρέφειν convertere. šiš. men.-mih. || *вратити*. **крѣжати** βλάπτειν supr. krmč.-mih. ant. krk. isaak. nest. pent.-mih. prol.-mih. pent. prol.-belg. григ.-наз. 64 а, 87 а, 122 а, 212 а. || *врѣдити*. **живлати** ζωογονεῖν revificare pent.-mih. || *живити*. **крѣмлати** epulari glag. || *крѣмити*. **крѣшати** βαπτίζειν vat. man. nom.-mik. men.-leor. šiš. ostr. hom.-mih. зорр. || *крѣстити*. **лоуѣтиса** contingere τυγχάνειν supr. hom.-mih. antch. pat. ant. григ.-наз. 197 а. || *лоуѣтитиса* τυχεῖν tant. perf. **мышати** ulcisci prol.-vuk. ant. hom.-mih. prol.-mih. krmč.-mih. šiš. per. antch. pent.-mih. григ.-наз. 143 в. || *мыстити*. **мѣнлати** mutare par. || *мѣнмити*. **мѣшати** miscere š.-gl. vita.-theod. misc.-serb. || *мѣсити*. **прашати** ἐλευθεροῦν, ἀφίεναι supr. krmč. krmč.-mih. dial. chron. sabb.-typ. dial.-šaf. svjat. григ.-наз. || *простити* ἐλευθεροῦσαι tant. perfectv. **троуждати** vexare, fatigare prol.-mih. ziz. men.-mih. š.-gl. man. ostr. supr. ant. dial. men.-vuk. hom.-šaf. greg. isaak. sborn. kozm. ephr. || *троудити*. **кзвлати** supr. hom.-mih. vulnerare || *кзвтити*. **слаждати** dulce reddere alex. || *сладити*. **славлати** celebrare izv. 442 || *славити*. **ставлати** statuere сунр.-првл. 326. per. svjat. prol.-mih. hom.-mih. ev.-saec. XII. григ.-наз. 92, 96, 157, 196. || *ставити*. **скапллати** evirare. krmč.-mih. || *скопити*. **пѣшати** ἀπολύειν ostr. клоц. савв. григ.-наз. etc. || *поустити*. **аполѣсати** tant. perf. **варлати** praecedere supr. svjat. hom.-mih. sim. ostr. šiš. ant. || *варити*. **сжждати** accusare григ.-наз. 221 а. || *сждити*. **прѣшати**. ἐπιτιμάειν, κωλύειν ber. ziz. alex. григ.-наз. 57 в. || *прѣтити*. **свашати** ἀγιάζειν григ.-наз. 10 в. || *сватити*. **сжждати** figere krmč.-mih. bus.

701, 705. || *садити*. *противкати*са resistere. supr. mon.-serb. || *противити*са. *скобождати* ἐλευθεροῦν men.-vuk. ant. pat. prol.-cip. isaak. chrys.-lab. hom.-mih. krmč.-mih. dioptr. laz. prol.-mart. pan. misc. šaf. man. strum. sborn. svjat. григ.-наз. || *свободити* ἐλευθερῶσαι tant. perf.

VII разряда.

Основной—въ V: *богословѣшати* θεολογεῖν supr. || *богословѣстити*. *прошати* remittere nom.-mik. || *протити*. *тъѣнькати* comparare greg.-mon. || *тъѣньмити*. *велнѣкати* μεγαλύνειν || *величити*. *скобождавати* ἐλευθεροῦν mon.-serb. || *свободити*.

Сюда-же относятся нѣкоторые съ примѣтою -ѣка= -ѣка-.

IX разряда.

Основной—въ VIII: *цѣлѣвати* θεραπεύεσθαι strum. || *цѣлѣти*. *трѣпѣвати* pati prol. mih. || *трѣпѣти*. *пѣлѣвати* carneum reddi. chrys.-lab. || *плѣпѣти*. *доклѣвати* ἀρχεῖν ant.-hom. || *довлѣти*. *вѣшати* loqui supr. vost. 2 16. || *въшати*. *вѣнѣвати* στεφανοῦν krk. hom.-mih. sabb. chrys.-lab. op. 2. 53. || *вънѣчати*. *конѣвати* τελεῖν григ.-наз. 45 6. слѣпч.-юс. 315. || *конѣчати*.

Сюда-же принадлежать нѣкоторые глаголы съ примѣтою -ѣка=ака-ꙗка-: *вѣнѣкати* и под. (послѣ шипящихъ: см. ниже).

3.

Третья особенность, отличающая видовую систему языка стрсл. отъ современнаго великорусскаго литературнаго, составляетъ совершенную противоположность особенности первой: это—обиліе способовъ отправленія длительной функціи глаголовъ дополнительныхъ. Само собою разумѣется, что эта особенность характеризуетъ памятники болѣе поздніе, появившіеся въ словянщинѣ въ XI—XIII вѣкѣ и позднѣе.

Въ концѣ X вѣка глаголы IV, VII, IX разряда мы находимъ уже достаточно развившимися въ языкѣ славянъ. Притомъ, въ это-же время, тѣ-же разряды начинаютъ пользоваться, рядомъ съ древнѣйшими примѣтами -ѣка-, -ѣка-,

-ѣка-, новыми примѣтами -ока-, -ѣка-, -ека-, имѣющими значеніе сложныхъ примѣтъ имперфектнаго происхожденія. Въ концѣ XI вѣка, наконецъ, мы встрѣчаемъ въ первый разъ, именно—въ Сборникѣ Святослава 1076 года, примѣты -ыка-, -нка-, столь распространенныя теперь въ велико-русскомъ языкѣ и польскомъ. Такимъ образомъ, начиная съ XII вѣка, мы можемъ встрѣтить въ старословянскомъ языкѣ основы глаголовъ данныхъ разрядовъ троякой организаціи: IV. *сѣказати, сѣказовати, сѣказывати* γυνωρίζειν || *сѣказати*.—VП. *исправѣвати, исправѣвати, исправѣвати* emendare || *исправити*.—IX. *прѣжавати, прѣжавати, прѣжавати* κτᾶσθαι || *прѣжати*.

О взаимномъ отношеніи этихъ образованій по количеству или по степени ихъ употребительности въ памятникахъ нужно замѣтить, что примѣты имперфектнаго происхожденія господствуютъ въ памятникахъ паннонской редакціи и въ тѣхъ спискахъ позднѣйшаго происхожденія разныхъ редакцій, которыя списаны съ паннонскихъ памятниковъ безъ значительныхъ поправокъ въ морфологическомъ отношеніи, какъ напр. Остр. Евангеліе, Охридская и Слѣпченская книга Апостольскихъ чтеній, Болонская и Погодинская псалтырь и др. под. Затѣмъ тѣ-же образованія часто встрѣчаются въ памятникахъ позднѣйшаго происхожденія сербской редакціи и болгарской, такъ какъ сербскій языкъ и болгарскій доселѣ употребляютъ еще сложные примѣты имперфектнаго происхожденія. Въ памятникахъ русской редакціи, не составляющихъ копій съ древнѣйшихъ, а возникшихъ самостоятельно, каковы напр. лѣтописи, примѣты -ыка-, -нка- являются рѣшительно преобладающими въ XIV вѣкѣ. Что касается морфемъ -ока-, -ека-, -ѣка-, то эпоха ихъ наибольшаго употребленія занимаетъ среднее мѣсто между древнѣйшими примѣтами и позднѣйшими (-ѣка-, -нка-): въ изрядномъ количествѣ эти морфемы встрѣчаются уже въ Супрасльской

рукописи и рѣшительно преобладаютъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ XI—XII вѣка (Путятинская минея).

Чтобы дать понятіе о степени распространенности образованій IV, VП, IX разрядовъ въ языкѣ стрсл. памятниковъ разныхъ редакцій и эпохъ, выписываемъ главнымъ образомъ изъ того-же источника, т. е. словаря Миклошича, относящіеся сюда глаголы въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ.

IV разряда.

а) —**копавати**—*орѣттеѣν*—*fodere*: вѣс—свят.*) 6 б. *krmč.-mih. ex.-op.* 2, 1, 25. **о**—свят. 42 в. **подъ**—*остр. sabb. pat. pent.-mih. свят.* 78 б. **про**—*hom.-mih. ephr. dial.-šaf. nom.-mik. men.-mih. ис—io.-sin. chrys.-lab. pyrg. krmč.-mih. за—par. рас—клож. snpr. krmč.-mih. pat. dial. domet. nom.-mik. pyrg. prol. hom.-mih. men.-mih. приуєтавати adnumerare свят.* 12 г. *chrys.-lab. сѣуєтавати григ.-наз.* 10 б, 176 б. *ant. hom.-mih. men.-petr. ioann. isaak. men. dioptr. chrys.-lab. dial.-šaf. прѣдѣпоунтавати протѣѣν par. оѣѣкетавати сухофѣνтеѣν свят.* 66 в. 71 в. *ant. krmč.-mih. par. pat. šiš. pat.-mih. š.-gl. prol.-mih. misc. знаменавати σημαίνειν свят.* 226 б. *григ.-наз.* 1 в, 151 б, 284 в. *dial. hom.-mih. glag. сѣдравати ѣхдѣреѣν григ.-наз.* 8 б. **назнаменавати** *σημαίνειν григ.-наз.* 44 а, 159 б. *hom.-mih. chrys.-lab. расыпавати григ.-наз.* 57 а, 138 в. *mir. окрѣтавати григ.-наз.* 65 в, *ѣѣрѣшеѣν. вѣздѣлавати γεωργεѣν григ.-наз.* 129 в. **разгладавати** *григ.-наз.* 180 а *speculari. догла-*

*) *свят.*—Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года. Издѣвненіемъ члена учредителя общества любителей древней письменности Тимофея Саввича Морозова. Сиб. 1880. Фотографическій снимокъ. Нами просмотрѣнъ весь, равно какъ и слова Григорія Нанзіанскаго, изд. А Будиловича (=григ.-наз.). —Древніе памятники до XIV вѣка отмѣчены разрядкою, исключая извѣстнѣйшихъ.

ГОЛАВАТИ григ.-наз. 281 б. КЪСКЛЕВЕТАВАТИ ἀντιλοιδορεῖν šiš. КЪСПИТАВАТИ ἐκτρέφειν dial.-šaf. КЪСХЛАСТАВАТИ frenare ant. ЗАНГРОВАТИ ambire nom.-barb. ЗАПИСАВАТИ inscribere mon.-serb. ИЗНСКАВАТИ exquirere pan. ИЗЛИВАТИ effundere chrys.-lab. prol.-mih. ИЗБАНСТАВАТИ luce perfundere prol.-mart. ИСПЫТАВАТИ ἀπαιτεῖν poscere hom.-mih. ИСТАВАТИ liquefieri pan. int. НАЗЪДАВАТИ inaedificare chrys.-lab. pan. НАПИСАВАТИ ἐπιγράφειν ant. НАПИТАВАТИ τρέφειν chrys.-lab. НАСЪКАВАТИ conserere men.-leop. НАПЪХАВАТИ inserere pat. НАУРЪТАВАТИ χαράττειν pan. chrys.-lab. ОБАНСТАВАТИ splendore circumdare pan. acad ОБАЪГАВАТИ λοιδορεῖν ioann. men.-vuk. greg.-lab. ОБРЪЗАВАТИ circumcidere men.-vuk. ОБОНКАВАТИ ὀσφραίνεσθαι pat. misc. pent.-mih. dioptr. ОБОУЗДАВАТИ frenare šiš. hom.-mih. chrys.-lab. isaak. š.-gl. 83. op. 2, 2, 151. ОБЪСНИКАВАТИ illuminare chrys.-lab. ОГАЛГОЛАВАТИ accusare greg.-šaf. hom.-mih. ОСТРЪПЪТАВАТИ obliquum reddere ant. ОТИРКАВАТИ abstergere prol. ОТЪУАКАВАТИСЯ ἑξαπορεῖσθαι per. ber. ОШАКАВАТИСЯ abstinere antch. ПОРЖКАВАТИ ludibrio habere, chrys.-lab. int. ПОСМЪКАВАТИСЯ irridere trigl. ПОЖЪДАВАТИ ἀναμένειν misc.-šaf. sabb.-typ. ПОМАЗАВАТИ χρίειν hom.-mih. krmč.-mih. ПРИОБРЪТАВАТИ acquirere par. ПРОНАУРЪТАВАТИ antea representare chrys.-lab. ПРОСНИКАВАТИ ἐπιφώσκειν dial. trigl. ПРОСЪСАВАТИ sugere dioptr.-lab. ПРООУКЪДАВАТИ praescire leont. ПРЪБЫКАВАТИ permanere sof. ПРЪПИТАВАТИ ἐκτρέφειν isaak. ПРЪОРАВАТИ supra terminum arare misc.-serb. nom.-lab. ОУЛАСКАВАТИ laz.-vuk. КЪПРАТАВАТИ componere antch.

б) ИСПОВѢДОВАТИ confiteri ἑξομολογοῦν свят. 5 в, 11 а, 43 г, 114 в. supr. men.-vuk. dioptr. prol. chrys.-lab. ПРОПО—χηρύττειν praedicare prol. mir. zak.-serb. chrys.-lab. dial.-šaf. РАСПЫТОВАТИ inquirere свят. 6 а, 19 г, 10 в. misc. ПООПЫТОВАТИ interrogare свят. 6 б. НАЗНАМЕНОВАТИ σημαίνειν свят. 11 в, 29 б, 12 б. григ.-наз. 25 б. supr. krmč.-mih. chrys.-lab. ПОКАЗОВАТИ δεικνύναι свят. 12 а, 30 б, 38 г, 150 б. григ.-наз. 1 б. supr. sborn. hom.-mih. men.-mih. pat. prol. men.-vuk. man. io. sin. mon.-serb. dial.-šaf. chrys.-

lab. clim. **СЪКАЗОВАТИ** γνωρίζειν свят. 26 г. sup r. proph. int. man. šiš. cyr.-hier. men.-leop. greg.-mon. ber. mon.-serb. **ПРИГЛАГЛОВАТИ** προσαγορεύειν dial. свят. 75 б. **НСКОУПОВАТИ** ἐξαγοράζειν свят. 83 в. sup r. men.-mih. hom.-mih. isaak. nom.-mik. krmč.-mih. antch. sabb. **НСПЫТОВАТИ** ἐρευνᾶν свят. 84 в. krmč.-mih. men.-belg. dioptr. chrys.-lab. men.-vuk. sabb. isaak. **ОБРѢЗОВАТИ** circumcidere свят. 136 г. krmč.-mih. dial. inann. šiš. prol.-mih. proph. **ОПИСОВАТИ** περιγράφειν свят. 177 а. григ.-наз. 9 а. men.-vuk. dial.-šaf. chrys.-lab. pan. men.-mih. **ВЪЗНСКОВАТИ** quaerere свят. 200 г. io.-sin. chrys.-lab. **ОБРѢМЕНОВАТИ** onerare свят. 221 а. **ОБРѢТОВАТИ** εὐρίσκειν свят. 223 г. zlatostr. **СЪПРАТОВАТИ** componere свят. 16 г. men.-vuk. prol.-rad. hom.-mih. ber. pan. io.-sin. chrys.-lab. **СЪДѢЛОВАТИ** ποιεῖν григ.-наз. 26 а, 107 а, 125 а, 248 а, 259 в, 272 б, 277 а, б, 278 а, 279 в, 280 а. krmč. barl. int. io. sin. prol.-rad. proph. mih. krmč.-mih. dioptr. chrys.-lab. chrys.-frag. prol.-mart. ioann. **РАСЫПОВАТИ** григ.-наз. 63 б, 259 а. pan. men.-mih. pat. chrys.-lab. misc.-šaf. ichn. **ΔΙΑΣΧΟΡΠΙΖΕΙΝ**. **НАКАЗОВАТИ** διδάσκειν григ.-наз. 143 в, 138 а. ephr. greg.-lab. prol.-mart. men.-mih. sabb. kruš. dial. isaak. mon.-serb. mir. **СЪМАЗОВАТИ** ungere григ.-наз. 8 б. pan. **СЪУННОВАТИ** componere григ.-наз. 140 в, 276 в. **ПРѢПИСОВАТИ** describere григ.-наз. 141 а. misc.-šaf. men.-mih. men.-vuk. prol.-cip. prol. sabb.-typ. prol.-mart. krmč.-mih. bus. 135. alex.-mih. **ВЪЗЕНТОВАТИ** григ.-наз. 142 в. **ХЕРДАΙΝΕΙΝ**. **ПОЗОРОВАТИ** κατασκοπεῖν spectari men.-mih. proph. misc. hom.-mih. sup r. 10, 88, 283, 444. григ.-наз. 160 в. **СЪГЛАДОВАТИ** σκοπεῖν antch. ant. pat. chrys.-frag. григ.-наз. 164 в. **СЪКЖТОВАТИ** coërcere григ.-наз. 175 б. **ОГЛАГЛОВАТИ** accusare nom.-mik. greg.-mon. ber. григ.-наз. 172 а. **ПРѢРѢЗОВАТИ** διακόπτειν григ.-наз. 190 б. **ПРОПЫРОВАТИ** μηχανᾶσθαι antch. ant. io.-clim. григ.-наз. 207 а. **ДОГЛАГЛОВАТИ** accusare григ.-наз. 122 а. **ПРѢРѢКОВАТИ** contradicere pat. ephr. io.-sin, krmč. krmč.-mih.

chrys.-lab. dioptr.-lab. s born. (изв. 431). **ΟΥΝΙΣΤΟΚΑΤΗ** purgare obich. изв. 444. men.-belg. men.-saec. XII. **СЪУΕΤΟΚΑΤΗ** изв. 444. krmc.-mih. pam. clim. conjugere. **ΠΡΗΝΑΤΟΚΑΤΗ** λαμβάνειν men.-saec. XII. pat.-šaf. prol.-mart. men.-vuk. **ΕΥΖΗΣΟΚΑΤΗ** ὀφθεῖν men.-saec. XII. || **ΕΥΖΗΣΤΗ**. **ΕΥΖΗΝΙΖΟΚΑΤΗ** infigere men.-mih. **ΕΥΖΡΑΣΤΟΚΑΤΗ** αὐξάνεσθαι pat. **ΕΥΠΗΣΟΚΑΤΗ** ἀναγράφειν pat. hom.-mih. sabb: **ΕΥΨΗΣΟΚΑΤΗ** ἀναγράφειν triod. pyrg. sabb. chrys.-lab. sim. **ΕΥΨΟΜΕΝΟΚΑΤΗ** ἀναμνησκείν man. || — **ΗЖТІ**. **ΕΥΨΡΑΤΟΚΑΤΗ** συστέλλειν hom.-mih. **ΕΥΨΥΤΟΚΑΤΗ** ἀνακρίνειν hom.-mih. **ΕΥΣΧΛΑΣΤΟΚΑΤΗ** frenare ephr.-vost. ephr.-belg. **ΔΟΓΛΑΓΟΛΟΚΑΤΗ** καταγινώσκειν, καταγορεῖν proph. **ΖΑΠΗΣΟΚΑΤΗ** conscribere per. mon.-serb. **ΖΑΠОВѢДОКАΤΗ** jubere kruš. pent.-mih. mon.-serb. **ΗΖΗΣΟΚΑΤΗ** exquirere krmč.-mih. dioptr. mon.-serb. sabb. **ΗΖΜΕΝΟΚΑΤΗ** mutare sup r. pat. chrys.-lab. dioptr. misc.-serb. isaak. **ΗΖΡΕΖΟΚΑΤΗ** evirare clim. **ΗΣΚΟΠΟΚΑΤΗ** κατασχάπτειν men.-mih. sir.-vost. **ΗΣΚΟΡΕΝΟΚΑΤΗ** eradicare šiš. **ΗΣΠΑΛΟΚΑΤΗ** eluere hom.-mih. chrys.-lab. **ΗΣΤΡΕΖΟΚΑΤΗ** eripere isaak. **ΗΣΤΑΖΟΚΑΤΗ** αἰτεῖν petere dial. chrys.-lab. ioann. nom.-lab. dioptr. krmč.-mih. par. io.-sin. **ΗΑΥΨΚΗΟΚΑΤΗ** discere pat. ioann. chrys.-lab. margar. io.-sin. isaak. **ΗΑΓΛΑΔΟΚΑΤΗ** aspicere men.-mih. **ΗΑΖΗΔΟΚΑΤΗ** aedificare men.-vuk. **ΗΑΝΗΜΟΚΑΤΗ** μισθοῦν krmč.-mih. krmč. **ΗΑΠΗΣΟΚΑΤΗ** ἐπιγράφειν pent.-mih. chrys.-lab. krmč. dioptr. prol.-mart. bell.-troj. leont. nom.-serb. sabb. mir. **ΗΑΜΑΖΟΚΑΤΗ** ungere par. kruš. **ΗΑΡΨΟΚΑΤΗ** ὀνομάζειν šiš. ephr.-vost. pat. prol. men.-vuk. men.-mart. **ΗΑΣΚΑΚΟΚΑΤΗ** ἐπιπεδᾶν ber. **ΗΑΣΥΠΟΚΑΤΗ** aggerere chrys.-lab. **ΗΑΥΡΨΟΚΑΤΗ** χαράττειν chrys.-lab. **ΗΣΕΡΨΟΚΑΤΗ** spernere acad. **ΟΕΛΑΔΟΚΑΤΗ** imperare men.-belg. dial.-šaf. pat. isaak. zak.-serb. **ΟΕΛΗΝΙΣΤΟΚΑΤΗ** splendore circumdare lavr.-op. **ΟΕΗΔΟΚΑΤΗ** ἀδичεῖν kruš. pent.-mih. **ΟΕΛΗΖΟΚΑΤΗ** περιλείχειν dial. men.-mih. **ΟΕΟΝΙΕΚΑΤΗ** ὀσφραίνεσθαι misc. **ΟΕΡΨΟΚΑΤΗ** abstergere zlatostr. io.-clim. margar. chrys.-lab. **ΟΕΛΑΖΟΚΑΤΗ** δεσμεύειν pat. misc.-šaf. pan. chrys.-lab. nom.-mik. **ΟΕΡΨΟΚΑΤΗ** illudere psalt.-int.-saec. XII. **ΟΓΛΑΓΟΛΟΚΑΤΗ** accusare

ber. greg.-mon. greg.-naz. nom.-mik. **ОГЛАДОВАТИ** respicere typ.-chil. **ОДОЛОВАТИ** antch. **ОКЛЕВЕТОВАТИ** συκοφαντεῖν par. dial.-šaf. clim. **ОКРАДОВАТИ** furari tur. greg.-theol.-saec. XIV. triod. **ΟΠΕΥΑΛΟΒΑΤΗ** affligere vita.-theod. ber. **ΟΠΟΛΟΣΚΟΒΑΤΗ** abluere men.-leop. **ΟΠΟΚΣΟΒΑΤΗ** cingere par. **ΟΠΡΑΒΔΟΒΑΤΗ** διχαλοῦν chrys.-lab. dial.-šaf. **ОПЫТОВАТИ** περιεργάζεσθαι svjat. ant. leop. **ОСАЗОВАТИ** ψηλαφᾶν dial. dioptr. **ОТВѢТОВАТИ** ἀποκρίνεσθαι men.-leop. ber. men.-vuk. chrys.-lab. **ОТРѢЗОВАТИ** abscindere supr. chrys.-lab. pan. frag.-serb. **ОТЪБѢГОВАТИ** affugere misc. **ОТЪВРѢЗОВАТИ** aperire op. 2. 1. 161. milad. **ОТЪКОПОВАТИ** effodere ber. **ОТЪКОУПОВАТИ** redimere domet. sabb. **ОТЪПОКΣΟΒΑΤΗ** ἀποζοννύναι men.-vuk. **ΟΤΥΑΙΕΒΑΤΗΣΑ** ἐξαπορεῖσθαι par. mir. **ΟΠΗΑΙΕΒΑΤΗΣΑ** abstinere par. ber. **ПОВѢДОВАТИ** νικᾶν ant. io.-sin. **ПОВѢДОВАТИ** narrare supr. 181, 240. pat. typ.-chil. kruš. misc.-šaf. etc. **ПОГЛАДОВАТИ** βλέπειν nom.-barb. bell.-troj. alex.-mih. prol.-mart. **ПОДЪПИСОВАТИ** ὑπογράφειν krmč.-mih. mon.-serb. **ПОДЪПЫТОВАТИ** inquirere chrys.-lab. **ПОЖИДОВАТИ** expectare zlatostr.-saec. XVI. **ПОЗЫБОВАТИ** agitare belg. ephr.-vost. **ПОМАЗОВАТИ** χρίειν typ.-chil. misc.-šaf. prol. chrys.-lab. nom.-mik. domet. sabb.-typ. nom.-lab. misc. pan. zak.-serb. pent.-mih. prol.-mart. chrys.-lab. sabb. **ПОМНИНОВАТИ** μνημονεύειν ant., — **ΜΑΝΟΒΑΤΗ** hom.-mih. triod. isaak. sabb.-typ. alex.-mih. men.-mih. sim. **ПОПНСОВАТИ**. pingere dioptr.-leop. **ПОРОКОВАТИ** vituperare antch. krmč.-mih. kir. krmč. alex. acad. **ПОРЖГОВАТИ** illudere antch. **ПОСТРѢКОВАТИ** stimulare kozm. **ПОСЫПОВАТИ** conspergere misc.-šaf. misc. men.-mih. chrys.-lab. **ПОТРАСОВАТИ** agitare, concutere ber. **ПРИКАЗОВАТИ** δεῖν alligare krmč.-mih. dioptr. chrys.-lab. kruš. pent.-mih. sbor.-kir. ephr. misc.-šaf. dial.-šaf. ostr. *) (?). **ПРИПНОВАТИ** λαμβάνειν men.-belg. triod. men.-mih. men.-vuk. **ПРИКЛАДОВАТИ** addere bor. **ПРИКОСНОВАΤΗΣΑ** tangere op. 2. 1. 261. **ПРИЛИЗОВАТИ** allambere trigl. **ПРИСТЪПОВАТИ**

*) У Востокова въ «Словоуказателѣ» нѣтъ. Можетъ быть, гдѣ есть въ текстѣ Евангелія, такъ что В. пропустилъ отмѣтить.

accedere vost. I. 427. **прихастовати** κοινωνεῖν. **прозабо-
вати** germinare lavr.-op. men.-belg. **проскѣтовати** φωτί-
ζειν lavr.-op. men.-saec. XII. men.-belg. **прѣказовати**
ligare nom.-mik. **прѣмѣновати** mutare supr. svjat.
hom.-mih. men.-mih. greg.-lab. prol.-mart. sabb.-
typ. **прѣпоисковати** cingere int. ber. greg.-mon. chrys.-
lab. dioptr.-lab. dial.-šaf. men.-vuk. **прѣсказовати** prae-
dicare dioptr. **растрѣзовати** διατρήγνύναι supr. dial.
chrys.-lab. **оуказовати** δεικνύναι ant. hom.-mih. misc.-
šaf. greg. alex.-mih. **оукасовати** κοσμεῖν antch. ant.
prol.-rad. dioptr. isaak. **оуспыновати** sopire isaak.
оухватовати praehendere misc. **оуцѣновати** ordinare
antch. prol.-mart.

в) **оуцѣрпывати** torpescere бор. 1 об. **показывати**
δεικνύναι бор. 9 об. per. лаврт. 21, 41, 121. **распы-
тывати** ἐρευνᾶν men.-leor. **сѣказывати** dicere bus. 687,
812. int. mon.-serb. ипат. 147, 164. **покладывати** po-
nere pam. vost.-op. ипат. 38, 108, 120, 123, 146.
испирывати eluere pam. **складывати** componere лаврт.
103, 148. **вѣскладывати** imponere лаврт. 158. ипат.
14 б. **наказывати** docere, punire лаврт. 79. int. kozm.
оумыкивати лаврт. 6. capere. **приказывати** лаврт. 25,
196. advincere. **нокерзывати** лаврт. 25. καταβάλλειν. **по-
рѣзывати** secare лаврт. 152. ипат. 102. **сѣказывати** vin-
cere лаврт. 18. **обертывати** circumvolvere лаврт. 25.
подкопывати suffodere лаврт. 54. **раскопывати** effodere
ипат. 198. **вѣнскивати** ζητεῖν лаврт. 106. **принскивати**
ζητεῖν ibid. 112. **вѣнискивати** inscribere ibid. 120. **вѣ-
поласкивати** eluere ипат. 5. **оукладывати** ib. ponere.
при— 72. **вырѣзывати** excidere ib. 102. **поползывать**
ἐρπεῖν ib. 84. **разнаменывати** 99. **приказывати** mandare
sbor.-kir. ипат. 120, 126. **оужасыватиса** perterreri ипат.
189. **побадыватиса** pungere ib. 198. **раздоумывати** co-
gitare, meditari ib. 134. **вѣжигивати** accendere ib. 112.
оттекивати amart. abire. **присѣкивати** ib. secare 246.

VII. разряда.

а) **порабоцѣвати** subigere григ.-наз. 48 в, 45 г,

274 б. pan. ОБАНУВАТИ accusare ib. 131 а. ОТЪМЪЦІАВАТИ ulcisci ib. 131 а. ioann. pan. КЪЗБЕЛКАВАТИСЯ albescere glag. КЪЗБЪШАВАТИ incitare pan. КЪЗВЕСЕЛКАВАТИСЯ exhilarare chrys.-lab. isaak. КЪЗКЪШТАВАТИ ἐπαγγέλλειν ioann. proph. КЪСКОРЕНКАВАТИ radicibus firmare isaak. КЪОБРАЖАВАТИ τυποῦν formare men.-vuk. КЪОРЖАВАТИ armare pan. ВЪСЕЛКАВАТИ κατασκηνοῦν sedem ponere pan. КЪУНИКАВАТИ ordinare io.-sin. ЗАШТНШТАВАТИ propugnare pan. НЗКЪШТАВАТИ συνιστάναι sborn. io.-sin. prol.-mart. НЗМЪНКАВАТИ permutare dial.-šaf. НЗМЪРКАВАТИ emetiri pan. НЗОШТРАКАТИ incitare pyrg. ИСКОРЕНКАВАТИ eradicare pat. io.-sin. isaak. ИСТРЪБКАВАТИ consumere glag. ИСТЪШТАВАТИ evacuare io.-sin. clim. pan. chrys.-lab. pyrg. ИСТЪНЬУАВАТИ attenuare pat. krk. ИСТЪНКАВАТИ λεπτόνειν attenuare chrys.-lab. men.-mih. ioann. ИЦЕЛКАВАТИ θεραπεύειν io.-sin. НАМЪРКАВАТИ metiri men.-vuk. НАОШТРАКАТИ acuere triod. НАПЪНКАВАТИ implere chrys.-lab. НАОУАВАТИ suadere pat. typ.-chil. pan. sabb. ОБЕЛГЪУАВАТИ sublevare supr. ant. svjat. hom.-mih. ОБОУРКАВАТИ tempestate vexare alex.-mih. ОБОУАВАТИ docere chrys.-lab. ОБНАЖАВАТИ γυμνοῦν ioann. ОГОРЬУАВАТИ amarum reddere pat. ОУДЕБЕЛКАВАТИ crassum reddere pat. vost. ОЖЕСТОУАВАТИ durum reddere io.-sin. ioann. ОКРОПАКАВАТИ aspergere domet. ОМОКРАКАВАТИ humectare alex.-mih. ОМАКЪУАВАТИ emollire pat. ОПЕУАКАВАТИ affligere par. ОСКЕРЪНКАВАТИ inquinare georg. dioptr.-lab. ОСКРЪБКАВАТИ affligere men.-vuk. ОТЪДЪЛКАВАТИ separare pan. ОТЪНЬУАВАТИ λεπτόνειν и λεπτόνεσθαι (IX разр.) tenue reddere et reddi io.-sin. clim. leont. dioptr. ОТАГЪУАВАТИ βαρύνειν gravare dial. dioptr. chrys.-lab. ПОДРАЖАВАТИ μιμεῖσθαι imitari chrys.-lab. dial. ПОКРОПАКАВАТИ aspergere men.-vuk. prol.-cip. ПОКРЪШТАВАТИ βαπτίζειν krmč.-mih. ПОЛОУАВАТИ χερδαίνειν men.-vuk. ПООШТРАКАТИ exscitare ephr.-belg., — ШТРАКАТИ men.-leop. mon.-serb. ПОПОУШТАВАТИ mittere int. ПОТЪМЪНКАВАТИ obscurare pat. ПООУАВАТИ docere pat. bus. 135. prol. mon.-serb. prol.-mart. — ШТАВАТИ suadere proph. ПРОМЪШНАКАВАТИ providere chys.-lab. ПРОСКЪТАКАВАТИ φωτίζειν chrys.-lab. ПРОМЪ-

ЛѢКАТИ *προφητεύειν* (проѣвѣваше) š.-gl. **ПРѢПОДОБѢКАТИ** *comparare* glag. **ПРѢСЕЛѢКАТИ** *transferre incolas* prol. **ПРѢТОУУНѢКАТИ** *pingue reddere* chrys.-lab. **ПРѢОУКРАШАКАТИ** *ornare* pan. **РАСТОПАКАТИ** *θερμαίνειν* chrys.-lab. prol. **РАШНРѢКАТИ** *πλατύνειν* dial. io.-sin. **СЪУННѢКАТИ** *conciliare* pan. chrys.-lab. **СЪУНСЛѢКАТИ** *connumerare* pan. **ОУБОУЖДАКАТИ** *excitare* ant.-hom. **ОУЗАКОМѢКАТИ** *statuere* prol.-mart. **ОУАНШАКАТИ** *στερεῖν* men.-vuk. **ОУННУНЖАКАТИ** *nihili facere* dioptr. prol.-mart. **ОУПОКОМѢКАТИ** *sedare* ioann. laz.-vuk. **ОУРАЖДАКАТИ** *ordinare* glag. **ОУТОЛѢКАТИ** *mitigare* man. dial.-šaf. greg.-mon. **ОУУННѢКАТИ** *ordinare* io.-sin.

б) **СЪНАБЖДЕКАТИ** *) *περιποιεῖσθαι*, *φυλάσσειν* григ.-наз. 105 а. **НАДѢЖДЕКАТИ** *βρέχειν* ib. 152 в. **КЪСЕЛѢКАТИ** *collocare* ib. 284 в. hom. mih. **НСКОРЕНѢКАТИ** *eradicare* nom.-lab. ichn. clim. men.-mih. chrys.-lab. **ЗАПРѢШТЕКАТИ** *παραγγέλλειν* pat. **НСПОУШТЕКАТИ** *emittere* obich. **НСТЫНЪУЕКАТИ** *attenuare* mén.-leop. **НСТЪШТЕКАТИ** *evacuare* int. **НАПОЕКАТИ** *ποτίζειν* obich. par. mir. **НАПЛЪНѢКАТИ** *implere* glag. **НАОУШТЕКАТИ** *suadere* prol. **НАОУЕКАТИ** *docere, suadere* ant.-hom. **ОБАНУЕКАТИ** *accusare* krmč.-saec. XIII. kruš. exod. pent.-mih. **ОБЛЮБЛѢКАТИ** *amare* mon.-serb. **ОГОРЪУЕКАТИ** *amarum reddere* par. mir. nom.-mik. **ОДѢЖДЕКАТИ** *pluere* men.-belg. mir. **ОЗАРѢКАТИ** *illustrare* men.-belg. iavr.-op. **ОКРЪМЛѢКАТИ** *gubernare* men.-belg. **ОПОЕКАТИ** *inebriare* sborn. **ОСКЕРЪНѢКАТИ** *foedare* chrys.-lab. men.-leop. **ОСКМЦЕКАТИ** *sanctificare* григ.-наз. 149 в. **ОСТАВЛѢКАТИ** *relinquere* men.-leop. **ОТРѢШТЕКАТИ** *solvere* par. kruš. **ОТЪМЪШТЕКАТИ** *ulcisci* par. ber. **ОТЪСТАВЛѢКАТИ** *amovere* mon.-serb. **ОШТОУШТЕКАТИ** *sentire* par. ber. mir. **ОХОУЖДЕКАТИ** *minuere* krk. **ПОКРѢПЛѢКАТИ** *firmare* mon.-serb. glag. **ПОЛОУУЕКАТИ** *adipisci* belg. **ПОМЪШЛѢКАТИ** *meditari* par. **ПОПАЛѢКАТИ** men.-saec. XII. **ПОТВРѢЖДЕКАТИ** *firmare* georg. mon.-serb. **ПООУУЕКАТИ** *docere* men.-leop.—**ШТЕКАТИ** proph. glag. **ПРИБЛН-**

*) Срая. сънабѣдѣти, — ждѣ, — ши || сънабѣждати и набѣдѣвати свят. 13 г.

ЖЕВАНІСА appropinquare š.-gl. ПРИПОРЖЕВАНІ commenda-
 dare mon.-serb. ПОРАКОШТЕВАНІ subigere dial.-šaf. ПРИ-
 УАШТЕВАНІ κοινωνεῖν par. nom.-bulg. ПРОМЫШЛЕВАНІ
 providere par. mir. РАЗСМАТРЕВАНІ dijudicare par.
 ОУДАЛЕВАНІСА abstinere op. 2. 1. 132. ОУЛОУЕВАНІ adi-
 pisci izv. 444. ОУМНОЖЕВАНІ augere mir. ОУННУЖЕВАНІ
 nihli facere prol.-rad. men.-vuk. prol.-mart. ОУСКОЕ-
 ВАНІ sibi vindicare pan. ОУТЕРЪЖДЕВАНІ firmare sim.
 ОУТЪШЕВАНІ consolari glag. ОУННІЕВАНІ ordinare ant.
 ОУТЪСНІЕВАНІ angustare par.

в) ОУСЪПНЕВАНІ *) sborn. pat. ioann. chrys.-lab.
 ОТАЖЪУНЕВАНІ βαρύνειν sborn. ОУДАРНЕВАНІ ferire per.
 ОУННУНЖИВАНІ nihili facere men.-leop. dioptr.-lab. bus.
 545. prol.-mart. prol.-vost. op. 2, 1, 161. ПРЪМЪННЕВАНІ
 mutare glag. ПОПРАВАНЕВАНІ emendare chir. ПРЪСМАТРЕВАНІ
 considerare bus. 701. ОМОУНЕВАНІ humectare men.-leop.
 ОСКАНЕВАНІ acquirere sbor.-kir. ОСОУШНЕВАНІ siccare bus.
 503. НАДАВАНЕВАНІ io.-dam. vost. 2, 39. ЗАГЛАЖДНЕВАНІ delere
 psalt.-int. ОБРАНИВАНІ defendere mon.-serb. ПРЪСМАТРЕ-
 ВАНІ considerare bus. 701. СЪМЪШНЕВАНІ miscere izv.
 bus. 662. СЪМИРНЕВАНІ mitigare лаврт. 93. СЪСТАВАНЕВАНІ
 componere συνιστάναι ib. 11. ОСТАВАНЕВАНІ relinquere
 и пат. 25. ПРИ— παριστάναι, προσιστάναι ib. 199. ОУ—
 ib. 25, 225 ιστάναι. НАРЪЖНЕВАНІ parare лаврт. 102. и пат.
 209, 118. ОПРАВАНЕВАНІ derigere, erigere ib. 103. и пат.
 96, 98. ОУПРАВАНЕВАНІ administrare и пат. 104. ИСПРАВАНЕ-
 ВАНІ лаврт. 209 emendare. СЪВЪЖНЕВАНІ conducere ib.
 105. и пат. 50, 59. ЗАМЪШЛАНЕВАНІ cogitare лаврт. 148.
 и пат. 50 (—сливати). РАЗМЪСЛАНЕВАНІ meditari и пат. 120.
 ПРИСТРАНЕВАНІСА se aptare лаврт. 32. и пат. 21, 202,
 205, 209, 217, 226. ОУГАННЕВАНІ agere лаврт. 104.
 РАЗЛОУУНЕВАНІ separare и пат. 17. ДОКОУУНЕВАНІ molestum
 esse ib. 19. ПОКАЕЛАНЕВАНІ allicere, stimulare ib. 21.
 ОУТЪШНЕВАНІ consolari ib. 29, 95, 121, 151, 204. ПОНОУ-
 ЖНЕВАНІ ἀναγκάζειν cogere ib. 44, 58, 78, 79, 133, 134, 135,

*) Основа образована отъ темы praesentis+ва.

142. **ОБОРОУНЕВАТИ** στρέφειν 56. **ОТРАЖНЕВАТИ** destinare 57. **ИЗРАЖНЕВАТИ** disponere 205, 209. **СЪКОУПАНЕВАТИ** συλλέγειν 75. **ПОДЪМОЛВАНЕВАТИ** docere, stimulare 81. **ПЕРЕМОЛВАНЕВАТИ** colloquium agere 178. **СЪТВОРНЕВАТИ** ποιεῖν 82. **ΟΥКАРНЕВАТИ** ὑβρίζειν 82, 201. **ПООУЩНЕВАТИ** suadere 84. **СЪНАШНЕВАТИ** 85, 99. **ПРИПРАШНЕВАТИ** petere 99. **ПРИЕЖДНЕВАТИ** advehi 124. **ВЪСАЖНЕВАТИ** impigere 165. **ЗАМѢННЕВАТИ** permutare 227. **ПОДОУЧНЕВАТИ** docere 11.

IX разряда.

а) Кромѣ встрѣчающихся въ паннонскихъ памятникахъ приведемъ еще нѣсколько: **ПРОКАЗЫВАТИ** pessare свят. 25 г. **НАБѢДѢВАТИ** φυλάσσειν ib. 13 г. **КѢНЬУАВАТИ** στεφανοῦν свят. 134 г. k r k. hom.-mih. sabb. **СЪНАБѢДѢВАТИ** observare свят. 146 в. proph. pent.-mih. **ОХОУДѢВАТИ** minui григ.-наз. 96 г. isaak. men.-mih. hom.-mih. pat. **ПРЕОБНДѢВАТИ** ἀδικεῖν григ.-наз. 89 б. zlatostr. **ИСПЕПЕЛѢВАТИ** in cinerem redigi григ.-наз. 63 б. **ВЪГЛАЖЕВѢВАТИ** κοιλοῦν cavare acad. **ВЪЖДЕЛѢВАТИ** desiderare ziz. **ВЪЗГОРѢВАТИ** ἐκκαίεσθαι steph. **ВЪЗМЫЗДѢВАТИ** mercedem dare chrys.-lab. **ВЪСПИТѢВАТИ** enutrire chrys.-lab. **ДОКОНЬУАВАТИ** finire men.-mih. **НЕДОУМѢВАТИ** ἀπορεῖν par. sabb. **ЗАКѢШТАВАТИ** διατίθεσθαι pacisci, mandare šiš. š -gl. 66. krmč. kyr. prol.-mart. proph. **ЗАКѢСНѢВАТИ** tardare ber. **ЗАПОУСТѢВАТИ** desertum fieri laz. **ИЗМѢЖДАВАТИ** debilitari pat. ephr.-vost. **ИЗОУСТѢВАТИ** eloqui pat. **ИСКЫПѢВАТИ** effundi ἐκχεῖσθαι men.-vuk. sabb. prol.-lab. vost. sim. chrys.-lab. **ИСПОЛѢВАТИ** ardere chrys. lab. prol.-vost. **ИСТѢКМѢВАТИ** comparare pat. bulg.-lab. **ОБЕЗОУМѢВАТИ** stultum fieri int. **ОБЕШАВАТИ** veterascere chrys.-lab. **ОБЖРОДѢВАТИ** stultum fieri isaak. **ОГОРѢВАТИ** περικαίεσθαι k r k. **ОУДЕБѢЛѢВАТИ** crassescere pan. acad. int. **ОЖЕСТѢВАТИ** durum fieri isaak. ioann. **ОМРЪЗѢВАТИ** odisse par. **ОНѢМѢВАТИ** obmutescere hom.-mih. **ОПОУСТѢВАТИ** vastari int. mon.-serb. **ОСКОМННѢВАТИ** dentibus stupere ber. **ОСКЖДѢВАТИ** deficere ἐκλείπειν prol.-mart. ioann. int. psal. men.-vuk. **ОСЛАБѢВАТИ** debilitari sim. **ОСЛѢПѢВАТИ** excoecari

pat. chrys.-lab. **ОСТРѢПѢВАТИ** obliquum reddi alex. acad. **ОСТОУДЕНѢВАТИ** frigere dioptr. **ОТРѢПѢВАТИ** exacerbari op. 2, 1, 59. **ОТЪШТЕТѢВАТИ** ἀπολλύναι perdere par. dial. pan. alex. io.-sin. ziz. isaak. **ОТЪМНѢВАТИ** obscurari krk. **ОТАГОТѢВАТИ** gravari dial. chrys.-lab. **ОЦѢНЕНѢВАТИ** ζηραίνεσθαι. **ПОБОЛѢВАТИ** condolere ant. **ПОБЛѢДѢВАТИ** pallerе krk. hom.-mih. barl. dial. **ПОЖЛѢТѢВАТИ** flavescere par. **ПОКРОПѢВАТИ** aspergere prol.-mart. pat. šaf. **ПОЛЮТѢВАТИ** amarum fieri ber. alex. **ПОМЛѢВАТИ** tacere pent.-mih. **ПОРАЗУМѢВАТИ** intelligere ephr.-belg. hom.-mih. isaak. bus. 289. **ПОУРѢНѢВАТИ** nigrescere dioptr. **ПРѢВНДѢВАТИ** ἀδичεῖν zlatostr. **ПРѢТРѢПѢВАТИ** perseverare antch. šiš. misc.-šaf. krmč.-mih. dial. int. dial.-šaf. **ПРѢΟΥТОУНѢВАТИ** pinguescere alex. **РАСТѢЛѢВАТИ** διαφθείρεσθαι antch. tur. par. ant. **РАСТНѢВАТИ** scindere domet. **РАШНРѢВАТИ** dilatari clim. **СЪТАЖАВАТИ** κτᾶσθαι krk. ant. ioann sabb.-typ. chrys.-lab. dioptr.-lab. **ОУДРѢЖАВАТИ** retinere krk. pat. misc.-šaf. hom.-mih. prol.-rad. chrys.-lab. misc. int. pan. dial.-šaf. **ОУМЛѢВАТИ** conticescere triod. **ОУСЛЫШАВАТИ** exaudire chrys.-lab. **ОУСОУГОУѢВАТИ** duplicare dial. **ОУСОУМНѢВАТИ** dubitare ber. mir. **ОУТАЛѢВАТИ** pinguescere int.

б) **ПРИТАЖЕВАТИ** attendere grig. наз. 24 в. мен.-vuk. **ВѢШТЕВАТИ** loqui op. 2, 2, 240. **ЗАВѢШТЕВАТИ** mandare kozm. **ОБННШТЕВАТИ** pauperem fieri int. **ОБѢШТЕВАТИ** ὑπισχεῖσθαι kozm. **ОДРѢЖЕВАТИ** continere ber. **ОКОНѢУЕВАТИ** finire tur. **ОТѢВѢШТЕВАТИ** respondere per. vita-theod. meth. **ПРИВѢШТЕВАТИ** προσμιλεῖν io.-dam. **СЪТАЖЕВАТИ** κτᾶσθαι par. int. **ОУДРѢЖЕВАТИ** retinere ber. int. **ОУСЛЫШЕВАТИ** audire men.-ante 1110. par, glag.

в) **СЪТѢЖИВАТИ** κτίζειν condere op. 2, 2, 630. **ПОСЛОУШИВАТИ** auscultare sbor.-kir. **РАСПОЛНѢВАТИ** ἀνάπτεσθαι ипат. 37.

В. Добровскій.

КЪ ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНІИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ПО БЫТОВЫМЪ ПѢСНЯМЪ НАРОДА *).

(Посвящается О. И. Я—вичъ).

Г. Будде, посвятивъ цѣлую статью одному изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ русской словесности — вопросу о положеніи русской женщины по бытовымъ пѣснямъ народа, — пришелъ къ тому заключенію, что положеніе это было весьма безотрадное и тяжелое. „Мы узнаемъ изъ пѣсень, — говоритъ онъ, — что она (т. е. русская женщина) не знала, что такое любовь свободная; она не могла поступать по влеченію сердца, потому что никогда не принадлежала себѣ — она была вещью, которую продавали и за которой не признавали никакихъ правъ... Нерѣдко женщина служила только средствомъ для обогащенія своей семьи, изъ которой она выходила и которая ее продавала; самое лучшее время жизни у дѣвушки проходить въ слезахъ, такъ какъ участь ея напередъ ей извѣстна“... (Фил. Зап. 1883 г. IV вып., стр. 5).

Дѣйствительно, представленная имъ дальше на основаніи бытовыхъ пѣсень великорусскаго народа картина положенія женщины въ двухъ періодахъ ея жизни — дѣвствѣ и замужествѣ — служить подтвержденіемъ его словъ. Вся она нарисована чрезвычайно мрачными красками; всюду слышатся одни только вопли, всюду льются ручьями горькія слезы, жгущія молодую душу женщины! При видѣ такой грустной картины, невольно возникаетъ вопросъ: ужели русская женщина не знала красныхъ дней въ своей жизни и только плакала горькими слезами? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе справедливъ и основателенъ, что тѣже самыя бытовыя пѣсни, на основаніи которыхъ рисуется безотрадная картина

*) См. Филологическія Зап. 1883 г. вып. IV.

положенія русской женщины, даютъ много матеріала для построения картины болѣе отрадной и свѣтлой. На это странное, повидимому, противорѣчіе нашихъ бытовыхъ пѣсень было указано уже не разъ.

Какъ извѣстно, вопросъ о положеніи русской женщины не новостъ; онъ не разъ (хоть иногда и мимоходомъ) уже затрагивался нашими изслѣдователями народной словесности и быта *). Тѣ изъ нихъ, которые изслѣдовали этотъ вопросъ исключительно по свадебнымъ пѣснямъ и притомъ сравнивали малорусскія пѣсни съ великорусскими, приходили, правда, къ такому же заключенію относительно положенія великорусской женщины, къ какому пришелъ и г. Будде. Но заключенія ихъ отнюдь не были выражены въ такой рѣшительной формѣ. Такъ недавно скончавшійся Н. И. Костомаровъ, рассмотрѣвъ великорусскія бытовые пѣсни, находящіяся въ сборникѣ П. В. Шейна, сдѣлалъ о нихъ заключеніе въ слѣд. условной формѣ: „Если только пѣсни вообще считать правдивыми выраженіями народной души, то омерзительная и грязная картина, въ которой великорусскій народъ самъ изображаетъ свою семейную жизнь, способна навести на самыя невыгодныя понятія о такомъ народѣ“. В. Евр. 1872 г. кн. VI, стр. 572. Мало того. Дальше онъ прямо заявляетъ, что не рѣшится на основаніи этихъ пѣсень разсуждать о нравственномъ упадкѣ всего народа, именно потому, что въ сборникахъ нашихъ народныхъ произведеній заключается еще много недостатковъ. Вотъ его многозначительныя слова, которыя, къ сожалѣнію, не всегда имѣются въ виду при рѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся народа: „У насъ, во 1-хъ, мало варіантовъ тѣхъ пѣсень, на

*) Назову нѣсколько трудовъ, гдѣ затрагивается интересующій насъ вопросъ: Костомарова: Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи 167—179 стр. и Великорусская народная пѣсенная поэзія по вновь изданнымъ матеріаламъ В. Евр. 1872 г. кн. VI; Ящуржинскаго — Лирич. малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя, сравнительно съ великорусскими, стр. 114—124; Миллеръ — Опытъ историч. обозрѣнія русск. слов., стр. 100 и д.; Терещенка — Бытъ р. н. 2 т. и мн. др.

основаніи которыхъ мы бы рѣшились дѣлать приговоры; если бы у насъ вариантовъ было болѣе, мы бы узнали, вѣроятно, что содержаніе однихъ и тѣхъ же пѣсенъ не вездѣ одинаково понимается и выражается. Во 2-хъ, для того, чтобы на основаніи пѣсенъ произносить сужденія о народныхъ свойствахъ, необходимо знать степень распространенности въ народѣ этихъ пѣсенъ, а равнымъ образомъ и тѣхъ, которые изображали бы совершенно инныя стороны народной духовной жизни и составляли имъ, такъ сказать, противовѣсъ *ibid.*, стр. 573^а. Пусть г. Костомаровъ самъ неполнѣе остался вѣренъ своимъ словамъ въ указанной статьѣ, на что указалъ ему въ свое время г. Миллеръ. (См. Фил. Зап. 1872 г. Нѣчто о русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ), все-таки слова эти имѣютъ большое значеніе.

На многое изъ указаннаго г. Миллеромъ можно бы сослаться въ доказательство того, что нарисованная г. Будде на основаніи бытовыхъ пѣсенъ картина положенія женщины не вполнѣ истинна, одностороння; но цѣль настоящей статьи иная.

Я далекъ отъ мысли, что взглядъ г. Будде на положеніе русской женщины невѣренъ и ни на чемъ не обоснованъ. Нѣтъ, онъ имѣетъ свое основаніе въ бытовыхъ пѣсняхъ народа, но только онъ кажется мнѣ одностороннимъ. Если положеніе женщины по бытовымъ пѣснямъ русскаго народа рисуется различными красками—то свѣтлыми, то мрачными,—то для истины недостаточно однихъ какихъ-либо изъ нихъ. До сихъ поръ, при рѣшеніи вопроса о положеніи женщины по бытовымъ пѣснямъ народа обращали болѣе вниманія на мрачныя краски, рассматривали вопросъ съ одной только стороны, пора посмотрѣть на дѣло съ другой, болѣе отрадной стороны. Посмотрѣть же на дѣло съ другой стороны, особенно когда народныя пѣсни даютъ такой обильный матеріалъ для этого, не только необходимо, но и важно: иначе намъ придется повторить вслѣдъ за Бѣлинскимъ несправедливый упрекъ великорусскому народу въ грубости, дикости и отсутствіи нѣжныхъ отношеній между членами семьи *).

^а) Но что грубости, гнета и варварства въ народѣ относи-

Конечно, положеніе женщины имѣетъ свою исторію; оно проходило вмѣстѣ съ народомъ различныя культурныя эпохи—отъ первобытной дикости до болѣе смягченныхъ нравовъ. Само собой понятно, что слѣды этихъ различныхъ культурныхъ эпохъ сохранились въ бытовыхъ пѣсняхъ народа; но было бы большою несправедливостью приписывать слѣды одной эпохи—другой и на основаніи этого дѣлать заключенія. Ни слова не говорю о положеніи женщины у насъ и на Западѣ: оно было различно, и это различіе имѣетъ свои основанія; но полагаю, что Славянинъ при мягкости своего характера не могъ быть палачомъ женщины; если же въ силу какихъ-либо историческихъ обстоятельствъ сталъ таковымъ, то только на время и снова сдѣлался гуманнымъ и раньше, быть можетъ, чѣмъ можно предполагать. Черты этой мягкости и человѣчности также сохранились въ бытовыхъ пѣсняхъ и ихъ-то меньше всего слѣдуетъ упускать изъ виду.

Есть цѣлый отдѣлъ пѣсенъ, сохранившихъ слѣды мягкости и человѣчности нравовъ великорусскаго народа; но эти пѣсни совершенно еще не разработаны и даже недавно появились въ своемъ настоящемъ видѣ. Это—такъ называемыя похоронныя причитанья.

Знакома намъ съ вѣрованіями народа относительно смерти и посмертнаго существованія, давая много матеріала для бытовой исторіи русскаго народа, похоронныя причитанья заключаютъ въ себѣ не мало указаній и на тѣ условія, въ которыхъ жила русская женщина. Условія эти оказываются, какъ увидимъ ниже, довольно благопріятными для женщины, и положеніе ея представляется далеко небезотраднымъ. Чѣмъ это объяснить? Ужели заподозрить нашу похоронную причету въ искренности и правдивости?

Что касается вопроса о правдивости показаній похоронныхъ причитаній, то она, по моему мнѣнію, не должна

тально обращенія съ беззащитной женщиной нельзя еще вполне отрицать,—объ этомъ ежегодно свидѣлствуютъ грустные факты въ современныхъ судебныхъ процессахъ, хотя эти факты являются единичными, но не рѣдкими!

Ред.

подлежать никакому сомнію. Если въ нѣкоторыхъ бытовыхъ пѣсняхъ (напр. свадебныхъ) бываетъ иногда притворство, неискренность, какъ указалъ это г. Миллеръ (см. Фил. Зап. 1872 г.), то въ похоронной причети ничто подобное не можетъ имѣть мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, до притворства ли было народу, когда онъ въ минуту горести рассказывалъ про свое житье-бытье дорогому мертвецу, гробу или безмолвной могилѣ; могла ли быть неискреннею женщина, когда приходила на могилу мужа—

Пораздіять злу великую кручинушку?... *Ахъ, какъ!*

Итакъ, оставляя въ сторонѣ тѣ бытовые пѣсни, на основаніи которыхъ г. Будде представилъ безотрадную картину положенія русской женщины, постараюсь въ настоящей статьѣ показать, какъ изображаетъ положеніе женщины русская похоронная причеть, при чемъ весь матеріалъ расположу въ порядкѣ, соответствующемъ періодамъ женской жизни. Такихъ періодовъ, по особымъ своимъ соображеніямъ, позволю себѣ насчитать три: періодъ дѣвства, замужества и вдовства.

1) ПЕРІОДЪ ДѢВСТВА.

Какъ первый-то свѣтъ—родимый мой батюшка,

А другой-то свѣтъ—радость моя матушка...

Дѣвство, по причитаньямъ, какъ и по другимъ бытовымъ пѣснямъ русскаго народа,—самая счастливая пора въ жизни женщины. Въ самомъ дѣлѣ, могло ли быть иначе, когда дѣвушка жила вмѣстѣ съ родителями и братьями, въ расположеніи и любви которыхъ къ ней она не могла сомнѣваться?! Что отношенія родителей къ дѣвушкѣ-дочери, а братьевъ—къ дѣвушкѣ-сестрѣ были самыя нѣжныя,—тому доказательство почти всѣ плачи. Вотъ какъ напр. рисуется жизнь дѣвушки у батюшки-желаннаго родителя. Оплакивая смерть кормильца-батюшки, дѣвушка такъ причитаетъ:

Безъ кормильца свѣта-батюшка,

Безъ желаннаго родителя,

Ободре у меня сердеченько....

Ужъ пойду-то я, безсчастная,

По годовымъ частымъ праздничкамъ,

Не учесана головушка,
 Не укатана рубашечка,
 Не обуты рѣзвы ноженьки,
 Не одѣты узки плеченьки;
 Безъ тебя, родитель батюшко,
 И учесана головушка,
 Да не тонь есте гладешенько (Барсовъ. Причи-
 танья сѣвернаго края, I т. стр. 57, ст. 50 и д.).

Мало того. Отецъ былъ для дѣвушки первымъ защит-
 никомъ отъ всякой обиды:

Не дай же, Боже-Господи,
 Чиста поля безъ кустышка...
 Красной дѣвушки безъ батюшка,
 Безъ желаннаго родителя:
 Приосудя люди добрые...
 Безпоранну сиротинушку... (ibid. 57, 66 и д.).

Въ роли оберегателя дѣвушки является и братъ; но
 только охрана его не такая, какъ охрана отца. Значеніе
 брата для сестры-дѣвушки рисуется слѣдующимъ образомъ
 въ нашихъ причитаньяхъ:

Впереди онъ былъ тоби да передовщикекъ,
 Позади онъ былъ любимый вѣдь повозничекъ.
 Нонь какъ схватимся за брата за родимаго,—
 Нѣтъ повозничка тебѣ да провожателя,
 Твоей волюшки да нѣту сберегателя... (ibid.
 200, 65 и д.).

Но неизмѣримо выше любви отца и брата стоятъ лю-
 бовь матери къ своей дочери, этой бѣлой лебедушкѣ, этому
 сердечному дитятку. Любовь эта—безгранична, для нея
 нѣтъ никакихъ препятствій: чего бы ни пожелала дочь,
 мать все дастъ.

Милая ты, моя матушка,
 Сладкая ты, моя матушка,
 Тайное мое словечушко невыносное!
 Бывало я на тебя, моя матушка, надѣюсь:
 Не въ чемъ ты меня не покидала,

О чемъ я тебя ни попрошу, все ты мнѣ давала—
 такими словами дочь оплакиваетъ мать свою, указывая, чего

лишилась она съ ея смертью. (Шейнъ. Русскія нар. пѣсни, ч. I, стр. 56, № 2, 15).

Неудивительно поэтому, если дочь послѣ смерти матери будетъ клубышкомъ кататися, будетъ кровью обливатися (Пѣсни, собран. Рыбниковымъ, III, 420, № 6, 32).

И не только всѣ члены семьи расположены къ дѣвушкамъ; дальніе и близкіе родственники любятъ ее если не такою, то все же сильною любовью.

Изливая свое горе по поводу смерти дочери, мать благодаритъ родственниковъ за расположеніе, которое они выказывали къ покойницѣ при ея жизни:

Спасетъ Богъ васъ, порода родовитая...

Вы любили налимную мою ягодку,

Почитали мою бѣлую лебедушку,

Почасту брали въ любимое гостибище (Бар.

119, 1 и д.).

Окруженная со всѣхъ сторонъ такими ласками и расположеніемъ родныхъ и родственниковъ, дѣвушка проводила свою дѣвичью пору самымъ веселымъ и беззаботнымъ образомъ:

Счастливая ты, дѣвушка, таланная,

Цвѣтнымъ ты платьемъ изнавѣшана,

Тяжелой ты работой не огружена,

Браннымъ ты словечкомъ не огрублена;

Во прыгу тебѣ ступистая лошадушка—

Днемъ ѣздитъ по унылымъ по свадебкамъ,

Вечеру да по смиреннымъ бесѣдушкамъ (Бар.

118, 15 и д.).

Однако жизнь дѣвушки далеко не была вѣчнымъ праздникомъ. И у этой веселой беззаботной жизни было свое горе, заставлявшее дѣвушку страдать и проливать ручьи слезъ. Причиной такого дѣвичьяго горя бываетъ иногда самъ отецъ. Это происходитъ при особенныхъ, правда, но все же не невозможныхъ обстоятельствахъ, напр. при ранней смерти жены. Похоронивъ жену, мужъ ищетъ себѣ другую, не думая или мало думая о томъ, что у него отъ первой жены есть уже взрослая дочь.

Вотъ новой-то женитьбы отца больше всего боится

дочь-дѣвушка, хорошо зная, что новая мать—не родная мать, а злая мачиха.

Ужъ какъ нашъ желанный батюшка,—
горюетъ дочь на могилѣ матери,—

Молодымъ да молодешенекъ,

Ужъ онъ ходитъ по бесѣдушкамъ

Да по тихимъ вечериночкамъ;

Приберетъ себѣ молодую жену,

Молодую жену—лютую мачиху (Бар. 71, 35 и д.).

Бываетъ, правда, и хуже этого. Иногда отецъ, задумавъ жениться, старается совсѣмъ раздѣлаться съ дочерью и выдаетъ ее замужъ, хотя бы она и не желала того. Пораженная до глубины сердца обидою, дѣвушка бѣжитъ на могилу матери, чтобы выплакать тамъ свое горе:

Ты скажи, родима матушка,

Мнѣ горюхѣ—бѣдной сиротѣ,

Приходилъ ли къ тебѣ батюшко,

Спросился ли онъ, доложилъ ли

Меня верстать да во чюжи люди,

На чужѣ дальну сторонущу....

Ужъ ты скрась-ко свадьбу горькую...

Да ты выкупи меня, выручи

Изъ неволюшки великія;

Мнѣ бы оцень не хотѣлося

Нонѣ итти да въ чюжи люди (Бар. 75, 35 и д.).

Приходится иногда дѣвущкѣ терпѣть обиду и со стороны брата родимаго. Такъ дочь жалуется отцу—покойнику на брата и его жену:

Обижаютъ они меня, сиротинушку,

Изнуряютъ они меня грубымъ словечушкомъ

(Шейнъ, 565, № 8, 21 и д.).

Одна только мать всегда любитъ дочь и никогда не обижаетъ ее!

Указанными только что исключительными случаями далеко не исчерпываются бѣды, омрачающія веселую жизнь дѣвущки. Если отецъ и братъ рѣдко, въ исключительныхъ только случаяхъ, бываютъ врагами дѣвущки, оскорбляя ее и заставляя лить потоки горькихъ слезъ; то ея всегдашній

врагъ о которомъ она не должна забывать ни среди смиренной бесѣдушки, ни среди веселаго гульбищечка, есть общество, спорядовые сосѣдушки, среди которыхъ она живетъ. Чтобы не оскорбить этого суроваго и безпощаднаго врага, дѣвушка должна всегда держать себя извѣстнымъ образомъ:

Да ты такъ води(?), бѣлая лебедушка,

Штобы вѣтрышки про насъ не навѣялись,

Понапрасну добры люди не набаялись,

Худой славы про тебя не насажали бы (Бар. 127, 41 и д.; другія подоб. мѣста см. *ibid.* 131, 5, 203, 150 и д.).

Не смотря, однако, на нѣкоторыя передраги, жизнь дѣвушки все же хороша, и она (т. е. дѣвушка) въ правѣ была сказать про свое житье-бытье:

Я въ обидушкѣ вѣдь е да не живала,

Про злодѣйную кручину не слыхала...

Въ играхъ и хороводахъ незамѣтно между тѣмъ пролетаетъ счастливое, беззаботное времячко и незамѣтно настаётъ полный возрастъ дѣвушки, т. е. двадцать лѣтъ, когда она должна распрощаться съ своею вольной волюшкой и уступить свое мѣсто въ хороводѣ другой дѣвушкѣ, такой же юной и беззаботной, каковою была прежде сама. (Бар. 130, 124—125).

Этотъ важный періодъ въ жизни дѣвушки въ причитаньяхъ не имѣетъ такого грустнаго характера, какимъ отмѣчается онъ въ др. бытовыхъ пѣсняхъ, напр. свадебныхъ и т. п. Правда, по свидѣтельству причети, мужа выбираютъ родители, а не дочь; но выборъ этотъ дѣлался не зря, а такъ, что женихъ былъ дочери по разуму:

Мои милыи, желанныи родители

Тутъ повыбрали судимую сторонушку,

Мнѣ по разуму блада (млада?) сына отецьскаго.

(Бар. 8, 41 и д.).

Тѣмъ не менѣ чужая судимая сторонушка рисуется въ причитаньяхъ не свѣтлыми красками: какъ и въ другихъ бытовыхъ пѣсняхъ, она представляется разлучающей съ родными. Тутъ возникаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣвушка идетъ замужъ за человѣка, который ей

по разуму, то отчего же ей страшиться дальней, чужой стороны? Въ свадебныхъ пѣсняхъ невеста большею частію горюетъ при мысли о чужой сторонѣ потому, что ей не правится ея суженый и она не ждетъ на чужбинѣ ничего хорошаго. Чѣмъ же объяснить такое противорѣчіе въ причитаньяхъ?

Любовь мужа и къ мужу еще не уничтожаетъ всѣхъ опасностей, которыя ждутъ невесту на чужой сторонѣ. Такъ, напр., она не знаетъ, будутъ ли ее любить родители мужа такъ же, какъ онъ ее любитъ (Бар. 90, 65). Далѣе, замужество, налагающее на дѣвушку извѣстнаго рода обязанности, конечно, кажется непригляднымъ, по сравненію съ порою дѣвчества; а такъ какъ этотъ неприглядный періодъ проходитъ на чужой сторонѣ, то она и не возбуждала особой симпатіи къ себѣ. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что жалобы дѣвушки на чужую сторону не всегда бываютъ искренни, — часто онѣ лишь только слѣдствіе укоренившагося обычая. (См. ст. О. Миллера, Фил. Зап. 1872 г., 16—17).

Послѣ выбора родителями для своей дочери сына отецскаго, она оставляетъ родительскій домъ, ѣдетъ на чужую сторону и начинаетъ новую жизнь въ новой для нея обстановкѣ. Отсюда начинается новый, второй періодъ въ жизни женщины, періодъ замужества. Посмотримъ же, какъ изображается по причитаньямъ положеніе женщины въ этомъ періодѣ ея жизни.

2) ПЕРІОДЪ ЗАМУЖЕСТВА.

Стелется—вьется

По лугамъ травка зеленая,—

Андрей жену цѣлуетъ

Васильевичъ милуетъ.

Выходя замужъ по своей охотѣ и склонности, дѣвушка, ставъ женой, естественно, должна любить мужа. Дѣйствительно, причитанья не представляютъ намъ ни одного случая, гдѣ бы выказывалась нелюбовь жены къ мужу; нигдѣ мы не встрѣчаемъ здѣсь и малѣйшихъ признаковъ ра-

дости жены по случаю смерти мужа. Напротивъ, смерть мужа—величайшее несчастье для жены и не потому только, что она приноситъ разстройство всему хозяйству. Что не одинъ матеріальный расчетъ заставляетъ жену любить мужа, это видно изъ слѣд. словъ плача:

Хоть осталася и домовая нонь жирушка,

И понадолго золотой казны безсчетныя,—

Хуже нищей я калики переходя... (Рыб. Ш,
415, № 2, 30).

Искренняя, чистая любовь жены къ мужу сказывается также въ массѣ тѣхъ нѣжныхъ названій, которыя даются въ плачахъ покойнику—мужу: жена не знаетъ для мужа другихъ названій, какъ милый-ладушка, надежная головушка, милая любимая семеюшка, дружокъ милый и пр. Наконецъ, ужели не страстная любовь жены къ мужу слышится въ такихъ словахъ ея:

Вы спишите-ка законную семеюшку...

Бѣло личико пишете со очамы,

Вы головушку со черными бровами...

Какъ стоснется по законной по семеюшкѣ,

Такъ держать бумаженку написану,

Буду день держать во бѣлыхъ во рученькахъ,

Уже въ ночь да у ретливаго сердечушка,

Я на нѣжныя груди да на ретливыя. (Рыб. Ш,
415, 39 и д.).

Мужъ платитъ женѣ такой же любовью: онъ никогда ничемъ не обижаетъ ея и бываетъ сильно удивленъ, видя жену въ слезахъ:

Што заплаканы, голубко, у ты очюшки?...

Ты живешь, кажись, во всемъ да удовольствіи;

Я словечушкомъ тебя не обижаю,

На рабушкѣ тебя не истомляю. (Бар. 146 —
147, 168 и д.).

Помимо любви онъ оказываетъ ей полное довѣріе, совѣтуется съ нею, считая ее своею помощницею и другомъ. У мужа, лишившагося жены, прямо спрашиваютъ:

Съ кѣмъ-то думать будешь крѣпку эту думушку?

(Бар. 82, 22).

Послѣ этого нисколько не покажется удивительнымъ слѣд. признаніе жены:

Какъ жила я съ надежной головушкой,
Была счастлива вѣдь я да все таланная... (Бар.
7, 27 и д.).

или:

За семейшкой мнѣ жирушка господская,
Отъ законной я сдержавы не обижена (ibid.
143, 61 и д.).

Понятно, что смерть, похищая мужа и разрушая такую прекрасную семейную жизнь, причиняетъ невыразимое горе женѣ, которая вполнѣ искренно признается мужу покойнику:
Я тебя не отдала бѣ (подраз. смерти), законная семейшкa,
Я бы отдала сердечныхъ своихъ дѣтушекъ. (Рыб.
Ш, 412, 60).

Выходъ замужъ и женитьба по разуму не обезпечиваютъ, впрочемъ, еще счастливой супружеской жизни. Первоначально возникшее сильное чувство можетъ съ теченіемъ времени остынуть: мужъ можетъ разлюбить жену, если она окажется не такою, какою должна быть хорошая жена, равно какъ и жена можетъ охладѣть къ мужу, если онъ не даетъ того, чего отъ него она ждала. Какъ мужъ, такъ и жена должны взаимно удовлетворять извѣстному идеалу, чтобы ихъ семейная жизнь проходила вполнѣ счастливо. Такъ жена, чтобы быть достойною любви мужа, должна удовлетворять слѣд. идеалу:

Была умная семья твоя любимая,
Обходимая со добрыма со людюшкамъ,
Какъ уцлива со породой именитой;
Была на слово она да не спѣсивая
На ричахъ была она да небросливая,
Остудушки въ семьѣ не возводила,
Безотвѣтна была бѣлая лебедушка,
Почитала богоданныхъ родителей,
Воскликнула богоданну свою матушку (Бар. 82,
27 и д.).

(Отъ мужа требовалось неменьше: помимо доброты, ла-

сковости въ обхожденіи съ женою, онъ долженъ быть прежде всего защитникомъ и настоящимъ хозяиномъ, разумною головошкой, которая бы искусно управляла домою-жирушкой. Если мужъ не удовлетворялъ такому идеалу, то терялъ расположеніе ея, и жизнь бѣдной женщины въ такомъ случаѣ была одно безысходное горе:

Да я шесть жила учетныхъ за нимъ годышковъ
Онъ вѣдь темныя то ноченьки прохаживаль,
До полуночи онъ вечера просиживаль
По этимъ по царевымъ большимъ кабакамъ,
Испиваль да онъ хмѣльны эти напитокки;
Со двора пропиль любимую скотинушку,
Со конюшеньки смѣняль да коня добраго,
Заложилъ да онъ участки деревенскіи,
Запродалъ да онъ лугови эти поженьки,
Всю онъ пропиль золотую казну безсчетную.

(Бар. 274, 66 и д.).

Неудивительно, если охладѣвшая къ такому мужу жена просила у Бога его смерти:

Тутъ я тяжаго грѣха-то залучила,
Мужу скорую смеретушку молила. (Бар. 272,
35—36.).

Выставленный выше идеалъ жены вполне достаточенъ былъ для счастливой семейной жизни лишь тогда, когда мужъ ея жилъ внѣ своей семьи. Если же онъ имѣлъ родителей, то иногда нужно было женщинѣ имѣть весьма многое, чтобъ жизнь въ чужой семьѣ была—не говорю—равна жизни въ родительскомъ домѣ, но сколько-нибудь сносна. Конечно, если жена была по уму и разуму не только своему мужу, но и его родителямъ (Бар. 240, 66 и 67); если родители мужа были очень добры (*ibid.* 235, 25 и д.) и желали быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ жениной семьей (*ibid.* 242, 22 и д.), то жизнь ея была прекрасна. Если же, напротивъ, родители мужа были люди суровые и задорные, то жена могла снискать ихъ расположеніе къ себѣ, только удовлетворяя слѣд. идеалу невѣстки:

Благоразумная вѣтляная невѣстуха—

У мня умное сердечно это дитятко;

Не давать воли семьѣ своей любимой,
 Почитать меня задорну богоданную,
 Она матушкой меня да взвеличаетъ
 И родителью меня да восклицаетъ;
 Запоходить на родиму когда родину,
 Доложится у побѣдной головушки (Бар. 238,
 13 и д.).

Согласенъ, что представленный только что идеаль жены (невѣстки) нѣсколько подходитъ подъ идеаль жены XVI в., рисуемый Домостроемъ, но въ причитаньяхъ тѣмъ не менѣе нигдѣ не высказывается никакой горечи, ни какихъ жалобъ на такія, по видимому, тяжелыя требованія. Не пускаясь въ предположенія, что, быть можетъ, эти требованія, какъ вообще все идеальное, значительно смягчались при столкновеніи съ дѣйствительностью, укажу на слѣд. любопытное явленіе, встрѣчающееся въ нашей похоронной причети. Дѣвушка, рисуя весьма непривлекательными красками чужую сторону до выхода замужъ (Бар. 20, 74—90), ставъ женой и поживъ на судимой сторонѣ, въ концѣ-концовъ приходитъ къ заключенію, что чужая сторона не такъ страшна, какъ ей казалось прежде, что она краше родимой родинки.

Все хвалится моя бѣлая лебедушка
 Она этой сторонѣ судимой,
 Удобрять да богоданну тебя матушку.
 Лучше-краше мнѣ дѣвицьяго живленьца
 На судимой, скаже, этой сторонѣ (Бар.
 236, 14 и д.)—

такъ признавалась своей матери вышедшая замужъ дочь.

Счастливая супружеская жизнь, къ сожалѣнію, не вѣчна, какъ и все земное. Счастье замужней женщины нерѣдко проходитъ очень быстро: смерть навѣки разлучаетъ ее съ тѣмъ, кого она такъ любила, кѣмъ и для кого жила, однимъ словомъ, съ тѣмъ, кому она, выражаясь поэтически, „все отдала—и страсть, и молодость, и волю“.

Потеря такого человѣка, естественно, была очень тяжела; она сильно поражала умъ и сердце женщины, при-

чиняла ей безысходное горе, приводя къ мучительно-горькому сознанию истины словъ поэта:

Что было, то не будетъ вновь...

Помимо сердечнаго горя, сколько бѣдъ житейскихъ, сколько оскорбленій нравственныхъ и физическихъ предстояло въ недалекомъ будущемъ бѣдной вдовѣ! Эти-то грядущія бѣды всякаго рода, безъ сомнѣнія, и сообщили народной фантазіи тѣ мрачныя краски, которыя густымъ сло-емъ наложила она, при изображеніи вдовьей жизни.

Изображенію этой вдовьей, полной безысходнаго горя тоскующей женщины, жизни отведено весьма значительное мѣсто въ нашей похоронной причеті; причемъ изображеніе это такъ художественно вѣрно дѣйствительности и производить вслѣдствіе своего мрачнаго характера такое подавляющее впечатлѣніе, что назвать причитанья поэзіей горя и слезъ было бы едва ли большою погрѣшностью.

На сколько мнѣ извѣстно, частный вопросъ о положеніи вдовы почти не затрогивался лицами, касавшимися этого вопроса; между тѣмъ этотъ періодъ въ жизни женщины, который я считаю третьимъ, представляетъ немалый интересъ, какъ это видно будетъ изъ послѣдующаго.

3) ПЕРІОДЪ ВДОВСТВА.

Не славны живутъ дома безхозяйскіе,

Не въ почетѣ будутъ женушки безмужнія.

Никому такъ не гирко жить, якъ бидній вдови.

Послѣ смерти мужа у вдовы тотчасъ возникаетъ вопросъ, куда ей теперь дѣться съ дѣтьми: остаться ли на чужой сторонѣ, среди родни мужа, или же возвратиться на родимую родинку. Вотъ какіе, напр., вопросы задаетъ тетка-вдова своей племянницѣ:

Ты придай мнѣ ума-разума въ головушку,

Еще розмыслу въ ретливое сердечушко:

Гдѣ работушка побѣдной работать буде,

Горько молодость побѣдной провожать мнѣ-ка?

Аль даваться на родиму мнѣ на родинку,

Аль кориться свѣтушкамъ-братнамъ родимымъ?

Согрѣваться у кирпичной твоей печеньки?

Мнѣ съ кого глядѣть довольныхъ этихъ хлѣбуш-
ковъ? (Бар. 226, 5 и д.).

Зная, что на родимой родинкѣ жизнь ея не будетъ красна, что ее зовутъ туда родные, надѣясь пріобрѣсть въ ней хорошую рабочую силу (*ibid.* 227, 30 и д.), она рѣшается остаться на чужой сторонѣ, среди родныхъ мужа, рассчитывая, что они примутъ ее:

Не поѣду я со мужьяго помѣстьяца...

Поживу въ своемъ хоромномъ строеньицѣ

Въ послушаницѣ у брата сдвуродимаго;

Вскормитъ онъ до древней меня старости,

Обуетъ мои рѣзвыи онъ ноженьки;

Не наскучатъ имъ сердечны мои дѣтушки...

Впрочемъ, вдова не всегда могла такъ свободно выбирать мѣсто своего жительства, (Бар. 227, 44 и д.). Иногда, чтобы остаться на родинѣ мужа, гдѣ все напоминало ей счастливое прошлое, гдѣ она могла, придя на могилу, пріютившую дорогой трупъ, излить въ слезахъ накопившую на сердцѣ тоску и горечь, вдова должна усиленно просить родню мужа объ этомъ, — иначе они могутъ не принять ее въ домъ — жирушку. И на какихъ только условіяхъ она ни согласна остаться!

Вы послушайте-тко, братцы богоданныи!

Не заprite-тко новыхъ сѣней рѣшетчатыхъ,

Не задвиньте-тко стекольчатыхъ околенокъ,

Допустите до хоромнаго строеньица;

Вы возьмите-тко побѣдную головушку,

Вы во дворъ меня, горюшицу, коровницей,

Вы во зимное гумно да въ замолотчики,

Вы во лѣтныи меня да во работники;

Золотой казны вы мнѣ да не платите-тко,

Только грубымъ словечкомъ не грубите-тко,

Къ дубову столу меня да припустите-тко,

Не прощу да я побѣдна горепашаца

Со полосыньки у васъ да я долиночки

Не со поженьки у васъ да я третиночки,

Половины со хоромнаго строеньица

И не пѣю (=третья часть) со любимой скотинушки;
Я о томъ прошу, побѣдная головушка,—
Вы обуйте столько рѣзвы мои ноженьки,
Вы одѣньте столько бѣлы мои плечушки. (Бар.
31, 1 и д.).

Впрочемъ, желанье остаться на родинѣ мужа не всегда высказывается вдовой, потому что родные мужа не всегда бываютъ добрые люди.

Ужъ мнѣ гдѣ искать желаньица? (т. е. попеченія, любви)—спрашиваетъ вдова у мужа-покойника и отвѣчаетъ:

Ужъ не надѣюсь я, бѣднушка,
Найти въ твоихъ братцахъ родимыхъ
И въ родителей—батьшкѣ,
И въ добротушкѣ—матушкѣ. (Рыбн. Ш, 420,
№ 7, 9.).

Въ крайне критическое положеніе становится иногда бѣдная женщина по смерти мужа: жить вмѣстѣ съ враждебно-настроенною противъ нея роднею мужа она не можетъ, но не можетъ возвратиться и на родимую родинку, потому что—

.... не гостыней на родинкѣ гостить буде;
Я отъ бережка, горюша, откачнулась,
Я ко другому побѣдна не прикачнулась. (Бар.
31, 189—191).

Приходилось, такимъ обр., изъ двухъ золъ выбирать меньшее: вдова чаще выбирала родину мужа, вѣроятно, вслѣдствіе того, что тутъ оставалась для нея хоть какая-нибудь утѣха—могилушка любимая, гдѣ она могла вдоволь поплакать. А какъ жестоко подѣ часъ приходилось вдовѣ платиться за это скромное удовольствіе, — это видно изъ слѣд. словъ плача:

Ужъ какъ я, бѣдна кручинная головушка,
Опришена (=отрѣшена) отъ любимой отъ семейшки...
Отрѣшилась самоваровъ я шумячихъ:
Не за цѣмъ-то вѣдь я да угощаюся—
Я горючими слезами обливаюся,
Я крестьянской работой забавляюся...
Потихошеньку къ дверямъ да подходить стану...

Сговорю да свѣтамъ братцамъ богоданнымъ:

Скороль идете за столъ да хлѣба кушать?

Засвирипятся вѣтляны тутъ нешутушки

На меня да на кручинную головушку...

Они искоса вѣдь вси тутъ запоглядываютъ. (Бар. 40—41, 109 и д.).

Но претерпѣвая всякія обиды со стороны родни мужа, вдова не можетъ ни съ кѣмъ изъ сосѣдей подѣлиться своимъ горемъ, потому что сосѣди—болтливы, перескажутъ все кому надобно, — и тогда положеніе ея станетъ еще невыносимѣе:

Много множество кручины принакопится,

Сдержи да на ретливомъ ты сердечушкѣ;

Бѣдна почасти къ сусѣдамъ не похаживай,

Про кручинушку сусѣдамъ не рассказывай,

Ты не жалуйся на брата сдвуродимаго,

Не жалуйся на свирѣпу свою матушку;

Нонь сусѣдушки по мнѣ да не смолчливия,

Донесутъ моимъ желаннымъ родителямъ;

Тутъ свирипиться желанной буде батюшка,

Пойде гордость у родителя—у матушки...

Стане по избы родитель моя смахивать...

Наговорамы она да наговаривать,

Надавать буде обиды къ ретливу сердчу. (Бар. 221, 34 и д.).

Мало того. Даже выплакать свое горе ей нельзя явно, нужно скрываться и тутъ, чтобы не увидѣлъ никто изъ родни мужа или изъ сосѣдей, которые не замедлятъ передать объ этомъ роднымъ:

Проливаю тутъ я слезы на сыру землю;

Я правой ногой горюци заступаю,

Штобъ не видѣли сусѣды спорядовыи,

Што заплаканы вѣдь ясны мои очюшки,

Што утерто мое бѣлое это личушко;

Не сказали бы тутъ братцамъ богоданнымъ,

Не шепнули бы вѣтлянымъ невѣстушкамъ,

Все остудушки въ семьѣ не заводили бы. (Бар. 43, 185 и д.).

Какъ ни тяжело вдовѣ перебиваться съ дѣтьми послѣ смерти мужа, все же она счастливѣе вдовы, дѣтей неимѣющей: тогда не съ кѣмъ раздѣлять свою великую кручинушку, не передъ кѣмъ выплакать свою тоскичку. Такъ племянница, обращаясь къ вдовѣ-теткѣ, не имѣющей дѣтей, говоритъ:

Нѣтъ сердечныхъ роженныхъ у тя дѣтушекъ...

На раздѣй *) нѣту великой кручинушки. (ibid. 224, 144 и д.).

До сихъ поръ мы рассматривали положеніе вдовы, имѣющей дѣтей и жившей въ домѣ родителей мужа. Но бываютъ вдовы, находящіяся, въ иномъ положеніи: мужъ живетъ часто отдѣльно отъ своихъ родителей и умирая, оставляетъ вдовѣ въ полное владѣніе хорошо устроенное и даже богатое хозяйство, такъ что она въ матеріальномъ отношеніи ни отъ кого не зависитъ. Это—весьма важное преимущество, потому что бѣдственное положеніе вдовы въ семьѣ мужа происходитъ большею частью отъ ея матеріальнаго необезпеченія. Такъ племянница, рисуя своей теткѣ-вдовѣ ея грядущее печальное положеніе, указываетъ, какъ на причину этого, ея оплошность: она при жизни мужа не озаботилась утвердить за собою часть имущества:

Спировалась ты, побѣдна моя дяденька;

Была въ живности любима какъ семеюшка,

Ты завѣту у него да испросила бы,

Хоть третиночки во малыхъ бы въ поженькахъ,

Хоть бы треть во любимой скотинушкѣ;

Почитали бъ тебя сродчи, милы сроднички,

Не обидили бъ побѣдную головушку
(Бар. 220, 8 и д.).

И все-таки положеніе независимой въ матеріальномъ отношеніи вдовы было не особенно хорошо. Она не могла съ такимъ умѣньемъ управлять хозяйствомъ, съ какимъ это дѣлалъ мужъ, отъ чего оно приходило въ разстройство:

*) т. е. нѣтъ у тебя дѣтей, съ которыми бы ты раздѣляла кручинушку.

Какъ послѣ тебя, любимая семеюшка,
 Всѣ рѣшились у насъ улочки рядовыя,
 Раззорились у насъ лавочки торговыя,
 Придержалась золота казна безсчетная,
 Прискудалась крестьянская наша жирушка,
 Задерпили всѣ распашисты полосушки,
 Лѣсомъ заросли луговы наши поженьки. (Бар.
 184, 15 и д. Другія мѣста, сюда относящіяся
 см. *ibid.* 14, 10 и д., 251, 75 и д.).

Кромѣ того, независимая въ матеріальномъ отношеніи
 вдова находилась въ зависимости отъ порядовыхъ сусѣ-
 душекъ, т. е. отъ того общества, среди котораго ей при-
 ходилось проводить свою жизнь.

Дѣло въ томъ, что по смерти мужа сразу измѣнялось
 къ худшему общественное положеніе жены: къ ней уже не
 относились съ такимъ почтеніемъ, какъ это было при жизни
 мужа:

За тобой жила надежной какъ головушкой,
 Почитали спорядовы вси сусѣдушки,
 Поклонъ воздали жены мнѣ-ка мужніи,
 Теперь нонѣ живу кручинная головушка,
 Боящи хожу по широкой по улочкѣ,
 Торопясь я ко споряднымъ сусѣдушкамъ,
 На сръканьце все добрымъ-то молодушкамъ;
 Куды спѣсь да моя гордость подѣвалася,
 Што головушка моя да приклонилася (Бар.
 186, 70 и д.).

Однимъ словомъ, жена по смерти мужа должна дер-
 жать себя въ отношеніи окружающихъ ее людей совершенно
 иначе, зная, что теперь у нея нѣтъ защитника:

Видно, жить мнѣ безъ надежной вѣкъ семеюшки,
 Знать, коротать мнѣ, горюшѣ, свою молодость,
 Мнѣ не дать спѣси во бладу во головушку,
 Суровѣства да во ретливое сердечушко;
 Мнѣ въ веселый часъ горюшѣ-не смѣяться,
 Мнѣ кручинной быть горюшѣ-неплакати. (Бар.
 39, 60 и д.).

Если же вдова поведетъ себя иначе, то ее будетъ

преслѣдовать общество грубымъ и возмутительнымъ, но иногда имѣющимъ великую силу средствомъ—пересудами и переговорами. Вдова, по мнѣнію спорядовыхъ сосѣдей, не должна знать красныхъ деньковъ; она не можетъ появляться по прежнему наряженной на народныхъ собраньяхъ и гуляньяхъ,—иначе ее всѣ осудятъ:

Какъ поитить мнѣ ко Бладычному ко праздничку,
Подивуютъ мнѣ-ка добрыи вѣдь людюшки,
Што забыла, знать, любимую семеюшку,
Все гулять да у Бладычныхъ у праздничковъ
Во любимой во спорядной покрутушкѣ;
Знать, приманывать удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Знать на радости она да на весельицѣ. (Бар.
38, 43 и д.).

И затѣмъ пойдутъ спорядовые сосѣди и особенно сосѣдки чесать свои праздные языки насчетъ несчастной вдовы. Конечно, сплетни для праздныхъ сосѣдокъ—пріятное занятіе, но сколько страданій причиняютъ онѣ вдовѣ! Особенно трагично въ этомъ случаѣ положеніе молодой вдовы.

Какъ бы ни любила она мужа, какъ бы ни было сильно ея горе по случаю утраты его,—все же тоска ея не можетъ длиться вѣчно. Все уничтожающее и сглаживающее время оказываетъ свое дѣйствіе и на ея чувство:

Какъ послѣ своей любимой семеюшки
Затюремничкой вѣдь ты да не насѣдишься,
Прозабудешь всю великую кручинушку,
Пооставишь всю злодѣйную обидушку (Бар.
22, 7 и д.).

Такъ бываетъ весьма часто, если не всегда... и поэтъ былъ правъ, когда пѣлъ—

Увы! утѣшится вдова...

И вотъ въ это-то самое время, когда вдова начинаетъ утѣшаться, ей особенно нужно быть осторожной, чтобъ не погубить себя безвозвратно. Вотъ какъ рисуетъ одинъ плачъ это опасное положеніе молодой вдовы:

Не носи да свое цвѣтное ты платьицо,
Не держи да ты любимой покрутушки,
Ты не крась да свое бѣло это личушко,

Будутъ зариться (=засматриваться) вѣдь многи
 столько людושки,
 Приласкаться то удалы стануть молодцы,
 Будутъ ласково тебя да уговаривать:
 „Што возростимъ мы сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ,
 Воспитать тебя мы будемъ мать безмужнюю“.

Какъ пріятно вдовѣ слышать выраженіе такого къ ней участія! Но она должна больше всего бояться этого участія, ибо оно не искренне, и высказывающіе его опасны, какъ Данайцы, дары приносящіе...

Не окинься, бѣдна вдовушка молодая,
 Ты на злыхъ на удалыхъ, добрыхъ молодцевъ,
 На баску ихъ молодецкую походочку,
 На ихъ цвѣтно ты гулярное на платицо, —
 Не окинься на красу-басу съ убожествомъ,
 Не на желтыи, завивныи кудерышки,
 На учливу, чваковиту (=нѣжную) поговорюшку,
 Не прикинься къ ихнимъ ласковымъ словечушкамъ,
 Живутъ ласковы словечушки обманчивы
 И прелестной разговоръ ихъ да насмѣшливой;
 Съ уму съ разуму оны тебя повыведуть,
 Ты терпѣть будешь, печальна, худу славушку.
 (Бар. 22, 11 и д).

Вообще молодая вдова должна по возможности удалаться отъ всего, могущаго навлечь на нее худую славу. Какъ должна жить молодая вдова по смерти мужа, — это образно выражено въ слѣд. плачѣ.

Пришло три пути, широкихъ три дороженьки, — вопить молодая вдова на могилѣ мужа, —

Ужъ какъ первый путь — широкая дороженька
 Во улички она да во рядовыя,
 Во лавочки она да во торговыя;
 Какъ другая путь — широкая дороженька —
 Во церковь эту Божью посвященную;
 И какъ третья путь — широкая дороженька
 На эту на могилушку умершую —
 Ко моей она надежной головушкѣ.

Изъ этихъ трехъ дороженекъ молодая вдова должна знать только двѣ послѣднія и особенно должна остерегаться первой, потому что —

.... во лавочкахъ купцы стоятъ молоды,
На словахъ оны купцы да вѣдь ученые,
На лицо оны вѣдь е да всѣ ласковыи;
Какъ на двухъ оны словахъ приоббають,
На учливыхъ рѣчахъ да приласкають. (Бар.
25, 6 и д.).

Увлечется вдова молодая ласковыми разговорами, за-смотрится на купцовъ молодыхъ; а злая сплетня ужъ тутъ какъ тутъ, — и пойдетъ худая славушка про горемычную... А разъ падеть вдова, разъ пройдетъ про нее нехорошая слава, — всѣ отшатнутся отъ нея — и родные и сосѣди. (Бар. 23, 38—39). Кто не знаетъ, какъ жестоко караетъ наше общество падшихъ иногда по его собственной винѣ женщинъ!

Припоминая картину всей горестной жизни вдовы, мы найдемъ вполнѣ естественнымъ высказываемое ею раскаяніе въ томъ, что она вышла замужъ:

Кабы знала про несчастное живленьице,
Я въ законъ то, горюща, не вступала бы,
Я замужица себѣ не залучала бы...
Я сошла бы въ пустыню Богомольную,
Гдѣ вѣдь дѣвушки спасаются,
Гдѣ старушки постригаются. (Бар. 182, Зот. и д.).

Итакъ, къ какому же заключенію мы должны придти, обозрѣвъ положеніе женщины въ трехъ періодахъ ея жизни по одному изъ отдѣловъ бытовыхъ пѣсень русскаго народа — похороннымъ причитаньямъ?

Мы видѣли, что положеніе женщины въ двухъ періодахъ — дѣвствѣ и замужествѣ — весьма завидное: она любима и любить, окружена заботами и ласками любимыхъ и любящихъ людей; если же жизнь ея не всегда течетъ спокойно, то кто же на грѣшной землѣ живетъ безъ тревоженій и горя?! Во всякомъ случаѣ мы не можемъ назвать такое положеніе женщины безотраднымъ и считать его похожимъ на

то, какое изображается въ другихъ отдѣлахъ бытовыхъ пьсень. Причитанья, правда, проникнуты глубокою грустью; но источникъ ея не несчастное положеніе женщины, а утрата положенія счастливаго. Только положеніе вдовы изображается мрачными красками въ нашей похоронной причети, только она одна льетъ потоки горькихъ слезъ и призываетъ къ себѣ скорую смерть. Дѣйствительно, положеніе вдовы нельзя считать завиднымъ; въ отношеніи общества къ безотвѣтной вдовѣ сказывается еще очень много грубости и дикости, не смотря на то, что положеніе женщины въ первыхъ двухъ періодахъ ея жизни свидѣтельствуетъ о значительной мягкости нравовъ. Что похоронная причеть справедлива въ изображеніи грустной картины вдовой жизни, въ этомъ, полагаю, никто не усумнится. Кто изъ насъ не знаетъ, сколько нравственныхъ и физическихъ униженій, сколько матеріальныхъ лишеній терпятъ вдовы дней нашихъ; сколько страданій причиняютъ имъ сплетни современныхъ намъ спорядовыхъ сосѣдей и сосѣдокъ! И кто изъ насъ не согласится, что къ теперешней еще вдовѣ вполнѣ примѣнимы слѣд. слова поэта, сказанныя имъ по другому поводу:

Тяжелый крестъ достался ей на долю:

Страдай, молчи, притворствуй и не плачь!...

С. Брайловскій.

Нѣжинъ, 1885 г. Май.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПО ПОВОДУ ПРЕПОДАВАНІЯ СЛОВОПРОИЗВОДСТВА.

Съ выходомъ въ свѣтъ академическаго „Русскаго Правописанія“ и съ принятіемъ его въ видѣ обязательнаго руководства во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, обученіе въ школахъ словопроизводству сдѣлалось настоятельною необходимостію. Въ этомъ „Правописаніи“ цѣлая глава „О переносѣ частей слова изъ строки въ строку“ (§ 98—99) предполагаетъ, какъ неизбежное условіе правильнаго переноса, знакомство съ составомъ и образованіемъ словъ, въ противномъ случаѣ пишущій шагъ не ступить, не сдѣлавъ ошибки. А кому же не приходится переносить въ новую строку части слова, не умѣщающагося цѣликомъ въ предъидущей строкѣ? Приходится и ученику I-го класса, и приготовительнаго, и начинающему учиться грамотѣ. Конечно, нельзя требовать, чтобы обученіе словопроизводству предшествовало обученію грамотѣ, но чѣмъ раньше оно будетъ начато, тѣмъ лучше.

Надо отдать справедливость „Русскому Правописанію“: оно неимоვნно высоко держитъ знамя науки, такъ высоко, что пишущему предоставляетъ дѣлить на части двояко почти только тѣ слова, которыя искажены, или составъ коихъ неясенъ (99, ₂). Значитъ, если составъ слова ясенъ (ученымъ филологамъ, конечно), то каждый способъ раздѣленія слова, несогласный съ правилами „Русскаго Правописанія“, можно считать болѣе или менѣе грубой ошибкой. А правила эти таковы, что разобраться въ нихъ едва ли въ пору и не гимназисту. Во 1-хъ, нѣтъ ни одного правила настолько общаго и неизбежнаго, чтобы оно соблюдалось во всѣхъ случаяхъ переноса и не было ниспровергнуто которымъ нибудь изъ остальныхъ правилъ; во 2-хъ, для переноса простыхъ словъ — правила однѣ, а для переноса сложныхъ словъ правила совершенно другія, болѣею частію не согласованныя съ первыми, такъ что при столкновеніи въ одномъ и томъ же

случаѣ двухъ различныхъ правилъ неизвѣстно, которому слѣдуетъ отдавать преимущество; въ 3-хъ, почти каждое правило обставлено такимъ множествомъ условій, что всѣ ихъ соблюсти въ каждомъ случаѣ переноса весьма трудно: удовлетворишь одно условіе—нарушишь другое, погонишься за двумя условіями—прозѣваешь третье и т. п. Приведемъ нѣскольکو примѣровъ.

Ученику приходится перенести, положимъ, слово *масло*. Онъ не знаетъ еще, что корень *мазать*, а *ло*—наставка (суффиксъ) и, руководствуясь 6 п. 98 §, дѣлитъ его такъ: *ма-сло*. Ошибка противъ 4 п. того же §. Другой знаетъ составъ этого слова, но его смущаетъ буква *с* вмѣсто *з*, которому по-настоящему слѣдовало бы здѣсь быть. Отнести ли это *с* къ корню, или же считать его нераздѣльнымъ спутникомъ наставки *л*: *весло*, *свясло*, *кресло*, *послѣ* и т. п? Вѣдь переходъ *з* въ *с* не оговоренъ въ фонетикѣ. Станетъ ученикъ ломать голову, а тутъ думать некогда, нужно писать дальше,—и онъ переноситъ слово на-угадъ и какъ разъ ошибочно.

Вотъ другой случай. Нужно перенести слово *пастухъ*. 5-ое правило § 98 гласитъ: „раздѣленіе двухъ или нѣсколькихъ стоящихъ сряду согласныхъ, изъ которыхъ ни одна не принадлежитъ къ суффиксу, зависитъ отъ свойства этихъ буквъ“ и т. д. Въ словѣ *пастухъ* корень *пас*, а буква *т* должна быть отнесена къ суффиксу. Очевидно, что при раздѣленіи его на слоги нужно руководствоваться 4 правиломъ того же § („суффиксы, начинающіеся согласною и составляющіе слогъ, переносятся въ другую строку“),—и переноситъ такъ: *пас-тухъ*, *пас-ти*, *паства*, *пас-тъба*, *пас-тбище* и т. п.—Слово *завтра* также возбуждаетъ сомнѣнія. Раздѣливъ его такъ: *зав-тра*, мы нарушимъ правило 1 § 99, запрещающее относить коренныя буквы къ префиксу; раздѣленію же—*за-втра* мѣшаютъ многія соображенія, между прочимъ и то, что *в* замѣняетъ здѣсь *у* на такомъ же точно основаніи, какъ и въ словахъ: *авторъ*, *Кавказъ* и т. п., въ которыхъ однако *в* нельзя отдѣлять отъ *а*: „согласная *в*. употребленная для передачи греческой *ο* или латинской *u* передъ другою согласной, относится къ

„предъидущему слогу“ (98, 9). Но о согласной *в*, замѣняющей русское *у*, ничего не сказано.

Третій случай. Какъ перенести слово *ободьямъ*, предполагая, что въ этомъ словѣ коренная согласная *в* выпала послѣ представки *об*?—Перенести *об-одьямъ* нельзя, потому что „если послѣ предлога, оканчивающагося согласною, выпущена коренная согласная, то слѣдующая за нею гласная не можетъ начинать слога“ (99, 4). Такой переносъ—*ободьямъ* нарушаетъ категорическое правило (88, 12), утверждающее, что „гласная *я* отдѣленная еремъ отъ согласной, составляетъ съ нею одинъ слогъ и не можетъ быть безъ нея переносима въ другую строку“. Остается не запрещеннымъ только одинъ способъ раздѣленія этого слова, именно, *обо-дьямъ*. Такъ бы и раздѣлили его каждый грамотей, не знающій никакихъ правилъ, но для ученика именно такое дѣленіе и послужитъ камнемъ претыканія. Онъ привыкъ отдавать себѣ отчетъ въ составѣ каждаго переносимаго слова (99, 1), и чутье состава этого слова достигло въ немъ такой степени напряженія, что отдѣлить завѣдомо коренное *о* къ представкѣ *об*.—отчего эта представка получить полногласный видъ, какъ въ словахъ *обо-гнать*, *обо-братъ* и т. п., а коренное *о* почувствуется совсѣмъ потеряннымъ для корня,—ученикъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшится, хотя и не дастъ себѣ яснаго отчета, что собственно мѣшаетъ ему такъ поступить. Какойнибудь случайный прецедентъ, въ родѣ, напр., подчеркнутаго учителемъ въ одномъ изъ прежнихъ упражненій неправильнаго переноса слова *обо-стрить*, гдѣ ученикъ по всему естественному недоразумѣнію считалъ коренное *в* выпущеннымъ (*вострый*, *наострить*—многіе пишутъ, а говорятъ почти всѣ); окончательно склоняетъ ученика къ тому убѣжденію, что переносъ *обо-дьямъ* такъ же непозволителенъ, какъ и переносъ *обо-стрить*,—и въ концѣ концовъ является ошибочное дѣленіе: *об-одьямъ*.

Все это я говорю не къ тому, чтобъ обнаружить слабые стороны въ правилахъ „о переносѣ частей слова изъ строки въ строку“; правила эти безукоризненны въ научномъ отношеніи, но, какъ всякое теоретическое построеніе, они

могутъ въ примѣненіи на практикѣ подавать поводъ къ безконечно разнообразнымъ недоразумѣніямъ, что всегда долженъ помнить преподаватель, искренно преданный сверхъ интересовъ науки еще и интересамъ обученія. Эти послѣдніе интересы побуждаютъ меня сдѣлать небольшую экскурсію въ область психологіи и привести тамъ нѣкоторыя справки, касающіяся преподаванія языка вообще и преподаванія словопроизводства въ частности.

Психическія явленія, къ области которыхъ принадлежитъ и усвоеніе знаній, обыкновенно дѣлятся на безсознательныя и сознательныя. Рѣзкой черты между тѣми и другими никто никогда не проводилъ, да ея и не можетъ быть въ дѣйствительности. Каждое явленіе зарождается въ глубинѣ человѣческаго духа, въ темной области безсознательнаго, и пройдя всѣ фазы развитія, появляется на время въ сознаніи съ тѣмъ, чтобы снова возвратиться туда, откуда пришло, т. е. въ область безсознательнаго же. Зарожденіе явленія безусловно недоступно непосредственному воздѣйствію со стороны. Оно вполнѣ субъективно. Оно — моментъ личнаго творчества, которое всегда безсознательно, и которое тотчасъ изсякаетъ или исчезаетъ, коль скоро продукты его достигаютъ сознанія. Дальнѣйшее возрастаніе и обособленіе зародыша психическаго явленія, совершающееся въ той же области безсознательнаго, допускаетъ уже нѣкоторую возможность внѣшнихъ вліяній или воздѣйствій, но опять-таки не прямо и не непосредственно, т. е. воздѣйствія эти никогда не вступаютъ въ прямую причинную связь съ возрастаніемъ даннаго психическаго явленія, а лишь косвенно могутъ содѣйствовать или препятствовать ему. Затѣмъ появленіе въ сознаніи назрѣвшаго психич. явленія вызывается совокупностію благопріятныхъ условій какъ субъективныхъ, такъ и объективныхъ. Внѣшнее воздѣйствіе только тогда можетъ выдвинуть въ сознаніе извѣстное психич. явленіе, когда нападеть на моментъ благопріятнаго стеченія внутреннихъ къ тому условій. Обрисовавшись на ясномъ фонѣ сознанія, психическое явленіе или событіе опять возвращается въ область безсознательнаго, заслоняемое другими непрерывно выдвигающимися въ сознаніе событіями. Но на этотъ разъ явленіе

не исчезаетъ окончательно въ волнахъ забвенія, а вслѣдствіе побывки своей въ сознаніи получаетъ нѣкоторыя не обрѣтавшіяся въ немъ раньше свойства, именно: 1) появляться изъ безсознанія въ сознаніе по импульсамъ воли и 2) приходитъ въ связь съ живущими уже тамъ явленіями и вмѣстѣ съ ними принимать участіе въ выдвиганіи въ сознаніе новыхъ психическихъ явленій, еще не бывавшихъ въ сознаніи. Вотъ вкратцѣ субъективный оборотъ каждаго психич. процесса. Намъ однако интересуется только та категория психич. явленій, которая обнимается понятіемъ „познавательная дѣятельность“. Познаніе проходитъ тѣ же самыя фазы, что и прочіе психич. процессы, именно: зарожденія, безсознательнаго развитія, возникновенія въ сознаніи и новаго погруженія въ область безсознательнаго *).

Языкъ представляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе: онъ и субъективенъ, и объективенъ; онъ одинаково принадлежитъ къ явленіямъ какъ внутренняго, такъ и внѣшняго міра; онъ и организмъ, и въ то же время отправленіе организма; онъ и орудіе познанія, и предметъ познанія. Въ силу такого положенія и назначенія языка является для него возможность быть предметомъ изученія два раза; въ дѣтствѣ онъ усваивается какъ субъективное орудіе обнаруженія внутреннихъ состояній, въ школѣ же онъ изучается какъ совершенно внѣшній предметъ, какъ объектъ науки. Оба раза процессъ познанія языка совершаетъ свой полный психическій оборотъ, за исключеніемъ развѣ одной фазы—зарожденія, которая во вторичномъ оборотѣ кажется ненужною. Само собою понятно, что вторичный оборотъ основывается на первичномъ и имъ опредѣляется, ибо онъ былъ бы невозможенъ безъ этого послѣдняго. Поэтому необходимо хотъ въ общихъ чертахъ обозрѣть первоначальный процессъ усвоенія языка дѣтьми.

Многіе думаютъ, что дѣти пассивно и машинально усваиваютъ языкъ, прислушиваясь лишь къ говору взрослыхъ; но это далеко не такъ. Мало ли о чемъ взрослые не гово-

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ книжкѣ Н. Я. Грота: «Къ вопросу о реформѣ логики».

рятъ между собою при дѣтяхъ, мало ли какихъ словъ не употребляютъ, а между тѣмъ дѣти перенимаютъ большею частію вовсе не тѣ слова и фразы, которыя чаще другихъ слышать. Достаточно сослаться на тотъ фактъ, что нѣжныя и ласкательныя названія, которыми мать ежеминутно осыпаетъ своего ребенка, никогда не бываютъ первыми словами ребенка. Ребенокъ воспринимаетъ вовсе не то, что желали бы взрослые, чтобъ онъ воспринялъ, а лишь то, что соответствуетъ направленію его собственнаго творчества, и къ чему онъ побуждается личными потребностями. Въ этомъ смыслѣ вполне справедливо мнѣніе, что каждый ребенокъ самъ создаетъ себѣ языкъ, совпаденіе котораго съ языкомъ взрослыхъ есть естественное слѣдствіе постоянного общенія съ взрослыми. Научить ребенка говорить нельзя, какъ это ни прискорбно для фанатическихъ поклонниковъ Фребеля. Показывать ему, какъ слѣдуетъ укладывать органы рѣчи въ полости рта для произнесенія того или другаго звука или слова совершенно бесполезно: во 1-хъ, этого и сдѣлать нельзя, а во 2-хъ, ребенку совсѣмъ не нужно видѣть это, такъ какъ онъ артикулируетъ звуки не изъ подражанія учащимъ его, а самопроизвольно, по импульсамъ, исходящимъ изъ центра нервной системы... Гораздо раньше, чѣмъ начать говорить, дитя начинаетъ понимать. Развитіе пониманія совершается отъ центра къ окружности, такъ что второй актъ пониманія включаетъ въ себя первый, третій — оба первые и т. д. Всѣ акты пониманія исходятъ одинъ изъ другого, или, точнѣе, каждый новый — изъ всѣхъ предыдущихъ, и всѣ они связаны между собою органически. Поэтому и языкъ, какъ орудіе мысли, усваивается ребенкомъ не въ видѣ механич. наслоенія и сочетанія звуковъ и словъ, а въ видѣ органически развивающейся рѣчи. Первая рѣчь, произносимая ребенкомъ, уже заключаетъ въ себѣ, какъ въ зародышѣ, всѣ элементы, необходимые для дальнѣйшаго развитія языка. Этою первою рѣчью опредѣляется и самый характеръ дальнѣйшаго развитія, и та своеобразная система, въ какой будетъ воспринимать весь послѣдующій матеріалъ языка. Наблюдать первое пробужденіе сознанія и уловить законы осложненія рѣчи въ связи съ осложненіемъ мысли

ребенка никому еще не удавалось. Каждый ребенок развивается своеобразно, и способ его развития только въ нѣсколькихъ пунктахъ совпадаетъ со способомъ развития всѣхъ прочихъ дѣтей. Поэтому-то мы едва ли въ правѣ утверждать, что наукѣ извѣстно хоть бы даже то, какія внѣшнія вліянія вообще способствуютъ и какія — вообще препятствуютъ развитію каждаго отдѣльнаго человѣка. Тѣмъ менѣе можно сказать что нибудь опредѣленное и рѣшительное относительно частныхъ случаевъ развитія въ одномъ какомъ либо направленіи, напр., въ дѣлѣ усвоенія языка. Изъ огромной массы словъ и фразъ, которыя ребенокъ вокругъ себя слышитъ, онъ усваиваетъ только то, что можетъ претворить въ свою духовную собственность, а претворяетъ онъ опять же лишь то, что способно такъ или иначе ассоціироваться съ прежде усвоеннымъ, и что въ данный моментъ подходитъ подъ своеобразное расположеніе элементовъ его сознанія. На этомъ основаніи усваиваемыя ребенкомъ слова и фразы составляютъ непрерывную цѣпь своеобразныхъ ассоціацій, почвою для которыхъ служитъ сходство звуковъ параллельно съ родствомъ значеній. Обширность и органическая связность этихъ ассоціацій даетъ то необычайно тонкое и живое чутье языка, которое иногда противопоставляется теоретическому знанію языка, но которое въ дѣйствительности есть только необходимое условіе и основа для послѣдняго.

Теоретическое изученіе языка выдвигаетъ въ сознаніе и окончательно скрѣпляетъ тѣ изъ бессознательныхъ ассоціацій, которыя образовались удачно, и расторгаетъ и перестраиваетъ другія, неудачно и неправильно образованныя. Казалось бы, задача обученія языку чрезвычайно проста и легка: я веду преподаваніе по извѣстному плану, съ соблюденіемъ требованій метода, держась при томъ же на уровнѣ современной науки, а въ головахъ учениковъ въ это время сами собой однѣ ассоціаціи скрѣпляются, другія, неправильныя, разрушаются, уступая мѣсто новымъ, болѣе сообразнымъ съ научными требованіями. Такъ бы и было, если-бы ассоціаціи, какъ правильныя, такъ и неправильныя, существовали каждая отдѣльно, не связываясь со всѣми остальными и не составляя вмѣстѣ съ ними сложнаго органиче-

скаго единства. Но дѣло въ томъ, что безсознательно усвоенный языкъ представляетъ стройное, соразмѣрное и изящное зданіе, изъ котораго нельзя вынуть единаго кирпича, не испортивъ тѣмъ или не обезобразивъ цѣлаго. Поэтому какъ освѣщеніе сознаниемъ правильныхъ ассоціацій, такъ и расторженіе неправильныхъ является весьма болѣзненною и опасною операціею, производящею коренной переворотъ во всемъ духовномъ организмѣ оперируемаго.

Вызванная въ сознаніе правильная ассоціація пополняется здѣсь новыми элементами, тѣснѣе скрѣпляющими прежнее строеніе ея. Засимъ она снова возвращается въ область безсознательнаго. Но здѣсь уже ей нельзя занять прежняго мѣста: она уже не та самая, какою была до побывки въ сознаніи, она сплочена крѣпче, однимъ словомъ, она измѣнилась. Имѣя передъ прочими безсознательными ассоціаціями преимущество большей прочности и упругости, она не можетъ сдѣлать имъ значительныхъ уступокъ, не можетъ прилаживаться къ нимъ, а напротивъ—онѣ должны приспособляться къ ней. Завязывается борьба, въ которой обыкновенно побѣждаетъ не правая, а болѣе многочисленная сторона. Безсознательныя ассоціаціи, сильныя своимъ множествомъ и стихійностію, засасываютъ мало по-малу въ себя новую свою сосѣдку и восстанавливаютъ нарушенное ею равновѣсіе, возвративъ ее въ первобытное или близкое къ первобытному состояніе. Оттого первые теоретич. уроки языка не приносятъ замѣтныхъ результатовъ. Ученики, обыкновенно, чрезвычайно быстро и абсолютно забываютъ сказанное учителемъ, хотя въ классѣ, повидимому, все хорошо понимаютъ. Забвеніе есть самый естественный и самый лучший исходъ для ассоціаціи, не вмѣщающейся въ безсознательномъ міросозерцаніи ученика. Но если преподаватель—усердный поклонникъ педагогическаго принципа: „не иди дальше, пока не будетъ сознательно и основательно усвоено пройденное“ и, желая непременно добиться отъ учениковъ яснаго знанія тамъ, гдѣ оно невозможно, станетъ насильственно втискивать въ міросозерцаніе ученика не вмѣщающуюся въ немъ ассоціацію, то этимъ онъ можетъ причинить серьезное поврежденіе познавательному аппарату учащагося.

Гораздо болѣзненнѣе операція расторгенія безсознательныхъ ассоціацій, оказавшихся неправильными. Возникнувъ въ сознаниі, ассоціація эта разлагается на свои элементы; изъ крѣпко сплоченнаго единства здѣсь образуется разрозненное множество. По возвращеніи въ область безсознательнаго разрозненные элементы, какъ не составляющіе болѣе единства, должны искать родственныхъ себѣ элементовъ въ другихъ безсознательныхъ ассоціаціяхъ, дабы, слившись съ ними, заполнить въ міросозерцаніи пустое мѣсто той ассоціаціи, которая сознаниемъ разрушена. Вслѣдствіе этого происходитъ всеобщее передвиженіе элементовъ міросозерцанія, сопровождающееся чувствомъ томительнаго безпокойства до тѣхъ поръ, пока заволновавшаяся поверхность безсознательнаго не придетъ снова въ равновѣсіе. Забвеніе, т. е. восстановление расторгнутой ассоціаціи возможно лишь въ исключительныхъ случаяхъ, большею же частію безпокойство превращается въ любознательность, въ исканіе новыхъ знаній, которыя могли бы водворить нарушенное равновѣсіе элементовъ въ области безсознательнаго. Весьма часто случается, что предлагаемыя ученику дальнѣйшія знанія не попадаютъ въ тонъ его душевнаго настроенія и не возвращаютъ ему утраченнаго равновѣсія, а производятъ напротивъ еще болѣе хаосъ въ его головѣ. Оттого въ школьной жизни почти cadaго учащагося бываетъ періодъ такъ называемаго тупика, или же и совершенной потери здраваго смысла. Нѣкоторые впослѣдствіи излѣчиваются отъ этого порока, многіе же такъ и на всю жизнь остаются нѣсколько свободными отъ внушеній здраваго смысла.

Вытекающіе изъ вышеизложенныхъ психологическихъ данныхъ практическіе выводы для преподаванія языка ясны сами собою. Преподаваніе же словопроизводства имѣетъ нѣкоторыя особенности, обусловливаемыя исключительностію этого упражненія и обширностію захватываемаго имъ умственнаго горизонта учащихся.

Языкъ, въ первоначальный періодъ усвоенія его, есть не иное что, какъ непосредственное отправленіе (функція) мысли и отдѣльно отъ нея не сознается человѣкомъ. Между мыслию и рѣчью въ это время существуетъ полное соотвѣт-

ствіе и гармонія. Развитіе той и другой совершается параллельно, т. е. строеніе рѣчи и порядокъ усвоенія язычнаго матеріала отвѣчаютъ строю мысли и способу осложненія ея. Но мысль, какъ извѣстно, развивается органически: это значить, что во всемъ дальѣйшемъ развитіи ея не прибавляется къ ней ничего абсолютно новаго, ничего такого, что не было бы дано въ зернѣ перваго акта мысли. Такимъ образомъ всѣ отдѣльныя единицы мысли (идеи) непосредственно или посредственно связаны одна съ другою отъ первой до послѣдней, всѣ родственны между собою. Тенденція родства отражается и на элементахъ усвояемой рѣчи, такъ что весь язычный матеріалъ чувствуется ребенкомъ какъ нѣчто единое, цѣлое, въ которомъ всѣ части органически связаны между собою. Школьное обученіе грамотѣ сперва отдѣляетъ рѣчь отъ мысли и приучаетъ ученика смотрѣть на языкъ, какъ на совершенно внѣшній, посторонній инструментъ, а потомъ разлагаетъ субъективное единство языка на элементы (слова и фразы), отдѣльности которыхъ ученикъ даже не подозрѣвалъ раньше. Преждевременное изученіе грамматики, съ ея частями рѣчи, падежами, наклоненіями, съ ея „собственными“ примѣрами на каждое правило, могло бы изорвать въ доскутья и окончательно уничтожить организмъ субъективнаго языка, если бы мудрость природы не указала ученику очень простаго исхода изъ его положенія: ученикъ весьма скоро и весьма строго начинаетъ отдѣлять языкъ, какъ предметъ практическаго—домашняго и личнаго—употребленія, отъ языка, какъ школьнаго предмета. Первый есть свободная, вызываемая внутренними потребностями рѣчь, въ которой нѣтъ ни падежей, ни залоговъ, ни буквы *ъ*, а есть только одно: смыслъ; во второмъ должны быть на-лицо всѣ требуемыя грамматическія принадлежности, но того, что главное въ рѣчи, т. е. смысла, здѣсь вовсе не нужно. Къ такому убѣжденію, конечно, безсознательно приходитъ большинство учениковъ, обучающихся въ школѣ русскому языку. Это еще самый лучший исходъ. Бываетъ и гораздо хуже, но, кажется, съ меньшествомъ учащихся. Съ продолженіемъ ученія отчужденіе рѣчи, какъ языка, естественно употребляемаго, отъ школь-

наго „русскаго языка“ все увеличивается. Синтаксич. и этимологическій разборъ предложеній, составленіе примѣровъ, склон. и спряженіе, выдумываніе сочиненій на тему и т. п.—все это совершается гдѣ-то виѣ ученика, нисколько не затрогиваетъ его внутренняго міра и не имѣетъ никакого отношенія къ собственной его рѣчи какъ устной, такъ и письменной.

Ни одно изъ практикуемыхъ нынѣ упражненій по языку не имѣетъ задачею своею возстановить или по крайней мѣрѣ установить порванную связь между языкомъ и мыслию, между словомъ и значеніемъ, между практическимъ употребленіемъ рѣчи и теоретическимъ изученіемъ ея. Всѣ они большею частію способствуютъ противному. Одинъ только морфологическій разборъ словъ можетъ затронуть и сблизить обѣ разрозненныя сферы—языка и мысли, такъ какъ здѣсь звуковое измѣненіе словъ разсматривается параллельно съ измѣненіемъ значенія, и субъективная мысль учащагося не можетъ спрятаться, какъ улитка въ свою раковину, и совершенно устранилась отъ вниканія въ тѣ причудливыя переливы идей, слѣды которыхъ общенародная мысль оставила въ переливахъ звуковаго матеріала языка.

Таково, по моему мнѣнію, психологическое значеніе новаго рода упражненій, упражненій въ словопроизводствѣ, называемыхъ также научнымъ или морфологическимъ разборомъ словъ. Предоставляя читателю самому сдѣлать вытекающіе изъ вышеизложеннаго выводы относительно частныхъ преподаванія словопроизводства, я ограничусь лишь нѣсколькими общими замѣчаніями.

1. Преподаваніе словопроизводства необходимо начинать съ начала, съ основанія, а не съ конца, съ вершины. Основаніемъ или началомъ считается подборъ однокоренныхъ словъ, морфологическій анализъ ихъ и оправданіе производства аналогіями какъ звуковыми, такъ и логическими; вершиною же или концомъ будетъ ученіе о строеніи корней. Что такое корень самъ по себѣ, сколько ихъ въ языкѣ, каковъ ихъ составъ,—все это вопросы вершинные, въ средней школѣ не только излишніе, но положительно вредные.

2. Къ словопроизводству и къ словоразложенію можно пріучать учениковъ съ I класса, но при этомъ, само собою

разумѣтся, отнюдь не слѣдуетъ догматически навязывать имъ преждевременныя для нихъ свѣдѣнія о томъ, что въ такомъ-то словѣ корнемъ будетъ то-то и т. п.; напротивъ, благоразуміе требуетъ, чтобы преподаватель снисходилъ къ познаніямъ учениковъ и довольствовался на первыхъ порахъ тѣмъ корнемъ, какой сами они въ состояніи открыть.

3. Голое перечисленіе учениками корней данныхъ словъ —занятіе бесполезное, потому что въ этомъ упражненіи существенно важно не угадываніе корней, а самый процессъ отыскиванія корня.

4. Слова для разложенія выбираетъ и назначаетъ преподаватель, соображаясь, конечно, со степенью развитія учениковъ и съ навыкомъ ихъ въ этомъ занятіи. На первыхъ порахъ ученики разлагаютъ слова цѣлымъ классомъ подъ руководствомъ преподавателя.

5. При объясненіи переходовъ корня отъ одного значенія къ другому ученики исключительно руководствуются извѣстнымъ имъ значеніемъ словъ въ современномъ языкѣ. Оттого въ ихъ объясненіяхъ часто встрѣчаются натяжки, въ родѣ, напр., того, что „если молодое деревцо нагибать къ землѣ, то его можно погубить“. Съ подобными натяжками преподавателю все-таки слѣдуетъ обращаться осторожно, такъ какъ онѣ составляютъ неизбѣжную ступень въ филологическомъ развитіи учениковъ: путь къ истинному знанію ведетъ черезъ заблужденія.

6. Введеніе историческаго и сравнительнаго элемента въ упражненія словопроизводствомъ, безъ сомнѣнія, желательно и необходимо. Но дѣлать это нужно такъ, чтобы необходимость въ исторіи словъ и въ сравненіи ихъ со словами другихъ языковъ естественно, сама собою вытекала изъ хода задаваемыхъ ученикамъ упражненій. Поэтому выборъ и расположеніе матеріала для этихъ упражненій должны отличаться строгой системой и обдуманностію.

И. Соломоновскій.

10 Января 1886 г.

ЗАМѢТКА О ПРАВОПИСАНІИ.

Русское Правописаніе. Я. К. Гротъ. Изд. 2. Спб. 1885.

§ 34 *Глагольныя окончанія настоящаго (будущ.) врем.* Авторъ, указывая на смѣшеніе *я съ ю и а съ у* въ неударяемыхъ окончаніяхъ 3 л. мн. ч. настоящ. (буд.) врем., говоритъ, «что глагольныя окончанія опредѣляются положительными законами, отъ которыхъ нельзя отступать въ угоду неясственному или неправильному произношенію».

«Относительно настоящаго (будущ.) времени изъяснительнаго наклоненія есть законъ, не допускающій ни одного исключенія. Когда въ единств. ч. *ишъ, ить* и т. д., то во множ. *ятъ* или *атъ*; когда въ единств. *ешъ, етъ*, то во множ. *ютъ* или *утъ*; *тѣ* и другія окончанія всегда соотвѣтствуютъ извѣстнымъ формамъ неопредѣленнаго наклоненія. Слѣдов., при существующей въ русскомъ языкѣ неясности произношенія неударяемыхъ гласныхъ необходимо повѣрять эти окончанія одни другими и не писать, напр.: *колеблятъ, хлопчатъ, держутъ, клеютъ* и т. д., «*вм. колеблютъ, хлопчутъ,...* *держатъ, клеятъ* и т. д. «Столь же неправильны формы: *вы скажите, вы пишите, вм. скажете, пишете*, потому что въ единств. числѣ: *колеблешь, хлопчешь, держишь, клеишь*» (*пишешь, скажешь*) и т. п.

«Чаще всего смѣшиваются въ этомъ отношеніи, говоритъ авторъ, два разряда глаголовъ, весьма сходные по звукамъ въ настоящемъ времени, но рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго въ неопредѣленномъ наклоненіи. Это глаголы, имѣющіе въ настоящемъ времени предъ неударяемымъ окончаніемъ шипящую букву.

«Слѣдуетъ писать:

- 1) держишь—держать,
слышишь—слышать
корчишь—корчать
- 2) вяжешь—вяжутъ
пишешь—пишутъ
топчешь—топчутъ,

«У глаголовъ 1-го столбца неопр. кончатся (оканчивается, кончается) на ать или ить съ тою же шипящею буквой, какая въ изъявительномъ; глаголы же 2-го столбца имѣютъ передъ окончаніемъ на ать другую согласную, которая въ настоящемъ времени измѣняется по общему закону: вязать (з на ж), писать (с на ш), топтать (т на ч), клеветать (т на щ)».

Далѣе авторъ указываетъ, какъ слѣдуетъ писать 2 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. глаголовъ: молить, любить, ломить, глаголовъ: молоть, рыть, дремать и др., приведенныхъ уже ныше. Первый рядъ этихъ глаголовъ имѣетъ въ неопредѣленномъ *ить*, а второй *ать*.

«Изъ сказаннаго видно, что на ишь—ять или ать въ настоящ. времени оканчиваются такіе глаголы, которые въ неопред. наклоненіи передъ *тъ* имѣютъ также *и* (иногда и *ь*, напр. смотрѣть, видѣть, обидѣть) или *а* съ предъидущею шипящею буквою (жать, шать, чать, щать)».

«Иногда ошибаются въ обоихъ числахъ настоящаго врем.; такъ въ обычай вошло писать: дышешь, дышутъ, тогда какъ слѣдуетъ писать: дышишь, дышатъ, какъ слышишь—слышатъ, значишь—значатъ».

Изложенными замѣчаніями авторъ и ограничивается при разсмотрѣніи вопроса о правописаніи личныхъ окончаній настоящ. (будущ.) времени.

По признанію самого автора «смѣшеніе неударяемыхъ *я* съ *ю* и *а* съ *у* замѣчается всего чаще въ глагольныхъ окончаніяхъ 3 л. мнж. ч. настоящ. вр.» Изъ послѣдующихъ словъ автора видно, что то же относится и къ окончанію 2 л. един. ч., гдѣ смѣшивается *е* съ *и*.

Мы прибавимъ, что смѣшеніе указанныхъ звуковъ въ настоящ. (будущ.) врем. занимаетъ довольно видное мѣсто въ числѣ ошибокъ, съ которыми приходится имѣть дѣло преподавателю при обученіи правописанію въ низшихъ классахъ гимназій и соотвѣт. заведеній. Изъ этого уже отчасти видно, что въ существующихъ руководствахъ относящіяся сюда правила не достигаютъ цѣли. Ученики высшихъ классовъ овладѣваютъ этими случаями правописанія лишь навыкомъ, не достигая сознательности. И изложенныя выше замѣчанія Я. К. Грота не совсѣмъ восполняютъ указанный пробѣлъ въ точныхъ и обстоятельныхъ правилахъ о правописаніи личныхъ окончаній настоящ. (будущ.) времени.

Замѣчанія эти неопредѣленны, исполны и неточны. Правильное окончаніе 3 л. множ. ч., по мнѣнію автора, слѣдуетъ опредѣлять 2 л. един. ч.: ешь требуетъ *утъ, ютъ, ишь*—*атъ, ятъ* и наоборотъ. Ошибка въ 3 л. мн. ч. возможна лишь въ томъ случаѣ, когда конечныя *у* (ю), *а* (я) не имѣютъ на себѣ ударенія. Но въ тѣхъ же случаяхъ и на *еишъ, иишъ* нѣтъ ударенія, а безъ него *е, и* въ произношеніи неясны или, лучше, безразлично глухи. Слѣд., неизвѣстное окончаніе 3 л. множ. ч. приходится опредѣлять посредствомъ неизвѣстнаго же 2 л. един. ч. или на оборотъ, а извѣстнаго (правильнаго) взять неоткуда.

Но возможны ошибки въ написаніи (и въ произношеніи) личныхъ окончаній настоящ. (будущ.) врем. и въ томъ случаѣ, когда эти окончанія имѣютъ на себѣ удареніе.

Такого рода ошибки зависятъ преимущественно отъ различныхъ передѣлокъ личныхъ окончаній глагола въ разныхъ говорахъ и попадаютъ иногда въ письменность. Сюда относится, напр. произношеніе: *хотѣишь*, произношеніе и написаніе: *гудеишь, гудеть*. Такъ у Даля: *Вѣтеръ гудеть*. Одна голова, и *гуде(и?)тъ* и плачетъ. Но: *Волки гудятъ*. *Колокола гудятъ*. Даль, очевидно, колебался въ произношеніи и написаніи 3 л. един. ч. что зависѣло, вѣроятно, и отъ того, что глаголь то-

го же значенія приводится у него и въ другихъ формахъ: густы и гудить, которые должны дать личныя окончанія настоящаго (будущ.) врем. не одинаковыя. Произносятся также въ южныхъ частяхъ великорус. говора: гудѣть (гусли, напр., въ пѣсняхъ). Итакъ само по себѣ произношеніе формъ настоящ. (будущ.) врем., не имѣющихъ на себѣ ударенія, а иногда и съ удареніемъ, не можетъ дать вѣрныхъ указаній для правильнаго написанія ихъ (иначе авторъ долженъ признать, что «законъ» соответствія — ешь — *умѣ* (*юмѣ*), ишь — *атѣ* (*ятѣ*) допускаетъ и исключенія?)

Въ заключительномъ замѣчаніи авторъ даетъ болѣе опредѣленные основанія различенія формъ настоящ. (будущ.) врем. Если глаголы имѣютъ предъ окончаніемъ неопред. накл, тѣ и (а иногда и ѣ), а также а съ предъидущею шипящею буквою, то въ настоящ. (будущ.) врем. *ишь*, *имѣ*, *атѣ*, *ятѣ*.

Въ примѣчаніи авторъ исключаетъ изъ этого отдѣла глаголовъ тѣ, которые сохраняютъ а или ѣ въ настоящемъ: слушать—слушаю, умѣть—умѣю и т. д. Такъ выраженное правило объ употребленіи *ишь*, *атѣ* можетъ, напр., простираться и на глаголы: вылить, выпить, какъ имѣющіе передъ окончаніемъ тѣ и, и, наоборотъ, исключаетъ, напр., глаголъ гнать, какъ не имѣющій передъ а шипящаго.

Затѣмъ замѣчаніе: «а иногда и ѣ» разумѣется, ничего не даетъ опредѣленнаго. Такъ, напр., на глаголѣ терпѣть распространяется это «иногда» или нѣтъ?

Авторъ какъ бы намѣренно избѣгаетъ обстоятельнаго изложенія правописанія личныхъ окончаній глаголовъ на основаніи образованія ихъ при помощи разныхъ суффиксовъ и, какъ бы предполагая такое изложеніе готовымъ, даннымъ, заботится только объ исправленіи замѣченныхъ имъ въ письменности ошибокъ въ окончаніяхъ глаголовъ. Но всѣхъ ошибокъ и не пришлось, можетъ быть, автору замѣтить, и неизвѣстно, какія еще могутъ быть сдѣланы. Это указываетъ на потреб-

ность въ точныхъ и обстоятельныхъ правилахъ относительно означенныхъ формъ. Въ нашихъ ходячихъ школьныхъ руководствахъ русской грамматики господствуетъ еще въ полной силѣ ученіе Смотрицкаго о дѣленіи русскихъ глаголовъ на два спряженія ¹⁾. Не имѣя никакого научнаго значенія, это ученіе безсильно само по себѣ дать и твердыя основанія, по которымъ тѣ или другіе глаголы должны спрягаться по первому или по второму спряженію; оно принимаетъ дѣленіе глаголовъ по окончаніямъ настоящ., (будущ.) врем. за готовый фактъ и уже изъ него дѣлаетъ выводы относительно правописанія формъ, предполагая общезвѣстнымъ, что такіе-то глаголы принадлежатъ къ 1-му спряженію, слѣд., оканчиваются въ настоящ. (будущ.) врем. на *еишъ*, уть(ютъ), а такіе-то принадлежатъ ко 2-му спряж., слѣд., имѣютъ въ наст. (будущ.) врем. *ишъ*, ать(ятъ). Но въ цѣляхъ правописанія (выговоръ въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ регулируется начертаніемъ) этотъ самый для стараго ученія готовый фактъ долженъ составлять искомое, подлежать точному опредѣленію, а употребленіе *еишъ*, *ишъ* должно быть выводомъ изъ него. Къ такой цѣли можете привести лишь разсмотрѣніе образованія глаголовъ въ первой и второй основахъ.

Конечно, въ задачи автора «Русскаго Правописанія» не входило подробное разсмотрѣніе какъ словообразованія вообще, такъ и глаголовъ въ частности. Но, сообразно съ вышесказаннымъ, обстоятельнаго изложенія правилъ правописанія глагольныхъ формъ настоящ. (будущ.) времени (какъ, впрочемъ, и всѣхъ остальныхъ) можно достигнуть только этимъ путемъ.

Въ первой основѣ (неопред. накл.) глаголы образуются: 1) безъ посредства особаго суффикса, т. е. окончаніе *ть* (ти, чь) присоединяется непосредственно къ корневому созвучію: нести, би-ть, ры-ть, бы-ть, да-ть, ѣс-ть,

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторыя новыя руководства, напр., «Русская грамматика», г. Преображенскаго, М. 1883 г. уже обстоятельно излагаютъ образованіе глагольныхъ формъ.

коло-ть, моло-ть, тере-ть, умере-ть; для чутья современнаго языка и глаголь создать (ц.-слов. съ-зд-а-ти) представляется безсуффикснымъ и спрягается по аналогіи гл. дать. 2) глаголы, образующіе первую основу и всѣ происходящія отъ него формы посредствомъ суффиксовъ: а) ну (двинуть); б) а (я) (дѣлать, писать, сѣять) в) ова (ева) (толковать, воевать); г) ъ (умѣть, горѣть); д) и (любить); е) ыва (ива) (разсказывать, разговаривать). Суффиксы эти присоединяются или непосредственно къ корневому созвучію (оградить) или къ готовымъ основамъ (ограничивать).

Глаголы перваго отдѣла—безъ суффикса въ первой основѣ всегда имѣютъ во второй основѣ (наст. вр. и происходящ. отъ него формы) суффиксъ е; слѣд., ешь, еть, уть (ють). (Глаголы: есмь, дамъ, ѣмъ и, по вышеуказанному основанію, создамъ суффикса и во второй основѣ, какъ и въ первой, не имѣютъ).

Изъ глаголовъ втораго отдѣла имѣющіе суффиксы: ну, ова (ева), ыва (ива) также всегда принимаютъ во второй основѣ е: ешь, етъ, уть (ють) (двинуть—дви-нешь, двинуть, радуешься, радуются, основываешь, разговариваешь).

Изъ остальныхъ глаголовъ—имѣющіе суффиксъ и всегда принимаютъ во второй основѣ также и: ишь, ить, ать (ять) кончить, кончишь, кончатъ, сломишь, сломишь, сломятъ).

Изъ глаголовъ съ суффиксами: а и ъ тѣ, которые сохраняютъ суффиксъ и во второй основѣ, всегда имѣютъ е: ешь, еть, уть (ють) (лишать, лишаешь, лишаютъ, ломать, ломаешь, ломаютъ, синѣть, синѣешь, синѣютъ).

Глаголы, не сохраняющіе во второй основѣ ъ, всегда имѣютъ и: ишь, ить, ать ять. (Слѣд. гудѣть, гудишь, гудятъ, кишѣть (Даль) кишаешь, кишать,—но: густы, какъ безсуффиксный долженъ образовать—гудеешь, гудутъ, а гудить—гудишь, гудятъ).

Глаголы, имѣющіе въ первой основѣ суффиксъ а, во второй же не имѣющіе его, представляютъ въ отно-

шеніи окончаній настоящ. (будущ.) врем. два отдѣла: одни имѣютъ передъ суффиксомъ *а* (въ первой основѣ) одинъ изъ шипящихъ (ж, ч, ш, щ), другіе какой-ниб. другой согласный. Первые—съ шипящими произошли изъ глаголовъ съ суффиксомъ *ѣ* (Будилов. Начерт. цер.-сл. грам. 187, Миклош. V. G. III², 115) и подобно глаголамъ, не сохраняющимъ *ѣ* во второй основѣ, всегда имѣютъ въ этой основѣ суффиксъ *и*: *ишь*, *итѣ*, *имѣ*, *ите*, *атѣ*, (дышать—дышишь, дышать, какъ терпѣть, терпишь, терпятъ).

Глаголы, не имѣющіе передъ суффиксомъ *а* шипящаго, имѣютъ во второй основѣ всегда *е*: *ешъ*, *етъ*, *утъ*, *ютъ*, (братъ, берешь, берутъ, плакать, плачешь, плачутъ).

Такимъ образомъ *ишь*, *итъ*, *атъ*, *ятъ* имѣютъ глаголы: а) съ суффиксомъ въ первой основѣ *и*; б) глаголы, имѣющіе въ той же основѣ суффиксъ *ѣ* и не принимающіе его во второй основѣ; в) глаголы, имѣющіе передъ суффиксомъ *а* (не сохраняющимся во второй основѣ) одинъ изъ шипящихъ.

Окончанія: *ешъ*, *етѣ*, *утѣ*, *ютѣ*, имѣютъ всѣ остальные глаголы.

Не подходятъ подъ изложенныя правила глаголы: а) разнотемные (указан. и въ «Рус. Правоп.») бѣжать, (бѣжишь, бѣгутъ), хотѣть (хочешь, хотятъ); б) глаголы (указ. Востоков. и Миклош.) гнать, спать. реветъ, шибить.

Первые два (гнать, спать) спрягаются во второй основѣ по аналогіи глаголовъ, имѣющихъ въ первой основѣ суф. *и* (онъ гонить въ хвостъ и въ голову. Собаки гонятъ по лисѣ. Даль. Сплю, спишь, спятъ). Два послѣдніе (реветъ, шибить) спрягаются по аналогіи глаголовъ, имѣющихъ во второй основѣ суф. *а* (Реветь ли звѣрь... Шибить въ сложн. зашибить, зашибешь, зашибутъ, ошибешься, ошибутся).

Глаголы: гнать—гоню принадлежать, какъ указываетъ Востоковъ, къ разнымъ темамъ: гоню—къ: гонить (и), гнать—настоящ. жену.

Нужно прибавить къ этимъ глаголамъ еще: стоять, который также спрягается во второй основѣ по образцу глаголовъ съ суф. *и* (стойшь, стоять), бояться и ржать. (Ржетъ конь, верблюдъ да лѣшій. Даль).

Для наглядности представляемъ соотвѣтствія основъ и суффиксовъ первой основы окончаніямъ второй въ слѣдующей таблицѣ—

Суффиксы первой ос- новы.	Вторая основа.		Примѣчаніе.	Разнотемные глаголы.
	Суффик- сы.	Оконча- нія лицъ.		
—	—	(шь)	Также гла- голы:	хотѣть.
ну	н	ешь, уть		хоч-у, хоч-ешь, хоч-еть
ова (ева)	у (ю)			хотимъ
ыва (ива)	ыва (ива)	(ють)		хотите
а (не послѣ ши- пящихъ: ж, ч, ш, щ.)	а —			хотятъ
ѣ	ѣ		ревѣть, отбить (отбиться), ржать	бѣжать.
и	(и)	ишь	Также гла- голы: гнать (гоню), снасть стоять, бояться.	бѣг-у
ѣ	—	(ять)		бѣж-ишь
а (послѣ шипя- щихъ: ж, ч, ш, щ.)	—	ать		бѣж-ить бѣж-имъ бѣж-ите бѣг-уть

Н. Ивановъ.

Кіевъ.
4 Января 1886 г.

ЗАМѢТКА О ПРОИЗВОДСТВѢ СЛОВА «УЛИЦА».

Въ статьѣ Бодрова: «Доисторич. единство Симовскихъ и Арійскихъ языковъ и народовъ» (Филол. Зап. 1884 г. вып. 1-й) наше вниманіе обратило на себя производство слова «улица».

Исслѣдованія Бодрова относятся къ области мало извѣстной, такъ-какъ симетическихъ языковъ многіе филологи не считали родственными съ арійскими и, поѣтому, не занимались сравнительнымъ сближеніемъ этихъ двухъ отраслей. Теперь изъ вышесказаннаго изслѣдованія мы видимъ наглядно, что между тѣми и другими существуетъ тѣсная родственная связь. Слѣдуетъ сказать спасибо Бодрову и пожелать побольше подобныхъ, весьма интересныхъ, разысканій. Но чѣмъ болѣе мы цѣнимъ эти разысканія, тѣмъ болѣе желаемъ полноты, точности и—что главное—осмотрительности въ ихъ изложеніи. Въ виду этого, я намѣренъ сдѣлать маленькія замѣтки на выше сказанный. столь почтенный трудъ Бодрова, полагая, что онѣ принесутъ извѣстную долю пользы столь бѣдному нашему языкознанію.

Бодровъ свои сближенія арійскихъ языковъ съ еврейскимъ основываетъ на ихъ корневой и семасіологической тождественности. Общія корни, конечно, всегда служили и будутъ служить главнымъ основаніемъ при сравнительномъ изученіи языковъ. Но, кромѣ корневыхъ данныхъ, всякій языкъ представляетъ немало индивидуальныхъ особенностей, упущеніе которыхъ изъ виду можетъ повести къ ошибочнымъ выводамъ. И это въ особенности надо имѣть въ виду при сравнительномъ сближеніи русскаго языка, отличающагося, какъ извѣстно, необыкновеннымъ богатствомъ какъ въ лексическомъ, такъ и фонетическомъ отношеніи. Пользуясь готовыми иноязычными словами и переиначивая ихъ на свой ладъ иногда до неузнаваемости ихъ начала, народъ въ то же время создаетъ самостоятельно новыя слова,

корни которыхъ можно отыскать иначе, какъ зная исторію происхожденія каждаго изъ этихъ словъ порознь. Такъ, напр., если возьмемъ наше слово удодъ, то русскому человѣку, прислушавшемуся къ звукамъ, издаваемымъ этою птицею: ѱ-дѡ-дѡ, становится понятнымъ происхожденіе сказаннаго слова: тутъ ясно, что оно есть не что иное, какъ звукоподражаніе. Но филологъ, не знающій этого, начнетъ, пожалуй, сближать помянутое слово съ латинскимъ *урира*, съ франц. *hurре*, съ англ. *hoорое* и ничего не будетъ удивительнаго, если онъ, посредствомъ извѣстныхъ лингвистическихъ приемовъ, докажетъ, что латинское *U* перешло въ *O*, *P*—въ *D*—и не такіе мы видывали виды! Между-тѣмъ на дѣлѣ ничего этого не было и быть не могло. Такія и тому подобныя слова очень часто образуются у одного народа совсѣмъ независимо отъ другаго, когда звуки, издаваемые, напр., птицами, схватываются слухомъ непосредственно изъ природы. Но объ этомъ я уже подробно говорилъ въ статьѣ, напечатанной въ 1-й в. Фил. Зап. 1885 г. «Благозвучіе русскаго языка». Теперь я коснулся этого вопроса собственно по поводу происхожденія слова «тѣтя», которое Бодровъ производитъ отъ одного корня съ евр. «цица» (сова) и греч. «τῆταξ» (курица). Такого слова—тѣтя я никогда не слыжалъ и не нашелъ въ словаряхъ. Но если и дѣйствительно это слово существуетъ въ русскомъ языкѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что оно простонародное; а въ такомъ случаѣ его скорѣе слѣдуетъ считать звукоподражаніемъ, чѣмъ заимствованіемъ изъ греческаго языка, уже по той простой причинѣ, что нѣ зачѣмъ занимать у другихъ то, что есть на лицо у себя дома, такъ-какъ народъ постоянно слышитъ на своемъ дворѣ, какъ циплята издаютъ звуки: *ци-ци*, *цип-цип*, или *ти-ти*; откуда и произошли непосредственно и имена: *цыпа*, *цыпка*, *цыпочка*, *цыпушка*, *цыпленокъ* и, пожалуй, *титя*, подобно тому, какъ *цыпля*, *гуся*, *теля* и проч. Но въ этихъ послѣднихъ словахъ, принадлежащихъ собственно къ дѣтскому языку, удареніе всегда падаетъ на послѣд-

ній слогъ; Бодровъ же «титя» отмѣтилъ съ удар. на первомъ слогѣ. Но я не стану распространяться объ этомъ: начавъ свои замѣтки, я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду разобрать исторію происхожденія одного слова, и именно: улица. Этотъ предметъ обратилъ на себя мое особенное вниманіе по тому, что въ 3-мъ вып. своихъ изслѣдованій о «Русскомъ слогуудареніи» я слово «улица» произвожу совсѣмъ иначе.

Основываясь на словарь Даля и на своихъ личныхъ соображеніяхъ, я произвожу это слово отъ существ. лицѣ съ предлогомъ У—у лица, т. е. лицевая сторона (домовъ). Изъ моихъ изслѣдованій, между-прочимъ, оказывается, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ составныхъ словахъ главная (основная) ихъ часть принимаетъ особое, иногда отличное до неузнаваемости, значеніе (напр. волѣка и проволѣка), то она теряетъ свое удареніе, передавая это послѣднее приставкѣ (предлогу). Между многими примѣрами такого явленія я привелъ въ сказанномъ сочиненіи и слово улица. Изъ вышепомнятой же статьи Бодрова выходитъ, что такое производство невѣрно, такъ-какъ онъ это слово производитъ отъ евр. Аэл и лат. Aula. Но съ этимъ нельзя согласиться,—и вотъ почему:

1) Еврейскій языкъ, безъ сомнѣнія, могъ очень легко оказывать свое вліяніе какъ на римлянъ, такъ и грековъ; гораздо въ меньшей степени это вліяніе отразилось на славянъ и, въ особенности, на русскихъ, уже по географическому мѣсту обитанія тѣхъ и другихъ въ то отдаленное время, когда еврейскій языкъ существовалъ какъ таковой, не переходя еще въ жаргонъ: и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что евр. Аэл (шатерьъ) и лат. Aula, какъ равно и кавказ. Аула берутъ свое начало отъ одного и того же корня, что подтверждается и довольно близкимъ сходствомъ ихъ значенія, такъ-какъ лат. Aula, хотя собственно не значитъ «шатерьъ», но вообще значило прикрытіе, покровъ—занавѣсъ, коверъ, верхняя одежда, предверіе; другія же значенія—дворъ, дворецъ, гнѣздо пчелиной

матки, хотя повидимому и не заключаютъ сказаннаго смысла, но, очевидно, вошли въ употребленіе съ такимъ значеніемъ по уподобленію; ибо и скотный дворъ и дворецъ и проч. имѣли навѣсъ или другое прикрытіе. Между тѣмъ наша улица не имѣетъ ничего общаго съ сказаннымъ значеніемъ: напротивъ, всегда означаетъ открытое мѣсто на лицевой сторонѣ домовъ, идущихъ вподрядъ. Итакъ, я не нахожу никакого тождества въ значеніи лат. *Aula* и русск. улица.

2) Вышепомянутыя мои изслѣдованія, между-прочимъ, обнаружили, что въ производныхъ словахъ удареніе обыкновенно бываетъ генетическимъ. Обращаясь къ словарямъ, мы замѣчаемъ, что въ большинствѣ латинскихъ словъ, начинающихся съ слога *au* въ русскомъ языкѣ этотъ слогъ переходитъ въ слогъ *ав*, напр., *аврора*, *автоматъ*, *авторъ*, *Августъ*; я нашелъ всего три коренныхъ слова, въ коихъ сказанный слогъ остается безъ перемѣны: *аудиторъ*, *аукціонъ*, *аускультация* (*аудиенція*, *аудитория* и проч. одного происхожденія со словомъ *аудиторъ*; *ауль* же происходитъ отъ евр. *Аэл*, независимо отъ латинскаго *aula*). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ наше удареніе удерживаетъ то же мѣсто, какое оно занимало въ первообразномъ словѣ: такъ, отъ *ауѳога*—*аврора*, отъ *аукціоѳес*—*аукціонъ*, отъ *аудитеур*—*аудиторъ* (но говорятъ и съ латинск. удар. *аудиторъ*). Затѣмъ, надо обратить вниманіе, что почти всѣ вышепрописанные слова не терпятъ ударенія на первомъ слогѣ какъ въ лат., такъ и русск. языкѣ. Мнѣ извѣстны всего только три слова, отступающія отъ этого правила и именно: *Августъ*, *авторъ* и *Австрія* (отъ *auster*). Но и здѣсь лат. гласная *U*, при переходѣ этихъ словъ въ русскій языкъ, замѣняется согл. *В*: и поэтому, если допустить, что образованіе слова *улица* аналогично съ вышепрописанными тремя словами, то должно бы выйти *авлица*, а не *улица*. А если это не такъ, и все-таки—*улица*, то непонятно, куда же дѣлась гласная *А*, входившая въ составъ слова *aula* и исчезающая въ словѣ *ули-*

ца? Тутъ уже я не нахожу ни одного примѣра на такое превращеніе, какое случилось бы со словомъ аѹла, если бы это послѣднее дѣйствительно образовало слово улица; напротивъ, во всѣхъ подобнаго происхожденія русскихъ словахъ неизмѣнно сохраняется А и лишь лат. U, на общемъ основаніи, переходитъ въ В. Какимъ же образомъ могла произойти такая странная аномалія съ однимъ словомъ улица?

3) Если улица беретъ свое начало отъ аѹла, то почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (въ Малороссіи) говорятъ юлица? Откуда же тутъ взялась гл. Ю? А вотъ откуда: въ нѣкоторыхъ говорахъ простой народъ, вмѣсто гл. У, употребляетъ гл. Ю. На какомъ основаніи говорятъ Ю вмѣсто У—это другой вопросъ, насъ въ настоящемъ случаѣ не касающійся: довольно того, что существуютъ факты такого произношенія. Эти факты можно найти и въ «Филолог. Зап». (III—V в. 1885) въ статьѣ: «Краткій очеркъ говора села Сергѣевки».

Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ:

Вдоль на юлицы прашоль (Стр. 17).

Ю милова на грудѣ (ibid).

По ютру я рано вставала (Стр. 25).

Ю богатова мужика (ibid)

Отсюда ясно видно, во-первыхъ, что улица есть чисто русское народное слово и, во-вторыхъ, что здѣсь гл. У есть именно приставка (prefix), а не другая какая-либо основная часть слова. Итакъ, въ пользу моего производства сказаннаго слова говорятъ: и значеніе его, и удареніе, и общія, постоянно повторяющіяся, этимологическія начала и, наконецъ, народный говоръ; въ сближеніи же слова улица со словомъ аѹла я ничего не вижу, кромѣ одного случайнаго созвучія — весьма обыкновеннаго въ лингвистикѣ явленія.

І. Шарловскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу слѣд. сочиненія:

Руководство къ изученію Синтаксиса русскаго языка, сост. Директоромъ Вольской Учитель. Семинаріи В. Г. Зимницкимъ. 1885 г. (220 большихъ страницъ). Ц. 1 р. 20 к. съ перес.

Складъ изданія у автора въ Вольскѣ Саратовской губерніи. Выписывающимъ не менѣ 10 экз. дѣляется обыкновенная уступка.

Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ языковъ. Курсъ среднихъ учеб. заведеній. Сост. Ив. Як. Кипріановичъ, 1885. Ц. 40 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

АВГ. ДЕЙБНЕРА

Невскій пр., д. № 28, противъ Казан. Собора въ С. Прбр.

Рекомендуетъ свой большой выборъ иностранныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, въ особенности по Педагогикѣ, Классической Филологіи, науки о древностяхъ, русск. и нѣм. учебныхъ книгъ въ переплетахъ, римскихъ и греческихъ классиковъ изданія Тейбнера и Вейдмана и проч.

Принимаетъ на себя выписку и пополненія библиотекъ разныхъ учебныхъ учреждений по дешевымъ цѣнамъ.

Доставляетъ по желанію распроданныя книги антикварнымъ образомъ.—Исполняетъ заказы на русскія книги, журналы и періодическія изданія въ самомъ непродолжительномъ времени, а также принимаетъ подписку на всѣ иностранные журналы по объявленнымъ цѣнамъ.

НОВОСТЫ!

Dictionnaire abrégé

de six langues slaves

(russe, vieux-slave, bulgare, serbe, tchèque et polonais)

ainsi que français et allemand

rédigé sous les auspices de son Altesse Impériale

le prince Pierre d'Oldenburg

par le professeur F. Miklosich.

Lex.-8°. IV. 955 S. 1885.—Preis: 30 mark.

Заказы исполняются немедленно въ томъ-же кн. магазинѣ.

тельная необходимость иной, научной постановки изучения родного языка. Первые двѣ были приготовлены для 1-й кн., но по нѣкоторымъ соображеніямъ пришлось отложить на вторую.

Насъ просятъ заявить, что поступили въ продажу **вторымъ изданіемъ** сочиненія проф. Н. И. Карѣева —

Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). С.-Прб. 1886. Цѣна 80 к.

Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ (Романо-германскій міръ) въ VI—XV вв. С.-Прб. 1886. Ц. 60 к., а съ перес. 80 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ при типографіи М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ. Васил. Остр., 2-я линія, д. № 7.
